

ISSN 0042-8779

ВВВ

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

10

2015

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

10/2015 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- Н.Н. Крадин** — Становление и эволюция ранней государственности на Дальнем Востоке 3

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- В.В. Долгов** — Александр Невский 17

ПУБЛИКАЦИИ

- Нелегальный автостоп: путешествие из ГДР в СССР в 1972 г. Публикацию подготовила **О.С. Нагорная** 37

СООБЩЕНИЯ

- С.С. Войтиков** — Эволюция командного состава Красной армии в 1919—1921 гг. по документам Л.Д. Троцкого ... 46

- Е.А. Крестьянников** — Помещения судебных учреждений Западной Сибири в XIX — начале XX в. 58

- Н.В. Усманов** — Американская администрация помощи в Екатеринбургской губернии в 1922—1923 гг. 71

ДИПЛОМАТИЯ В ИСТОРИИ

- В.В. Познахирев** — Политика России в отношении подданных Швеции в период Русско-шведской войны 1741—1743 гг. 81

Выходит
с 1926 года

ООО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

Ки Кван Со — Политика СССР в отношении Северной Кореи в 1945—1946 гг.	93
---	----

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

А.А. Гуляев, С.Е. Лазарев — Семён Абрамович Туровский	103
--	-----

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

А.А. Макичян — Эвакуация больных и раненых во время Русско-японской войны 1904—1905 гг.	121
В.Н. Денисов, А.Е. Загребин — «Забытые голоса» первой мировой войны	130
И.Н. Колесников — Формирование архивного фонда «Управление наместника Кавказского»	137
З.А. Халаев — Джарские офицеры царской армии	141
Е.Б. Барينو ва — Лингвистические аспекты этнокультурных контактов Китая с народами Центральной Азии в древности	144

ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИЙ

О.В. Серова — Отношения России со Святым Престолом в XIX в.	148
---	-----

ИСТОРИОГРАФИЯ

О.В. Лукаш, В.Л. Портных — Историография детского крестового похода (XX — начало XXI в.)	159
В.В. Шелохаев — От царства к империи. Россия в системах международных отношений. Вторая половина XVI — начало XX века	168
И.А. Гагин — Д.С. Логинов. «Влесева книга»: введение к научному анализу источника	173

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке
Федерального Агентства по печати и массовым коммуникациям.

Становление и эволюция ранней государственности на Дальнем Востоке

Н.Н. Крадин

Проблема становления государственности является одним из постоянно обсуждаемых вопросов в исторической науке. Существует огромное количество книг, сборников и журнальных статей, написанных по данной теме. Длительные дебаты последних нескольких десятилетий привели исследователей к выводу о том, что становление государства следует понимать как сложное многофакторное явление, обусловленное как внутренними (экология, система хозяйства, рост народонаселения, технологические инновации, идеология), так и внешними (война, внешнее давление, торговля, диффузия) факторами ¹. Ни один из выделенных исследователями факторов не может считаться универсальным. В настоящее время большинство историков, антропологов и археологов признают, что возникновение государственности является сложным многовариантным процессом, зависящим от большого числа разнообразных переменных ².

При этом сущность становления государственности отражается в двух дополняющих друг друга подходах. Согласно интегративной (функциональной) версии, государство возникает вследствие организационных нужд, с которыми трайбалистская и вождеская организации власти не могут справиться. При этом раннегосударственная власть имеет не насильственный, а консенсуальный характер. По мнению сторонников конфликтной версии, государственность — это средство стабилизации стратифицированного общества и предотвращения конфликтов в борьбе между различными группами за ключевые ресурсы жизнеобеспечения. Эта версия объясняет происхождение государства, исходя из отношений эксплуатации, классовой борьбы, войны и межэтнического доминирования. Справедливые аргументы есть в обоих подходах. Государство формируется одновременно и как носитель общепольных функций, и как выразитель социального конфликта. Более того, данная амбивалентность справедлива и для современного государства. Возможно, в определенных случаях эти противоречия имеют тенденцию к углублению ³.

Крадин Николай Николаевич — член-корреспондент РАН.

Судя по всему, генеральная линия происхождения государства проходила через монополизацию правящими группами ключевых административных должностей. Поскольку государственность (в форме особого аппарата управления), классовая структура и частная собственность формируются в процессе длительной эволюции, многие исследователи пришли к выводу о целесообразности отмечать некоторые промежуточные фазы между доиерархическими безгосударственными обществами и сложившимися доиндустриальными государствами (цивилизациями). В отечественной и зарубежной науке существует мнение о необходимости выделения трех этапов политогенеза в доиндустриальных обществах:

1. Предгосударственное общество, в котором большинство населения уже отстранено от управления обществом («дофеодалное общество», «предклассовое общество», «вождество», «аналоги государства» и др.);

2. Раннее государство с зачатками аппарата власти, но не знающее частной собственности («раннеклассовое общество», «раннефеодалное», «архаическое», «варварское» или «сословное» государство и пр.);

3. Сложившееся доиндустриальное государство, знакомое с частной собственностью («традиционное государство», «зрелое государство», «аграрное государство», «сословно-классовое общество», «доиндустриальное государство» и т.д.)⁴.

С начала 1990-х гг. и особенно в новом миллениуме однолинейные теории происхождения государства стали подвергаться критике⁵. Постепенно получили распространение билинейные и многолинейные теории. Стало популярным выделение двух полюсов (стратегий) эволюции, которые могут быть зафиксированы в разных обществах. Первая (иерархическая или сетевая) основана на вертикали власти и централизации. Для нее характерны концентрация богатства у элиты, контроль элиты за престижной торговлей и ремеслом, наличие культов вождей, их предков, отражение статусов и иерархии в погребальной обрядности, идеологической системе и архитектуре. Для второй (гетерархической или корпоративной) модели характерны большее распределение богатства и власти, сегментарная социальная организация. Архитектура подчеркивает стандартизированный образ жизни. Гетерархическую стратегию не следует рассматривать как более эгалитарную. Гетерархия не является менее сложной, чем иерархия. Примером этого могут служить греческие полисы и более поздние торговые города-государства, которые обладали высокоразвитой внутренней организацией и культурой⁶.

Конкретная вариативность политических систем может быть многообразной, и все чаще и чаще исследователи отказываются от жестких типологических схем, которые получили распространение в XX веке. По этой причине на первое место выходят кросс-культурные исследования становления государства и альтернативных ему структурно не менее сложных форм политической организации⁷. В настоящей статье рассматривается специфика политогенеза на территории российского Дальнего Востока, а также в смежных зонах Северо-Восточного Китая (Манчжурии и отчасти Внутренней Монголии). Эти территории, как и Корея, и Япония, не входили в число первоначальных очагов происхождения государственности. Все возникшие в этом ареале государственные образования относятся к так называе-

мым «вторичным» ранним государствам, то есть образовавшимся по соседству и под определенным влиянием уже сложившихся цивилизационных центров (в данном случае, Китая).

В середине I тыс. н.э. на территории Приморья, Приамурья и в смежных зонах Маньчжурии проживали мохэ, которые традиционно относятся к тунгусо-маньчжурским народам. Известно семь крупных мохэских объединений (судя по всему вождеств). Самыми известными из них были сумо мохэ, жившие на крайнем юго-западе мохэских земель, и хэйшуй мохэ — на северо-востоке, в долинах нижнего течения Сунгари, Усури и Амура. По данным летописей, мохэ сеяли пшеницу и просо, землю пахали на лошадях, занимались разведением свиней, выращиванием лошадей⁸. У мохэ была развитая социальная стратификация. Источники сообщают, что богатые люди имели по несколько сотен свиней, известны категории неполноправных социальных групп⁹. В летописях сообщается, что «каждый город и селение имеют своего старейшину, независимого от других»¹⁰. По археологическим данным, мохэские поселения в Приморье можно разделить на несколько групп.

Каждое из крупных объединений мохэ возглавлялось вождем и занимало достаточно большую территорию. Помимо них известны мохэские подразделения (кит. *бу* — традиционно этот термин переводится как «племя»), которых было гораздо больше. Власть вождя передавалась по наследству. Скорее всего, *бу* могли соответствовать вождествам, а *булэй* — сложным вождествам. Самым крупным и могущественным из них было объединение хэйшуй мохэ. В обеих версиях Танской истории сообщается, что они со временем разделились на 16 «поколений»¹¹. Совершенно очевидно, что хэйшуй мохэ представляли собой уже сложное вождество или конфедерацию вождеств.

В начале VII в. сумо мохэ подверглись сильному давлению со стороны династии Тан. Это стимулировало процессы внутренней консолидации и привело к созданию у сумо мохэ в середине VII в. крупного объединения с централизованной властью, названного в тюркских эпитафиях «боклийским каганатом». В 698 г. вождь сумо мохэ Да Цзожун провозгласил создание государства (первоначально оно называлось Чжэнь, а с 713 г. — Бохай). Территория Бохая включала восточную Маньчжурию, часть Северной Кореи и юго-западные территории Приморья. Бохайские правители в VIII—IX вв. стремились расширить территорию страны за счет присоединения, главным образом, восточных и северных территорий. Истинным расцветом Бохая было правление вана Да Циньмао (737—793), который за свой вклад в развитие образования и культуры в стране получил посмертное имя «Просвещенный». В годы его правления была сформирована система государственных институтов. В годы царствования Да Жэньсю (818—830 гг.) были частично покорены хэйшуй мохэ, и территория государства достигла максимального размера.

В государстве Бохай имелось пять столиц. Страна делилась на 15 областей (*фу*) и 62 округа (*чжоу*). Идея пяти столиц была заимствована, по всей видимости, у империи Тан. Однако существование в Бохае пяти столичных городов также было вызвано реальными требованиями управления страной. Большинство ранних государств не имели хорошо интегрированной экономической и политической инфраструктуры. Поскольку административный контроль центральной власти был минимален, правитель раннего государства был вы-

нужден постоянно объезжать свои владения, чтобы лично контролировать регионы и подтверждать легитимность своего царствования. Эта система сравнима с хорошо известным у восточных славян институтом «полюдьа» — широко распространенным в мировой истории явлением ¹².

В целом, Бохайское королевство являлось классическим «ранним государством», для которого характерно отсутствие частной собственности на средства производства и сложившегося бюрократического аппарата. Поскольку ранним государствам не хватало монополии на применение законного насилия, чтобы противостоять сепаратизму, персона сакрализованного правителя являлась фигурой консолидирующей и объединяющей общество. Царь выступал «посредником» между боже-ствами и подданными, обеспечивал, благодаря своим сакральным способностям, стабильность и процветание обществу, объединял посредством дарений социальные коммуникации в единую сеть. По мере развития раннее Бохайское государство должно было трансформироваться в «зрелое» традиционное государство, для которого характерно известное развитие частной собственности и наличие государственного аппарата. С появлением эффективной системы власти отпадала необходимость в сакральных функциях «священного царя».

Это отражается в изменениях, произошедших в социальной структуре Бохайского государства. Первоначально социальная структура выглядела следующим образом: ван (король) и его родственники, шесть знатных кланов, вожди и старейшины, простые общинники. В период наивысшего расцвета социальная структура Бохая состояла из двух основных классов: бюрократическо-управленческой элиты, разбитой на восемь рангов, в которую входили королевская семья, крупная аристократия и служилая знать, и непосредственных производителей — крестьян, объединенных в общины (*буцой*), а также различных неполноправных категорий (*нубэй*).

Аппарат управления Бохая копировал бюрократическую модель империи Тан и включал три управления (*шэн*), шесть министерств (*люсы*), а также другие ведомства. Министерства подразделялись на левые и правые. Чиновники делились на 8 рангов. Они носили одежду разного цвета с верительными знаками отличия ¹³. Для ведения делопроизводства бохайцы заимствовали китайскую письменность. В стране были созданы школы для обучения детей знати грамоте. Среди элиты определенное распространение получил буддизм. Бохай имел дипломатические отношения с соседними странами — империей Тан, государством Силла, кочевыми империями. Каждый обмен посольствами сопровождался обменом товарами престижного потребления. Особенный интерес вызывали контакты с Японией. Всего за время существования Бохая было отправлено 35 бохайских посольств в Страну восходящего солнца. Из Японии за это время прибыло 13 дипломатических миссий ¹⁴.

Раньше считалось, что вся территория современного Приморья и значительная часть Хабаровского края входили в состав Бохайского государства. В настоящее время можно более или менее уверенно утверждать, что в состав Бохая входила только южная и частично западная части Приморского края ¹⁵. Здесь располагались две административные единицы Бохайского государства. Южная часть Приморья входила в состав округа Яньчжоу области Лунъюаньфу. Центром ее

было Краскинское городище. Долина р. Раздольной (Суйфун) входила в состав области Шуайбинь. Многие ученые считают, что центром этой области было городище Дачэнцзы, расположенное неподалеку от пересечения р. Суйфун российско-китайской границы. Территория к северу от оз. Ханка, долина р. Партизанская (Сучан) и восточная часть Приморья не входили в состав государства Бохай.

В государстве была развита внутренняя торговля. В заключительной части 219 главы «Новой истории династии Тан» («Синь тан шу») повествуется о том, что в Бохэе существовала хозяйственная специализация между регионами: «Ценятся зайцы гор Тайбайшань, морская капуста из области Наньхай, соевый соус из Чжачэна, олени из области Фуюй, свиньи из области Моцзе, лошади из области Шуайбинь, ткани из Сяньчжоу, шелковая вата из Вочжоу, шелковые ткани из Лунчжоу, железо из города Вэйчэн, рис из Лучэна, караси из озера Мэйто»¹⁶. Связи Приморья с центральными районами Бохая и Китаем подтверждаются также находками китайских зеркал и украшений, фарфоровой и глазурованной посуды. По археологическим данным прослеживается обмен продуктами питания между континентальными и прибрежными районами Приморья¹⁷.

На территории Приморья известно несколько десятков археологических памятников государства Бохай — городища, поселения, храмы и могильники. Наиболее изученным из них является Краскинское городище. Памятник расположен на самом юге Приморского края — на правом берегу устья р. Цукановка (Яньчихэ), примерно в 400 м от берега залива Посьета. Форма городища напоминает подкову, ориентированную выпуклой стороной на север. Имеется трое ворот. От южных ворот к северу проложена улица, которая делит город на две части. Магнитометрические исследования показывают наличие следов кварталов, улочек между ними, отдельных усадеб¹⁸. Городище являлось городом Янь — центром одноименного округа и портом, откуда начиналась дорога в Японию.

На протяжении уже многих лет здесь ведутся интенсивные изыскания¹⁹, которые выявили различные строительные конструкции — каменные стены, ограждавшие буддийский храмовый комплекс, прямоугольную платформу храма, печи для обжига черепицы, каменный фундамент башни, выложенный из камня колодец и т.д. Город являлся крупным центром сосредоточения ремесел — гончарного производства, металлургии, изготовления черепицы, строительного дела и др. Здесь найдено много предметов престижного потребления и свидетельств развитой внешней и внутренней торговли (фарфор, глазурованная керамика, украшения), а также раскопаны жилища с канами — лежанками, отапливаемыми горячим воздухом. Культурный слой на памятнике превышает два метра. Здесь выделено пять строительных горизонтов, связанных с различными этапами жизнедеятельности. Город существовал в течение нескольких столетий — с VIII до первой половины X века. Верхняя хронологическая граница может быть датирована киданьским сосудом, попавшим в колодец.

Скорее всего, этот сосуд оказался на дне колодца в период завоевания Бохая киданями (919—926 гг.) или сразу после этого. На бохайских землях было создано марионеточное государство Дундань (Восточная Кидань). Во главе государства был поставлен старший

сын Абаоцзий Тууй. У монголоязычных кочевников был распространен обычай, по которому старшие сыновья получали свою долю и отделялись от родителей, а домашнее хозяйство наследовал младший из сыновей. Бохайцы были обложены данью, но практически сразу же восстали. Восстание было подавлено, но через некоторое время начались новые волнения. Чтобы ликвидировать очаг недовольства, кидани использовали традиционную для доиндустриальных государств стратегию — в течение 930—940-х гг. они насильственно переселили почти полмиллиона бохайцев, в том числе из Шуайбиня, на свои земли в долины рек Шара-Мурэн и Ляохэ. Часть бохайцев была позднее депортирована в центральную Монголию для строительства города Чжэнчжоу (совр. городище Чинтолгой Балгас).

Учитывая, что только ограниченная часть Приморья входила в состав Бохая (крайний юг, Суйфунская долина и Приханкайская низменность), думается, киданьская депортация не затронула других районов края. Можно допустить, что часть территории Приморья впоследствии могла входить в состав одного из полузависимых от киданей вассальных владений (Диньянь, Северо-Западный Бохай), выплачивавшего определенную дань киданьскому императору. Очищенное пространство с течением времени всегда чем-то заполняется, и постепенно опустевшие территории были заселены чжурчжэньским населением.

Киданьская империя Ляо (907—1125 гг.), как впоследствии и государство чжурчжэней имела более сложную структуру, чем раннее государство Бохай. В случае с киданями и чжурчжэнями это были империи, которые создавались в процессе завоевания номадами (кидани) или охотничье-земледельческими народами (чжурчжэни) более высоко развитых соседей-земледельцев (китайцев). Поскольку вновь созданные общества имели сложносоставной характер (в литературе данное явления нередко называют «суперстратификацией») и занимали большую территорию, то их можно называть «варварскими империями». Основной формой эксплуатации в «варварских империях» были данничество и налогообложение подчиненного земледельческого и городского населения. Так происходило наложение предклассовых или максимум раннеклассовых институтов воинственных северян на типичное восточноедеспотическое общество завоеванных оседлых жителей.

В империи Ляо скотоводы-кочевники кидани составляли всего пятую часть населения (750 тыс. человек). Кроме них в состав империи входили земледельцы-китайцы — более половины населения (2400 тыс. чел.), бохайцы (450 тыс. чел.), некиданьские (так называемые «варварские») скотоводческие и охотничьи (200 тыс. чел.) народы. Общая численность населения державы составляла 3 млн 800 тыс. человек ²⁰.

Социальная структура империи Ляо имела сложносоставной характер. Высший уровень социальной пирамиды империи занимали император и его родственники (род Елюй), а также представители рода Сяо, из которого выходили императрицы. Следующую ступень иерархии занимали представители знатных киданьских родов и кланов, племенные вожди, предводители разных рангов. Кидани были разделены на племена, которые являлись основными административно-политическими единицами северной части страны. Каждое племя имело свою определенную территорию кочевания, свою организацию управления, возглавлявшуюся традиционным вождем (*илицизи-*

нем). Положение простых номадов (кит. *шужэнь*), по всей видимости, оставалось примерно таким же, как и до создания империи.

На протяжении многих лет киданьская держава была основана, главным образом, на внешней эксплуатации соседних государств. Данничество и вымогаемые у китайских государств «подарки» приносили Ляо огромную прибыль. Так, например, после подписания мирного договора в 1005 г. Сунская династия согласилась выплачивать Ляо ежегодно 100 тыс. монет серебром и 200 тыс. кусков шелка. После новой военной кампании 1042 г. выплаты были увеличены до 200 тыс. монет и 300 тыс. кусков шелка ²¹. Длительное время эти доходы составляли основу бюджета престижной экономики империи.

По мере включения в состав империи значительных земледельческих территорий появлялась потребность создания более сложного управленческого механизма. Традиционные догосударственные институты управления конфедерации «восьми племен» киданей не были приспособлены для управления сложной экономикой земледельческой цивилизации с многочисленными городами. Это привело к созданию уже в 947 г. дуальной системы администрации, разделенной на северную и южную части. Северная администрация считалась по рангу выше Южной, хотя, как по численности аппарата, так и по квалификации бюрократии, уступала последней.

Северная администрация возглавлялась «северным канцлером», который, как правило, назначался из представителей кланов Елюй и Сяо. В его компетенцию входил контроль за киданями — титульным этносом многонационального государства. Южная администрация структурно копировала бюрократическую систему империи Тан и состояла из чиновников-китайцев. Однако все высшие должности были в руках завоевателей киданей. Территория южной части страны была разделена на округа (*дао*), префектуры (*фу*), области (*чжоу*), уезды (*сянь*). На каждом уровне иерархии существовал свой управленческий аппарат. Кроме центральных, региональных и местных органов власти имелась администрация пяти столиц империи ²².

Статус, доходы, а также частные состояния китайцев-чиновников были намного выше, чем у простых китайцев. Существование китайских ремесленников и крестьян-общинников было, по всей видимости, несколько более стесненным из-за этнического угнетения. Внизу социальной лестницы находились различные категории зависимого населения и рабы. Зависимые категории подчинялись как отдельным лицам (*буцзюй*), так и государству. В последнем случае они были приписаны к императорским дворцам, ставкам (*ордо*) киданей. В рабы попадали военнопленные, должники, лица, совершившие тяжкие (чаще всего антигосударственные) преступления ²³.

Этноним *чжурчжэни* появился с X века. Так стали называть происходившие от хэйшуй мохэ племена и вождества, расселившиеся по территории Северной Маньчжурии, Приморья и Приамурья на опустевших после киданьского завоевания бохайских землях. Кидани подразделяли чжурчжэней на «мирных», которые расселялись на подконтрольных империи Ляо землях и на «диких», проживавших к востоку и северо-востоку от Сунгари. Чжурчжэни зависели от киданей и платили им дань пушниной, драгоценностями, лекарственными

растениями, лошадьми и т.д. Особенно ценились охотничьи соколы (*хайдунцины*), за которыми по требованию киданей чжурчжэни регулярно совершали походы в земли Уго (кит. «пять владений»). Последние, предположительно, обитали в низовьях Сунгари, Уссури и прилегающей к ним долине Амура ²⁴.

Во второй половине XI в. началась консолидация чжурчжэней под предводительством рода Ваньянь. В 1112 г. вождь чжурчжэней Агуда отказался танцевать на официальном приеме у киданьского императора. Это стало причиной конфликта и начала войны. В 1115 г. Агуда провозгласил создание Золотой империи чжурчжэней (по-китайски — Цзинь) и принял титул императора ²⁵. За десять лет чжурчжэни полностью разбили киданей и захватили всю их территорию. По иронии судьбы остатки киданей оказались в самом западном городе Чжэньчжоу (городище Чинтолгой-балгас), куда они прежде ссылали бохайцев. В 1130 г. они покинули и его, направившись в Среднюю Азию, где создали империю каракиданей (кит. Западное Ляо).

Агуда принял инвеституру в соответствии с китайской традицией. Чтобы легитимизировать свое правление, он послал по наущению своего советника бохайца Ян Пу письмо киданьскому императору. В этом послании предлагалось узаконить статус Агуды в качестве императора, установить дипломатические отношения, выплачивать дань чжурчжэням и уступить две пограничные провинции ²⁶. Миссия в конечном счете провалилась из-за резкого тона ответного письма. Однако вызывает интерес стремление Агуды узаконить свое положение посредством механизмов, используемых в китайской политической традиции.

После завоевания территории Ляо чжурчжэни взялись за подчинение Китая. Постепенно им удалось завоевать практически весь Северный Китай, а империя Южная Сун была вынуждена платить им ежегодно огромные суммы. Только в 1127 г. чжурчжэни получили от Сун 1 млн лянов золотом, 10 млн слитков серебра, 10 млн кусков шелка и 10 млн кусков других тканей. Впрочем, экономический «центр» дальневосточной мир-системы находился на юге и полученное серебро скоро возвращалось назад. Чжурчжэням приходилось рассчитывать на им за покупаемые в Сун товары ²⁷.

Чжурчжэни многое унаследовали у своих предшественников. Включив в свой состав бохайское население, захватив территории Ляо и Северной Сун, они получили огромные материальные и человеческие ресурсы. Это дало им возможность быстро создать сильное государство с развитой экономикой. Уже через четыре года после провозглашения государственности чжурчжэни создали собственную письменность (в 1119 г. так называемое большое письмо и в 1138 г. — малое). В государстве получили развитие различные науки, медицина, литература, изобразительное и декоративно-прикладное искусство, скульптура и архитектура ²⁸.

Государство чжурчжэней Цзинь (1115—1234 гг.), как и киданьская империя Ляо, состояло из завоевателей чжурчжэней, эксплуатируемых крестьян и горожан-китайцев. В период расцвета чжурчжэньская империя занимала всю Маньчжурию, южную часть Дальнего Востока России, часть Северной Кореи и большую часть территории Северного Китая. Численность населения Цзинь в начале XIII в. со-

ставляла более 53 млн чел., из которых чжурчжэней было около 10%, тогда как китайцев — не менее 83 ²⁹. Подобно бохайцам и киданям у чжурчжэней было пять столиц. Страна делилась на 19 губерний, которые возглавлялись генерал-губернаторами. Губернии, в свою очередь, состояли из областей, округов и уездов.

Для управления завоеванными территориями чжурчжэни воспользовались созданной киданями дуальной системой. Со временем при дворе развернулась борьба между сторонниками «военной» и «административной» партий. Тайцзун (1123—1135) опасался сепаратистских настроений «милитаристов» и склонился ко второму варианту ³⁰. За период 1133—1134 гг. дуальная система управления была преобразована в единый общегосударственный бюрократический аппарат. В новом государственном устройстве много было заимствовано от китайской традиционной бюрократической системы, но в нее вошло и немало элементов управления чжурчжэньским обществом. Основу госаппарата составляли шесть министерств: общественных работ, юстиции, финансов, церемоний, чинов и военных дел. Все высшие должности в правительстве были заняты чжурчжэнями. Однако большинство чиновников всех министерств и ведомств были китайцами ³¹.

Чжурчжэни старались ограничивать процент госслужащих-китайцев в высших органах власти. И хотя их удельный вес постоянно увеличивался, он никогда не достигал половины ³². Заимствованная из Китая система экзаменов была преобразована таким образом, чтобы фильтрация китайцев была жестче. Чжурчжэням было гораздо проще добиться степени «цзиньши», чем китайцам. Кроме того, чжурчжэни могли получить должность по наследству или по протекции. Из числа китайцев более льготные условия создавались для бывших подданных Ляо — «северян» (*ханьэр*), чем для «южан» (*наньжэнь*) сунцев ³³. При этом почти весь XII в. в разных частях государства продолжали сосуществовать разные письменные языки (китайский, киданьский и чжурчжэньский). Только в 1191—1192 гг. была сделана попытка упразднить киданьское письмо ³⁴.

В результате сложных аккультурационных процессов сложилась многонациональная социальная структура чжурчжэньской империи. Во главе находился император и его многочисленные родственники. Они были крупнейшими владельцами собственности и занимали большинство главных постов в государственном аппарате. Далее располагалась чжурчжэньская аристократия. Ее представители обладали значительным богатством, служили главной опорой государства. Еще ниже находились племенные вожди и, наконец, простые чжурчжэни, которые занимались земледелием, скотоводством, охотой и ремеслом. Из представителей других народов в империи высокое общественное положение имели китайские чиновники и крупные землевладельцы, хотя их влияние было ограничено верховной властью. Положение свободных китайских ремесленников, торговцев и крестьян было намного хуже. На их плечи легли основные тяготы государственных налогов и повинностей. Но еще тяжелее было положение казенных и частных рабов, вынужденных трудиться на своих хозяев. Для дополнительного поддержания порядка на завоеванных землях была создана система военных поселений — *мэньань* и *моукэ* ³⁵.

На крайнем северо-востоке Цзиньской империи находились губернии Хэлань (пограничная с Кореей и крайним югом Приморья), Хулигай (на северо-востоке Маньчжурии) и Сюйпинь (в южной и центральной частях Приморья и на востоке Маньчжурии). Ее центром было разрушенное в настоящий момент Южно-Уссурийское городище. Кроме этого, на территории Приморья была расположена губерния Елань (долина р. Партизанская [Сучан] и прилегающая прибрежная область) с центром в Николаевском городище. Центром еще одного административного подразделения в верховьях Уссури было, по всей видимости, Чугуевское городище, а локальным центром прибрежных районов юго-восточного Приморья, возможно, являлось Новонезжинское городище.

На левом берегу р. Раздольная (Суйфун) в черте современного города Уссурийска еще в XIX в. были найдены погребальные комплексы, воздвигнутые в честь представителей чжурчжэньской элиты. В.Е. Ларичеву удалось установить, что здесь был погребен чжурчжэньский князь Эсыкуй (Дигунай, Ваньянь Чжун). Его биография раскрывает некоторые неизвестные страницы истории Приморья. Ваньянь Чжун был одним из сподвижников первого чжурчжэньского императора Агуды, участвовал в походах против Ляо, а после смерти своего брата, предводителя еланьских чжурчжэней, взял в свои руки бразды правления Юго-Восточным Приморьем. В 1124 г. Ваньянь Чжун перенес ставку из Елани в Сюйпинь. Это было обусловлено тем, что земли Елани были не очень плодородны. Скорее всего, после переселения на новом месте был построен город, который и стал административным центром чжурчжэньской губернии Сюйпинь. Здесь он и прожил до своей смерти в 1137 году. Позднее, в 1171 г., чжурчжэньский император повелел номинально объединить Еланьский и Сюйпиньский мэнъяни, оставив общее название Елань ³⁶.

В начале XIII в. над чжурчжэньским государством нависла внешняя угроза. В 1206 г. в монгольских степях была создана держава Чингис-хана. Через четыре года монголы начали войну против Цзинь. Война имела затяжной характер и продолжалась почти четверть века (до 1233—1234 гг.). Монголы разорили множество городов, вырезали их население, увели в плен многих искусных мастеров. В 1215 г. командующий цзиньскими войсками в Ляодуне Пусянь Ваньну провозгласил создание государства Великое Чжэнь. После нескольких военных поражений от лояльных империй чжурчжэней и восставших киданей он решил перевести свою армию и народ в отдаленные восточные губернии чжурчжэньской империи. Здесь было провозглашено создание государства Восточное Ся (кит. *Дун Ся*). Новое государственное образование занимало территорию трех губерний Золотой империи: Хэлань, Сюйпинь и Хулигай (восточная Маньчжурия, крайний север Корейского полуострова, большая часть Приморского края) ³⁷. В этот период на территорию нового государства было переселено большое количество населения, построены многочисленные города с мощными укреплениями.

Нет оснований сомневаться, что за основу государственно-административного устройства Восточного Ся была взята цзиньская модель. Однако необходимо иметь в виду, что новое государственное образование обладало рядом специфических характеристик: 1) мень-

шие, отнюдь не имперские размеры; 2) разрыв экономической инфраструктуры и определенный шаг назад к натурализации экономики; 3) «стрессовый» характер власти (из-за опасения перед монгольским нашествием), который должен был выразиться в: а) усилении личной власти правителя (Пусянь Ваньну) и его местных администраторов; б) сведении и без того не очень большого на Востоке частного сектора до минимума; в) необходимости милитаризации экономики (фортификационное строительство, черная и цветная металлургия и пр.) и общества (военно-иерархическая система военных поселений *мэнь-ань — моукэ*).

К этому времени на правом берегу Суйфуна, в трех километрах к югу от современного Уссурийска была построена неприступная крепость — город Кайюань, столица государства Восточное Ся. Городище было расположено на высокой сопке, окружено мощными оборонительными сооружениями, имело систему дополнительных внутренних укреплений. На этом месте найдены и исследованы остатки многочисленных дворцовых и храмовых зданий, многолюдные кварталы жилищ простых людей, богатый бытовой и хозяйственный инвентарь, украшения, предметы вооружения ³⁸.

Горные приморские городища времени чжурчжэньских государств Цзинь и Восточное Ся по своим конструктивным особенностям значительно отличались от равнинных городищ. Как правило, для их возведения избирался большой распадок, в котором имелся водный источник. По гребню возводился вал, так что распадок оказывался защищенным от нападения. Самым известным горным городищем такого типа является знаменитая Шайгинская крепость в Партизанском районе Приморского края. Она была открыта выдающимся дальневосточным археологом Э.В. Шавкуновым и длительное время исследовалась под его руководством ³⁹.

На территории городища раскопано много мастерских, в которых занимались плавкой и кузнечно-слесарной обработкой черных и цветных металлов. Крепость была разбита на кварталы. Существует мнение, что в одной его части жили металлурги, а в остальных — ремесленники-оружейники, ювелиры, кожевники. Внутренним валом был отгорожен «запретный город» для наместника и его администрации. На высокий статус Шайгинского городища в политической иерархии Восточного Ся указывают находки серебряной пайцзы — верительного знака должностного лица и печати *чжичжуна* — крупного чжурчжэньского чиновника ⁴⁰.

Примером небольшого военного поселения может служить Ананьевское городище, которое расположено примерно в 10 км от р. Суйфун в Надеждинском районе Приморья. Площадь городища более 10,5 га. Здесь раскопано более 100 жилищ с канами, различных хозяйственных и других объектов. Размеры памятника, отсутствие административных и дворцовых зданий, а также важное стратегическое положение позволяют предположить, что на этом месте могло быть размещено чжурчжэньское военное поселение — моукэ ⁴¹.

Стратегическим планам Пусяня Ваньну не суждено было реализоваться. Государство просуществовало всего 18 лет. В 1233 г. монгольские войска вторглись на территорию Приморья и дошли до Сюйпиня и Кайюаня. «Все восточные земли были усмирены» — сообщает

«История династии Юань»⁴². Сам Пусянь Ваньну был пленен. Через два года по указанию хагана Угэдэя на этой территории было учреждено темничество Кайюань.

Подводя итоги, следует отметить, что для всех рассмотренных дальневосточных государств было характерно не только заимствование тех или иных компонентов средневековой китайской политической культуры, но и влияние первичных и вторичных центров политогенеза на периферийные по отношению к ним. Влияние имело стимулирующий характер, ускоряло процессы экономического и культурного подъема, политической и этнической консолидации предгосударственных обществ. Так, можно выявить древнекорейское влияние на процессы политогенеза в Японии. В становлении бохайской государственности определенную роль сыграло когурёское наследие. Многие принципы организации политической системы киданей были традиционны для кочевых народов. Большое влияние на них оказала «тюркская» модель. Не случайно еще в конце VII в. некоторые вожди пытались создать киданьский каганат по примеру тюркской степной империи. В свою очередь, сами кидани оказали существенное влияние на процессы политогенеза у чжурчжэней, а чжурчжэни — на процессы политогенеза у монголов. Это выразилось в международном признании, заимствовании предгосударственными обществами титулатуры, концепции верховной власти, элементов административного устройства, моделей политического поведения и пр.

Примечания

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ № 14-18-01165 «Города средневековых империй Дальнего Востока».

1. CARNEIRO R.L. A Theory of the Origin of the State. — Science. Vol. 169, No 3947; RENFREW C. The Emergence of Civilization: the Cyclades and Aegean in the third millennium B.C. L. 1972; SERVICE E. Origins of the State and Civilization. New York. 1975; ХАЗАНОВ А.М. Классообразование: факторы и механизмы. В кн.: Исследования по общей этнографии. М. 1979; HAAS J. The Evolution of the Prehistoric State. New York. 1982; ШНИРЕЛЬМАН В.А. Производственные предпосылки разложения первобытного общества. В кн.: История первобытного общества. Эпоха классообразования. М. 1988; ПАВЛЕНКО Ю.Е. Раннеклассовые общества. Киев. 1989; КОРОТАЕВ А.В. Некоторые экономические предпосылки классообразования и политогенеза. В кн.: Архаическое общество: Узловые проблемы социологии развития. Ч. 1. М. 1991; CLAESSEN H.J.M. Structural Change: Evolution and Evolutionism in Cultural Anthropology. Leiden. 2000; ТУРЧИН П.В. Историческая динамика. На пути к теоретической истории. М. 2007; КАРНЕЙРО Р. Теория ограничения: разъяснение, расширение и новая формулировка. В кн.: Политическая антропология традиционных и современных обществ. Владивосток. 2012.
2. PEREGRINE P., EMBER C., EMBER M. Modeling State Origins Using Cross-Cultural Data. — Cross-Cultural Research. Vol. 41, 2007, No. 1, p. 84.
3. FRIED M. The Evolution of Political Society. New York. 1967; SERVICE E. Op. cit.; The Early State. The Hague. 1978; The Study of the State. The Hague. 1981; HAAS J. Op. cit.; Pathways to Power: New Perspectives on the Emergence of Social Inequality. New York. 2010.
4. SERVICE E. Op. cit.; ВАСИЛЬЕВ Л.С. Проблемы генезиса китайского государства. М. 1983; JOHNSON A.W., EARLE T. The Evolution of Human Society: From Foraging Group to Agrarian State. Stanford (Cal.). 1987; ПАВЛЕНКО Ю.Е. Раннеклассовые общества. Киев. 1989; ИЛЮШЕЧКИН В.П. Эксплуатация и собственность в со-

- словно-классовых обществах. М. 1990; ГРИНИН Л.Е. Государство и исторический процесс. Кн. 1—3. М. 2007.
5. YOFFEE N. Myth of the Archaic State: Evolution of the Earliest Cities, States, and Civilizations. Cambridge. 2005; PAUKETAT T. Chiefdoms and Others Archaeological Delusions. New York. 2007.
 6. БЕРЕЗКИН Ю.Е. Вождества и акефальные сложные общества: данные археологии и этнографические параллели. В кн.: Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М. 1995; CRUMLEY C. Heterarchy and the Analysis of Complex Societies. — Heterarchy and the Analysis of Complex Societies. Washington. 1995; BLANTON R.E., FIENMAN G.M., KOWALEWSKI S.A., PEREGRINE P.N. A Dual-Process Theory for the Evolution of Mesoamerican Civilization. — *Current Anthropology*. Vol. 37. 1996, No 1, p. 1—14, 73—86; БОНДАРЕНКО Д.М., КОРОТАЕВ А.В. Политогенез, «гомологические ряды» и нелинейные модели социальной эволюции. — *Общественные науки и современность*. 1999, № 5, с. 128—138; БЕРЕНТ М. Безгосударственный полис. Раннее государство и древнегреческое общество. В кн.: Альтернативные пути к цивилизации. М. 2000; FEINMAN G. Mesoamerican Political Complexity: The Corporate-Network Dimension. In: *From leaders to rulers*. New York. 2001; БОНДАРЕНКО Д.М. Гомоархия как принцип построения социально-политической организации. В кн.: Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград. 2006; CHAPMAN P. *Alternative States*. Шт: *Evaluating Multiple Narratives: Beyond Nationalist, Colonialist, Imperialist Archaeologies*. New York. 2008.
 7. TRIGGER B. *Understanding Early Civilizations: A Comparative Study*. Cambridge. 2003; *The Comparative Archaeology of Complex Societies*. Cambridge. 2012.
 8. БИЧУРИН Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 2. М. 1950, с. 70, 92.
 9. ШАВКУНОВ Э.В. Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье. Л. 1968, с. 35, 37.
 10. БИЧУРИН Н.Я. Ук. соч., с. 69; RECKEL J. Bohai. *Geschichte und Kultur eines mandschurisch-koreanischen Königreiches der Tang-Zeit*. Wiesbaden. 1995, S. 18.
 11. RECKEL J. *Op. cit.*, S. 22—23.
 12. Полюдь: Всемирно-историческое явление. М. 2009.
 13. RECKEL J. *Op. cit.*, S. 63—65.
 14. Государство Бохай и племена Дальнего Востока России. М. 1994.
 15. ГЕЛЬМАН Е.И. Взаимодействие центра и периферии в Бохае. В кн.: *Российский Дальний Восток в древности и средневековье*. Владивосток. 2005.
 16. RECKEL J. *Op. cit.*, S. 65—66.
 17. ГЕЛЬМАН Е.И. Центр и периферия в Северо-Восточной части государства Бохай. — *Россия и АТР*. 2006, № 3. с. 39—47.
 18. БЕССОНОВА Е.А. Применение магниторазведки для решения археологических задач в береговой зоне залива Петра Великого (Японское море): Автореф. канд. дисс. Владивосток. 2008.
 19. ИВЛИЕВ А.Л., БОЛДИН В.И. Исследования Краскинского городища и археологическое изучение Бохая в Приморье. — *Россия и АТР*. 2006, № 3. с. 5—18; Бохай: история и археология (в ознаменование 30-летия с начала раскопок на Краскинском городище). Владивосток. 2010; ГЕЛЬМАН Е.И., АСТАШЕНКОВА Е.В., ПИСКАРЕВА Я.Е., БОЛДИН В.И. Археологические исследования российско-корейской экспедиции на Краскинском городище в 2010 году. Сеул. 2011; ГЕЛЬМАН Е.И., АСТАШЕНКОВА Е.В., ИВЛИЕВ А.Л., БОЛДИН В.И. Археологические исследования российско-корейской экспедиции на Краскинском городище в 2009 году. Т. 1—2. Сеул. 2011.
 20. WITTFOGEL K.A., FENG CHIA-SHENG. *History of Chinese Society*. Liao (907—1125). Philadelphia. 1949, p. 58.
 21. Е ЛУНЛИ. История государства киданей (Цидань го чжи). М. 1979, с. 63, 69, 148.
 22. WITTFOGEL K.A., FENG CHIA-SHENG. *Op. cit.*, p. 434—450.
 23. КЫЧАНОВ Е.И. О ранней государственности у киданей. В кн.: *Центральная Азия и соседние территории в средние века*. Новосибирск. 1990, с. 10—24; ЕГО ЖЕ. Исто-

- рия приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров). СПб. 2010; ПИКОВ Г.Г. Киданьское государство Ляо как кочевая империя. В кн.: Кочевая альтернатива социальной эволюции. М. 2002; ДАНЬШИН А.В. Государство и право киданьской империи Великое Ляо. Кемерово. 2006.
24. О ранних этапах истории чжурчжэней см.: КЫЧАНОВ Е.И. Чжурчжэни в XI в. Материалы по истории Сибири. Древняя Сибирь. Вып. 2. Сибирский археологический сборник. Новосибирск. 1966; ВОРОБЬЁВ М.В. Чжурчжэни и государство Цзинь (X в. — 1234 г.). М. 1975; FRANKE H. Chinese Texts on the Jurchen (I): A Translation of the Jurchen Monograph in the San-ch'ao pei-meng hi-pien. — Zentralasiatische Studien. 1975, vol. 9, p. 119—186; ЛАРИЧЕВ В.Е. Краткий очерк истории чжурчжэней до образования Золотой Империи. В кн.: История Золотой империи. Новосибирск. 1998, с. 34—87.
 25. Существует мнение, что хронология чжурчжэньского политогенеза отражена в цзиньской и ляоской летописях неточно, и более надежными являются сунские источники. Также дискусионен вопрос о первоначальном названии государства. GARCIA C.D. Horsemen from the Edge of Empire: The Rise of the Jurchen Coalition. Unpublished PhD Thesis. Seattle, University of Washington. 2012, p. 171, note 260.
 26. FRANKE H. Op. cit., p. 158—165.
 27. THEILE D. Der Adschkuss eines Vertrages: Diplomatie zwischen Sung und Chin Dinastie 1117—1123. Wiesbaden. 1971, S. 113—115; ГОНЧАРОВ С.Н. Китайская средневековая дипломатия: отношения между империями Цзинь и Сун 1127—1142. М. 1986, с. 25.
 28. ВОРОБЬЁВ М.В. Ук. соч.; ЕГО ЖЕ. Культура чжурчжэней и государства Цзинь (X в. — 1234 г.). М. 1982; ШАВКУНОВ Э.В. Культура чжурчжэней-удигэ XII—XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. М. 1990.
 29. FRANKE H. Nordchina am Vorabend der mongolischen Eroberungen: Wirtschaft und Gesellschaft unter der Chin-Dynastie (1115—1234). Orladen. 1978, S. 12, 14.
 30. TAO JING-SHEN. The Jurchen in the Twelfth-Century China. A Study in Sinicization. Seattle-L. 1976.
 31. ВОРОБЬЁВ М.В. Ук. соч., с. 150—178.
 32. Там же, с. 171—173.
 33. TAO JING-SHEN. Op. cit., p. 55—57.
 34. WITTFOGEL K.A., FENG CHIA-SHENG. Op. cit., p. 252—253.
 35. ВОРОБЬЁВ М.В. Чжурчжэни и государство Цзинь, с. 130—142.
 36. ЛАРИЧЕВ В.Е. Тайна каменной черепахи. Новосибирск. 1966; ЕГО ЖЕ. Навершие памятника князю Золотой империи. Материалы по истории Сибири. Древняя Сибирь. Вып. 4. Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск. 1974; АРТЕМЬЕВА Н.Г., ИВЛИЕВ А.Л. Печать Еланьского мэньяня. — Вестник ДВО РАН. 2000, № 2, с. 109—114.
 37. ИВЛИЕВ А.Л. Изучение истории государства Восточное Ся в КНР. Новые материалы по археологии Дальнего Востока России и смежных территорий (Доклады V сессии Научного проблемного совета археологов Дальнего Востока). Владивосток. 1993; ЕГО ЖЕ. Письменные источники об истории Приморья середины I начала II тысячелетия н.э. В кн.: Приморье в древности и средневековье. Уссурийск. 1996.
 38. АРТЕМЬЕВА Н.Г., ИВЛИЕВ А.Л. Ук. соч.; АРТЕМЬЕВА Н.Г. Итоги исследований Красноярского городища Приморской археологической экспедицией. В кн.: Актуальные проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока. Уссурийск. 2011.
 39. ШАВКУНОВ Э.В. Культура чжурчжэней-удигэ XII—XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. В кн.: Средневековые древности Приморья. Вып. 3. Владивосток. 2015.
 40. ИВЛИЕВ А.Л. О печати чжичжуна и статусе Шайгинского городища. — Вестник ДВО РАН. 2006, № 2, с. 109—113.
 41. ХОРЕЕВ В.А. Ананьевское городище. Владивосток. 2012.
 42. Цит. по: МЕЛИХОВ Г.В. Установление власти монгольских феодалов в Северо-Восточном Китае. В кн.: Татаро-монголы в Азии и Европе. М. 1977, с. 76.

Александр Невский

В.В. Долгов

Летописец не отметил даты рождения князя Александра, несмотря на то, что его отец Ярослав Всеволодович, князь Переяславля-Залесского, был на момент его рождения весьма значительной фигурой на русском политическом небосклоне — значительной ровно настолько, что на страницах Суздальской летописи был отмечен факт рождения его первенца — Фёдора. Когда Ярослав возвысился и стал великим князем Владимирским, летописец стал более детально фиксировать рождение его детей. Но Александр, будучи вторым сыном (из восьми), появился на свет в тот момент, когда по негласному летописному этикету Ярослав Всеволодович еще «не дорос» до той степени значительности, чтобы записывать рождение каждого его ребенка.

Поэтому исследователи вынуждены ориентироваться на то, что восьмилетний Фёдор и его младший брат Александр упоминаются в Новгородской Первой летописи (НЛ) вместе: «Ярославъ поиде съ княгининею из Новагорода къ Переяславлю, а в Новегороде остави 2 сына своя, Федора и Александра, с Федоромъ Даниловицем и с тиуном», «Тои же зиме побежа Федоръ Даниловиць с тиуном Якимомъ, и понявши с собой два княжичя, Федора и Александра»¹. Из этого можно сделать вывод, что разница в возрасте между братьями была небольшой². По умолчанию считают, что она составляла год. Поэтому датой рождения Александра называют 1220 или 1221 год. Но разница могла быть и два года, и три. Самостоятельно, без матери, под присмотром боярина и тиуна ребенка могли оставить, едва он вышел из грудного возраста. Следовательно, хронологический зазор даты рождения Александра весьма широк.

Родители князя Александра состояли в кровном родстве, которое, впрочем, было достаточно дальним. Издревле церковные правила запрещали браки до шестой степени включительно. Дистанция же между отцом — князем Ярославом Всеволодовичем и матерью — Фе-

Долгов Вадим Викторович — доктор исторических наук, профессор Удмуртского государственного университета.

досией-Ростиславой Мстиславовной составляла семь степеней (или, говоря языком генеалогии, «рождений»). И по мужской, и по женской линии Александр являлся потомком Юрия Долгорукого, который был дедом его отца Ярослава и приходился пра-пра-прадедом его матери Феодосии.

Константинопольский Собор 1168 г., по инициативе патриарха Луки Хрисоверга, предписал расторгать браки между супругами, состоявшими в седьмой степени бокового кровного родства, но до Руси канонические новации доходили медленно. Еще и в XIV в. в тексте Софийской Кормчей седьмая степень родства при заключении брака называлась разрешенной³. Однако можно сказать, что этот брак был заключен «на грани» дозволенного, что, впрочем, было в княжеской семье обычным делом. При всей многочисленности потомков Рюрика найти семейство, отстоявшее на нужное количество колен, располагавшее невестой на выданье и подходившее по политическим мотивам, было непросто. Нередки были случаи, когда ради политических целей браки заключались с нарушением церковных запретов⁴.

Впрочем, в данном случае политический расчет выглядит весьма загадочно. В качестве новгородского князя Мстислав Мстиславич Удатный постоянно враждовал и со своим будущим сватом князем Всеволодом III Большое Гнездо, и с зятем — Ярославом Всеволодовичем. Причем, вражда эта, начавшись до возможного времени заключения брака, продолжилась и после него.

Видимо, решающим в данном случае был не столько военно-политический, сколько чисто семейный, генеалогический расчет. Подходящие невесты княжеского рода, удовлетворявшие церковным правилам, судя по всему, были в большом дефиците. Показательна фраза, вложенная в уста Ярослава неизвестным автором «Повести о битве на Липице». В 1216 г. произошла Липицкая битва, в которой Ярослав потерпел жесточайшее поражение от своего тестя. Согласно «Повести», Ярослав был сильно расстроен не столько военным проигрышем, сколько тем, что Мстислав отозвал к себе свою дочь, его жену. Умоляя тестя Мстислава Удатного вернуть ему Ростиславу-Феодосию, Ярослав сказал: «Чи не бывает поточи княземь? А мене по правде кресть убил»⁵. То есть, по мнению князя, политические противоречия — это одно дело, за них он принимает наказание от Бога (то есть от «креста»), и лишать его за это жены нет никакой причины — это сфера отдельная.

Дата заключения брака в летописи не упомянута. О ней можно судить лишь косвенно. Как было сказано, после поражения на Липице, Ярослав был вынужден вернуть жену тестю. Остается предположить, что невеста была передана жениху незадолго до Липицкой битвы, и брак еще не был заключен положенным образом. Иначе, возвращение Мстиславу дочери вряд ли было возможно. Через четыре года после этих событий суздальская летопись фиксирует появление первенца — Фёдора — старшего брата легендарного князя. Произошло оно в 6728 г. (или, по мнению В.А. Кучкина, в феврале 1220 г.)⁶. Очевидно, на каком-то этапе Феодосия была возвращена мужу. Однако это возвращение в источниках никак не отразилось. Поэтому личность матери Александр Невского и история начала ее взаимоотношений с Ярославом Всеволодовичем остается во многом спорной⁷.

Нарекли князя необычным именем. Потомков Рюрика с именем Александр в древнерусские времена было всего трое. Причем, первым из них был именно герой настоящей статьи. Важно понимать, что Александр родился в эпоху смены традиции имянаречения. Обычно у русских князей было два имени — «княжеское», языческое, основное, то имя, под которым князь выполнял свои государственные функции и фиксировался летописью, и другое — крестильное. Область применения крестильного имени была уже — под ним князь представлялся «перед Богом», оно использовалась в церковном обиходе. Причем, обычай двуименности был освящен и легитимизирован авторитетом св. Феодосия Печерского, который считал его достоинством православного обычая перед католическим ⁸.

Наиболее полный список сыновей Ярослава содержится в Типографской летописи: «Ярослави сынове: Феодоръ, Александръ, Андрей, Костянтинъ, Афонасей, Данило, Михаиле, Ярославъ, Василей Костромской» ⁹. Как видим, «княжеское» имя в нем всего одно — Ярослав, в крещении называвшийся Афанасием ¹⁰. Все остальные дети Ярослава вступали на историческую арену под своими крестильными, христианскими именами.

По обычному в эпоху средневековья порядку, Александра стали привлекать к выполнению княжеских обязанностей с самого юного возраста. Начало XIII в. было временем, относительно спокойным для Руси. Извечные степные враги — половцы — были прочно замирены и во многих случаях выступали союзниками русских князей. Степная знать породнилась с русской: многие князья брали в жены половецких принцесс, обеспечивая себе поддержку кочевых кланов. Опасность с запада также была еще невелика. Папские агенты только начали свое проникновение в Прибалтику. В 1202 г. в Риге был основан орден меченосцев с уставом храмовников, сыгравший важную роль в распространении католичества в регионе. Однако давление католической экспансии в прибалтийском регионе в то время принимала на себя в основном Полоцкая земля. Главной же опасностью, с которой сталкивались в начале XIII в. русские князья, были они сами. Страну раздирали кровавые междоусобицы. Враждовали между собой несколько ветвей Рюрикова рода. Каждая из них стремилась закрепить за собой максимальную территорию, что давало возможность получать максимальный доход, увеличивать численность дружинных отрядов, а это, в свою очередь, открывало возможность новых завоеваний.

Новгород был важной фигурой в политической жизни Руси. За контроль над ним боролись представители суздальской и черниговской ветвей. Зачастую главы княжеских группировок сами не могли сесть на новгородский престол — их отвлекали события, происходившие в стратегически важных южных и северо-восточных частях Руси. И тогда отцов на престоле Великого Новгорода замещали сыновья. Традиция эта была заложена еще князем Святославом I Игоревичем, отправившим на княжение в Новгород малолетнего Владимира — будущего крестителя Руси. Некоторое время новгородский престол воспринимался как следующий по значению за киевским. С новгородского стола начал активную княжескую карьеру и Ярослав Мудрый.

Князья XII—XIII вв. продолжили традицию, заложенную их предками. Уже в 1230 г. Фёдор и Александр были посажены отцом в каче-

стве князей в Новгороде. Нетрудно сосчитать, что старшему из них было всего десять лет. Причем на новгородском престоле братья сменили князя Ростислава Михайловича, представителя черниговской династии, которому в момент вступления на престол было три года, а на момент, когда новгородцы «показали ему путь» — четыре¹¹. Это, конечно, не был «детский дворцовый переворот». За спинами детей стояли их княжеские кланы.

Вместе с тем, малолетние князья в некотором смысле действительно заменяли своих отцов. Понятно, что предводительствовать в битве или вести переговоры 10-летний ребенок не мог. Но функции сакральной фигуры и символа вершины социальной иерархии исполнял не хуже взрослого. Кроме того, нужно принимать во внимание мощнейший воспитательный аспект. Юный князь с самого детства привыкал к делам управления.

Самостоятельное княжение Александра началось в 1236 году. Отец, князь Ярослав, ушел княжить в Киев. И не просто оставил сына в Новгороде, как бывало раньше, а именно «посадил», то есть сделал князем уже вполне официально¹².

Безвестный автор «Жития Александра Невского» рисует нам князя красивым человеком, громогласным, сильным и смелым: «Но и взорь его паче инех человекъ, и глас его — акы труба в народе, лице же его — акы лице Иосифа, иже бе поставилъ его египетъский царь втораго царя въ Египте, сила же бе его — часть от силы Самсоня, и даль бе ему Богъ премудрость Соломоню, храборъство же его — акы царя римскаго Еуспесиана, иже бе пленилъ всю землю Иудейскую»¹³. Нужно, однако, понимать, что это не «словесный портрет», а, скорее, «словесная икона», призванная показать князя личностью библейского масштаба.

На настоящих иконах Александра принято было изображать либо в виде схимонаха (князь перед смертью принял схиму под именем Алексей), либо в виде сидящего на коне воина. Вот как описывают внешность князя иконописные «подлинники» (словесные инструкции для иконописцев) XVI—XVII вв.: «брада акы Козмина, в схиме, кудерцы видеть маленько из-под схимы, риза преподобническая, испод дымчат, в руке свиток сжат, сам телом плечист». Там же, где Александр изображался в виде князя-воина, писать его следовало так: «преподобный Александр Невский акы Георгий: риза — киноварь, испод — лазорь»¹⁴.

Начиная с эпохи петровских реформ, преобладающим стал тип иконы, на которой князь изображался «в княжеской одежде или в горностаевой мантии, в броне, с лентой своего ордена через плечо, в царской короне или в шапке из горностаея, с крестом и нимбом над головой, с мечом в левой руке и на коне»¹⁵. Увы, изображения на иконах могут дать нам представление не о реальной внешности князя, а лишь о том образе, который закрепился за ним. Восстановление внешности князя по методике М.М. Герасимова также проблематично, хотя его мощи сохранились.

В 1239 г. князь Александр женится. Невестой его стала дочь полоцкого князя Брячислава Васильковича. Однако на этом достоверная информация о женах Александра заканчивается. В.Н. Татищев называет дочь полоцкого князя Параскевой. Откуда взял это имя

«последний летописец» не ясно ¹⁶, сам он не указывает источник своей информации. Н.И. Карамзин отмечает, что в Успенском княгинином монастыре во Владимире «стоят три гроба: первый (как означено в надписях) Великой княгини Александры, супруги благоверного князя Александра Невского, второй дщери его, княжны Евдокии; а третий (на левой стороне), благоверной княгини Вассы, второй супруги Александра Невского» ¹⁷. Свидетельство Карамзина выглядит более надежным. Могилы эти можно было наблюдать еще и в начале XX века ¹⁸. Однако монастырский храм, в котором рассматривал гробницы Карамзин, построен в XV в. на месте прежнего, разоренного в годы монголо-татарского нашествия. Велика ли вероятность, что могилы могли уцелеть? В советское время Успенский храм эксплуатировался сначала в качестве зернохранилища, потом как музей. Монастырское кладбище было уничтожено ¹⁹. Поэтому даже тот интерьер, который наблюдал Кармазин, до наших дней не сохранился ²⁰. Пролить свет на этот вопрос могло бы археологическое исследование подземелий храма.

По древнерусским представлениям женитьба означала полное совершеннолетие и начало самостоятельной взрослой жизни, в которую юный князь тут же и включился. Рассказ о следующем, 6748 (1240) г., в Новгородской Первой летописи начинается с описания грандиозного нашествия: «Прдоша Свеи в силе велице, и Мурмане, и Сумь и Емь в кораблехъ множество много зело» ²¹. Случившаяся затем Невская битва обросла в отечественной культуре огромным шлейфом текстов, которые сами по себе служат интересным материалом для изучения.

Очевидно, наиболее простым и до известной степени непосредственным повествованием о Невской битве является сообщение Новгородской Первой летописи старшего извода, составленное современником «по горячим следам». Узнав о грозящей угрозе, молодой князь немедленно с отрядом новгородцев и ладожан «приде на ня, и победи я силою святыя Софья и молитвами владычица наша богородица и приснодевица Мария, месяца июля въ 15» ²². Разумеется, даже самый «непосредственный» рассказ не может считаться прямым «отражением» произошедшего события. Повествование летописца носит следы весьма распространенного во все времена желания изобразить воинский подвиг своих сограждан более весомым и значительным. Поэтому потери сил противника в сравнении с потерями новгородцев выглядят неправдоподобно большими: шведы загрузили мертвыми телами «вятшихъ» мужей два корабля, а остальных «бещета» зарыли в выкопанную яму. Новгородцев же вместе с ладожанами пострадало двадцать человек. Вряд ли летопись (как и любой другой документ) даст возможность ближе подойти к реальным обстоятельствам битвы. Но само это наивное стремление самыми простыми средствами приукрасить битву является свидетельством близости автора сообщения к произошедшим событиям.

В дальнейшей литературной традиции повествование развивалось, накапливая дополнительные подробности как событийного, так и религиозно-символического характера. Произошла канонизация Невской битвы — изначально в контексте церковного, православного дискурса, а затем и светского, ученого и школьного. На определенном этапе

развития текстов, повествующих о Невской битве, у многих исследователей и исторических писателей возникло желание провести «деконструкцию нарратива» и ниспровергнуть заученные со школы штампы.

Определенная польза в этом исследовательском порыве была. Стало понятно, что не всем деталям летописного или агиографического текста, сколь бы «жизненно» они не выглядели, можно доверять. Однако, в целом, «деконструкция» увлекла ученых в крайность скептицизма и заставила усомниться в тех материях, которые, самым фактом «цитатности» или «центонности» (в терминологии И.Н. Данилевского) опровергнуты быть не могут. Понятно, что ход битвы, имена погибших, «божественные знамения» и пр. могут быть плодом авторского вымысла. Но факт большого интереса русских книжников к Невской битве, интереса, проявившегося в создании огромного количества текстов, — объективный факт. Следовательно, именно в *значении* этой битвы для древнерусского общества сомневаться не приходится вне зависимости от ее реальных масштабов.

Однако многие детали битвы остаются спорными до сих пор. Так, не ясно, кто возглавлял шведское войско. Согласно «Житию Александра Невского», его возглавлял король. Королем в Швеции в то время был Эрик Эрикссон. Однако в поздних русских летописях, а вслед за ними и в работах историков (начиная с Карамзина) называется имя двоюродного брата ярла Ульфа Фаси — Биргера Магнуссона. Версия эта, как недоказуемая, была отвергнута И.П. Шаскольским, показавшем, что имя Биргера возникает только в поздних списках Новгородской Четвертой летописи в XV веке. Источником сведений выступило «Рукописание Магнуша» — полемическое произведение, описывавшее неудачные походы шведов на Русь, написанное в начале XV века. По мнению Шаскольского, неизвестный автор «Рукописания» пользовался устной информацией, полученной от шведов. По мысли исследователя, эти шведы могли знать, что происходило 150—200 лет назад только очень приблизительно. Они помнили из той эпохи лишь Биргера-ярла, поэтому и указали его в качестве предводителя неудачного похода шведского войска, потерпевшего поражение в Невской битве.

Таким образом, проблема надежности этих сведений упирается в вопрос о том, что могли помнить шведы о событиях вековой давности? Многочисленные фольклорные примеры показывают, что народная память склонна впадать в ошибки скорее хронологические, чем фактические. Вряд ли человек эпохи средневековья мог сказать, в каком именно веке жил граф Роланд или Илья Муромец, но направление линий военного противостояния были запечатлены эпосом в целом верно. Если Биргер сохранялся в народной памяти шведов XIV—XV вв., то и основные вехи его жизни не могли из нее стереться. Сам панегирический характер фрагмента хроники, посвященный Биргеру, вряд ли допускал рассказ о неудачном походе. В свете сказанного интересны исследования останков Биргера, проведенные в 2002 году. Его череп нес следы ранения: надбровная дуга над правой глазницей рассечена. Локализация раны прямо соответствовала тексту «Жития»: «и самому королю възложи печать на лице острымь своимь копиемь»²³.

Разумеется, вышесказанное не может считаться твердым доказательством того, что противником Александра Невского был именно

Биргер. Однако именно эта версия «примиряет» между собой множество фактов.

Во-первых, то обстоятельство, что сведения о походе отсутствуют в шведских источниках, — Биргер в то время не был еще ярлом, и его поход был не государственным, а его частным делом. По этой же причине наиболее близкая по времени летописная заметка именует вождя шведского войска князем, а написанное существенно позже «Житие Александра Невского» — королем. На момент составления летописной статьи он был младшим родственником ярла — значит,

по русским представлениям, именно князем, а когда составлялось житие — фактическим королем.

Во-вторых, именно личностью Биргера можно объяснить, почему не очень масштабная по числу участников береговая стычка постепенно обретала все больший и больший вес в русской книжной традиции. Значение росло пропорционально карьерным успехам Биргера и его потомков. Таким образом, победа над молодым и далеко не самым влиятельным шведским аристократом, одним из многих, постепенно превращалась в победу над правителем Швеции и основателем королевского рода.

Наиболее подробный рассказ о ходе сражения содержится в «Житии Александра Невского», которое было составлено (и это важно помнить) современником событий. В рассказе книжника содержится немало мистических пассажей и явно вымышленных деталей, вроде воспроизведения текстов уединенных молитв и частных диалогов персонажей. Однако нет никаких причин на этом основании подвергать сомнению сам сюжетный субстрат, в котором нет ничего невероятного или даже экстраординарного. Сличая тексты жития и летописи, мы можем видеть, что развитие повествования о Невской битве шло по линии метафизического осмысления событий. Именно этому и служили все вышеозначенные «книжные» элементы. Событийная канва в летописном и житийном повествованиях практически идентична.

В общих чертах рисунок боевых действий выглядел следующим образом. Шведы появились на территории, подконтрольной Новгороду, но, судя по всему, не имевшей постоянного русского населения. Обычно летописец конкретизирует географические координаты, ссылаясь на города и села, близ которых происходят события. В данном же случае он ограничивается указанием на то, что противник вошел в Неву и остановился в устье реки Ижоры (то есть, едва выйдя за границы современной городской черты Петербурга, в двухстах километрах от Новгорода). Таким образом, вторжение оставалось ка-

кое-то время незамеченным. Это давало шведам возможность неожиданно напасть на Ладугу. Именно таково было их намерение, по мнению летописца. Поэтому своевременное обнаружение шведского десанта летописец связывает с особой божественной заботой: «но еще преблагый, премилостивый человеколюбец богъ ублюде ны и защити от иноплеменникъ, яко всеу трудишася без божия повеления: приде бо вѣсть в Новьгородъ, яко Свеи идуть къ Ладозе»²⁴. Другими словами, обнаружение десанта, судя по всему, было делом счастливого случая. Это и дало возможность древнерусским книжникам построить на этом сюжетном моменте рассуждение о божественной защите.

Сюжет со своевременным оповещением об опасности был, видимо, очень важен для современников. Поэтому в «Житии» он получил дальнейшее развитие. Согласно этому писанию, более объемные сведения о вторжении Александру доставил «некто мужь старейшина в земли Ижерстей, именов Пелугий, поручено же бысть ему стража ночная морская». В районе р. Ижоры жили финно-угорские племена, которые в массе своей не были крещены. Но согласно «Житию», Пелугий был крещен, носил в крещении имя Филипп и вел богоугодный образ жизни. Он и сообщает князю «силу ратных» и их «станы». Однако, специфика агиографического текста такова, что главным в его сообщении выступает не военно-тактическая, а религиозно-мистическая составляющая. Пелугий-Филипп поведал князю о чудесном явлении ему насада (тип судна), в одиночестве идущего по морю. Гребцы этого насада сидели, «аки мглою одеянии». Зато ясно было видно, как посередь корабля стоят святые Борис и Глеб в красных одеждах. Святые стояли, возложив руки друг другу на плечи. Борис, произнес: «Брате Глебе, вели грести, да поможем сроднику своему князю Александру»²⁵.

Вопрос о том, что в действительности видел ижорский старейшина, мы оставим за скобками. В науке неоднократно обсуждался вопрос, что «непосредственное», «наивное», «основанное на здравом смысле» восприятие средневековых текстов может привести исследователя к ошибочным выводам. Однако крайность гиперкритицизма тоже может завести в дебри. По всей видимости, Александр на самом деле получил известия о высадке противника от дружественного вождя соседнего финно-угорского племени.

Дальнейшие события и летописью и житием также изображаются в общих чертах одинаково. Помолившись в главном новгородском храме св. Софии, Александр устремляется на врага и побеждает его. Ощущение особой достоверности текстам придает перечисление имен воинов, отличившихся во время битвы. В житийном тексте перечислены, судя по всему, дружинники Александра, а в летописном — простые новгородцы, погибшие на поле боя.

Атака была произведена на пришвартованные корабли и лагерь, разбитый на берегу. «Житие» отмечает шестерых особенно отличившихся героев битвы. Знаменитый предок А.С. Пушкина Гаврила Олексич — «се наеха на шнеку видев королевича, мча подь руку, и възъеха по досце и до самогу коробля, по ней же хожяху с королевичем, иже текоша передь ним, а самого, емше, свергоша и с конем в воду з доски. И Божью милостью неврежень бысть, и паки наеха, и бися с самем воеводую среди полку ихъ»²⁶. Новгородец Сбыслав Якуно-

вич бился одним топором, «не имея страха в души своей». Полочанин Яков напал на врага с одним мечом, чем заслужил похвалу князя. Новгородцу Меше «с дружиною своею» удалось потопить три шведских корабля. Другой дружинник из полка Александра, «от молодых его» (то есть из младшей дружины), въехал на коне «в шатер великий корольев золототерхий и подьсече столпъ шатерный. Полци Олександрови, видевшу шатра паденье, върадовашася». Шестой герой — «от слугъ его (Александра. — В.Д.) — именем Ратмеръ. Се бися пешь, и отсупиша и мнози. Он же от многих ранъ паде и тако скончася».

Странное на первый взгляд для житийного текста описание примеров воинской удали дружинников тесно связано со специфическим пониманием характера святости Александра, который являл собой тип святого воина, а не святителя или страстотерпца.

Для Александра эта битва стала боевым крещением. То, что глава государства лично возглавил атаку на врага, было в порядке вещей. От древнерусского князя ждали личного участия во всех предприятиях. В битве он увлекал войско своим примером, выступая впереди всех на лихом коне. На войне хороший князь сам, не полагаясь на воевод, устраивал наряд сторожевой службы, на охоте — ловчий наряд, в церкви — наряд церковной службы. Дома он вникал во все мелочи организации хозяйства, не перепоручая заботу об этом ни тиуну, ни отроку. Сам творил суд, сам встречал гостей, сам проявлял удаль на охоте, сам говорил на иностранных языках. Таким представлен идеальный князь в «Поучении» Владимира Мономаха. Набор прекрасных личных качеств составлял его «личный капитал», обеспечивающий ему авторитет, сходный с авторитетом «старших мужчин» родовой эпохи. Этим древнерусские реалии отличались от византийских. Как было показано И.С. Чичуровым, образ идеального правителя, сложившийся в византийской политической мысли, имел совсем иные черты: «Развитой государственно-бюрократический аппарат ставил василевса прежде всего перед необходимостью контроля за ним. Неудивительно поэтому, что в византийских “княжеских зеркалах” мы не встретим трактовки личных трудов императора, подменяющих деятельность должностных лиц»²⁷. Общественное развитие Руси не зашло еще настолько далеко, чтобы изжить представление о князе как о вожде, который должен быть лучшим во всем²⁸. Александр Невский — характерная фигура русского средневековья.

Однако блестящая победа на Неве не уберегла Александра от конфликта с новгородцами: «В то же лето, той же зимы выиде князь Олександръ из Новагорода къ отцю в Переяславль съ матерью и с жаною и со всем двором своимъ, роспревся с новгородци»²⁹. Это привело к активизации действий немцев в регионе. Поэтому уже в следующем, 1241 г., Александр вернулся. Его возвращение отмечено летописцем традиционным упоминанием о том, что новгородцы «ради быша». И радость их была вполне закономерна. Александр вновь проявил себя решительным полководцем и сразу после возвращения взял занятый немцами город Копорье, захватив пленных.

1242 г. был отмечен битвой, «канонизированной» в отечественной культуре не менее Невской. «Ледовое побоище» — сражение между русским войском, представленным новгородским и суздальским полками — с одной стороны, и войском немецким, костяк

которого составляли рыцари Ливонского ордена — с другой. Помимо сил Ливонского ордена (представлявшего на тот момент филиал Тевтонского ордена в Прибалтике) с «немецкой» стороны в битве участвовал отряд Дорпатского епископа Германа фон Бекесховедена и отряды «чуди», то есть представителей местных финно-угорских племен.

Научных и околонучных споров «Ледовое побоище» вызывает меньше, чем Невская битва, поскольку информация о нем содержится не только в русских, но и в зарубежных источниках. Новгородская Первая летопись и Старшая ливонская рифмованная хроника одинаково изображают последовательность событий и тактический рисунок битвы.

Новгородцы под командованием Александра совместно с отрядом «низовцев» (суздальцев), возглавляемых братом Александра Андреем, неожиданно взяли захваченный немцами Псков, а затем вторглись в земли чуди. Понимая, что своими силами ему не справиться, епископ Дорпатский обратился за помощью к рыцарям Ливонского ордена. Магистр немедленно откликнулся и привел с собой «многих отважных героев, смелых и отборных»³⁰.

Передовой отряд новгородцев под командованием Домаша Твердиславича и Кербета «быша в разгоне» и случайно столкнулся с немецким отрядом. Произошла битва, в которой русский отряд был разбит, а Домаш Твердиславич — «муж честен», брат новгородского посадника — погиб. Остатки отряда «къ князю прибегоша в полкъ». И князь «въспятися» (то есть отступил) на лед Чудского озера, где и произошла битва.

О точном месте сражения ученые спорили очень долго. Грандиозное комплексное исследование этого вопроса было проведено в 60-х гг. XX в. в ходе экспедиций под руководством Г.Н. Караева. Окрестности озера исследовались археологами, этнографами, геодезистами, акватория озера — гидрологами, а дно — водолазами. В результате была реконструирована схема событий, которая по сей день является самой аргументированной версией локализации битвы³¹.

Немцы начали битву таранным ударом «свиньей», прорвав ряды передового отряда лучников. В Новгородской летописи это описывается так: «И наехаша на полкъ Немци и Чудь и прошибошася свиньею сквозе полкъ, и бысть сеча ту велика Немцемь и Чуди»³². Рифмованная хроника сообщает:

«Выстроившись перед войском короля
Видно было, что отряд братьев
Строй стрелков прорвал»³³.

Началась жестокая битва. «Был слышен звон мечей, И видно, как раскальвались шлемы»³⁴, — так рисует картину битвы Рифмованная хроника. «Бе же тогда субота, всходящю солнцю, и съступишяся обои. И бысть сеча зла, и трусъ от копий ломления, и звукъ от сечения мечнаго, яко же и езеру померзъшю двигнутися, и не бе видети леду, покры бо ся кровию»³⁵, — так битва описана в «Житии Александра Невского».

Далее сражение развивалось именно так, как это привычно изображали в школьных учебниках. После прорыва строя лучников ор-

денское войско двинулось вперед, но было атаковано с флангов и оказалось в окружении:

«Те, кто были в войске братьев,
Оказались в окружении.
У русских было такое войско,
Что, пожалуй, шестьдесят человек
Одного немца атаковало.
Братья упорно сражались.
Все же их одолели»³⁶.

Понятно, что соотношение 1 к 60 — маловероятно. Но в остальной картина, нарисованная немецким хронистом, сомнений не вызывает. Собственно, иного тактического ответа на прорыв строя рыцарским клином дать было невозможно. И Хроника и Новгородская Первая Летопись сообщают, что часть немецкого войска была повергнута в бегство, а часть погибла. Новгородская летопись: «А Немци ту подоша, а чудь даша плеща; и, гоняче, биша ихъ на 7-ми версть по леду до Субольчьскаго берега; и паде чюди бещисла, а Немець 400, а 50 руками ящя и приведоша в Нюьгородъ»³⁷. Рифмованная хроника:

«Часть дорпатцев вышла
Из боя, чтобы спастись.
Они вынуждены были отступить.
Там двадцать братьев остались убитыми
И шестеро попали в плен.
Так прошел этот бой»³⁸.

Некоторые спорные моменты есть, конечно, и в истории Ледового побоища. Прежде всего, бросается в глаза разница в численности погибших и плененных немцев. Но, как уже говорилось выше, число жертв — это цифры, которым менее всего можно доверять, если речь идет об описании боевых действий (причем, не только в эпоху средневековья, но во все времена). Кроме того, следует принять во внимание, что автор Хроники ведет учет только пленным «братьям», то есть рыцарям, которые были членами ордена, а летописец считает всех «Немец».

Кроме того, не вполне ясен следующий момент. Из текста Новгородской Первой летописи следует, что Александр выстроил войска на льду Чудского озера и, победив, гнал вражье войско: «и, гоняче, биша ихъ на 7-ми версть по леду до Суболичьскаго берега»³⁹. В Рифмованной же хронике, которая, как было показано, достаточно близко летописи передает ход событий, говорится, что «с обеих сторон убитые падали на траву»⁴⁰. При общем совпадении канвы повествования в Летописи и в Хронике такое разночтение выглядит странным. Исследователи видят в этой фразе («падали на траву») либо идиоматическое выражение, обозначающее гибель в бою, либо отражение реальности (торчащий из-подо льда на мелководье камыш)⁴¹.

Кроме того, не ясно, имела ли место в реальности сцена, столь ярко показанная в знаменитом фильме Эйзенштейна, когда рыцари проваливаются под лед озера? Упоминание об этом содержится только в Псковской Третьей летописи («а иных вода потопи»⁴²), являющейся сводом XVI в., и вполне может быть домыслом летописца, знавшего, что в апреле лед уже некрепок (тем более, лед Чудского озера, со дна которого бьют теплые ключи).

Тем не менее, сомнительными остаются именно детали, не дающие основы для тотальной дискредитации данных исторических источников, которую производит в своей работе Дж. Феннел. Английский историк считает, что величина сражения преувеличена ⁴³.

В качестве критерия оценки он использует количество погибших, что уже само по себе странно, поскольку сложно ожидать от хронистов и летописцев точных и объективных данных о количестве жертв, как в своих рядах, так и в рядах противника. Нет никакого постоянного коэффициента, по которому можно было бы подойти к определению реальных цифр. Поэтому всякая арифметика в этом деле выглядит весьма наивно.

Кроме того, даже если рассуждать в рамках этой безупречной логики и полностью доверять только немецким источникам, цифры все равно получаются достаточно весомые. Рифмованная хроника указывает, что в ходе Ледового побоища были убиты двадцать рыцарей и шесть взяты в плен. Хроника Тевтонского Ордена (XV в.) называет суммарные потери при освобождении Александром Пскова и Ледовом побоище (события эти происходили последовательно и были составными частями одного похода новгородского войска) — семьдесят ливонских рыцарей ⁴⁴. Если исходить из того, что сам Феннел считал число рыцарей в обоих орденах (Тевтонском и Ливонском) в тот момент равным примерно сотне ⁴⁵, то потери могут быть названы, как минимум, внушительными.

Если же перейти от количественных критериев к качественным и проанализировать тексты письменных источников с точки зрения их оценок произошедшего, то ситуация выглядит существенно проще. И в Старшей ливонской рифмованной хронике, и в Новгородской Первой летописи событие это представлено как весьма значительное: трагичное для рыцарей и радостное для новгородцев. В целом, знакомая со школьных уроков истории схема без особого труда выдерживает «деконструкцию нарратива».

Для понимания роли Александра в противостоянии Руси католическому влиянию большое значение имеют адресованные ему послания римского папы Иннокентия IV. Эти послания сохранились в собраниях Ватикана благодаря тому, что при папском престоле уже в XIII в. функционировал отлаженный бюрократический механизм: исходящая корреспонденция составлялась в двух экземплярах, один из которых посылался адресату, а другой сохранялся в архиве. Благодаря этим документам, мы имеем возможность взглянуть на события не только глазами древнерусских книжников, но и с точки зрения папских дипломатов.

Взгляды эти существенно разнятся. Сведения о посещении Александра папскими легатами содержатся в «Житии». Результат встречи в нем показан как весьма решительный отказ князя от какого бы то ни было сотрудничества с папой. Автор житийного текста вкладывает в уста Александра гордую речь: «Отъ Адама до потопа, от патопа до разделения языкъ, от размешения языкъ до начяла Авраамля, от Авраама до проитиа Иисраиля сквозе море, от исхода сыновъ Иисраилевъ до умертвия Давыда царя, от начала царства Соломона до Августа и до Христова рожества, от рожества Христова до страсти и воскресения, от въскресения же его и на небеса възшества и до царства

Константинова, от начала царства Константинова до первого збора и седмаго — си вся добре съведаемъ, а от вас учения не приемлем»⁴⁶. Князь перечисляет основные вехи священной истории для того, чтобы показать, что он вполне осведомлен о христианском взгляде на историю человечества и поэтому не нуждается в принятии нового учения. Послы были вынуждены возвратиться восвояси.

В папских посланиях Александр выглядит иначе. Следует отметить, что в посланиях очень детально проговаривается не столько позиция автора, сколько, как ни странно, позиция адресата.

В первом послании папа обращается к князю, называя его благородным герцогом Суздальским (по фамильной принадлежности). Из послания видно, что, по мнению папы, отец Ярослава перед смертью принял католичество. В связи с этим, папа приглашает Александра последовать примеру отца, аккуратно намекая, что в случае признания власти папы, силы Тевтонского ордена могут быть направлены на помощь против татар.

Казалось бы, послание должно существенно изменить наши представления о церковно-политической ситуации в северо-восточной Руси. Принявший католичество великий князь Владимирский — это серьезно. Почему же никто из историков не спешит вносить коррективы в привычную концепцию развития отношений Руси с папским престолом?

Дело в том, что Иннокентий IV указал источник сведений о крещении князя — сообщение Иоанна де Пано Карпини: «... как стало нам известно из сообщения возлюбленного сына, брата Иоанна де Пано Карпини из Ордена миноритов, поверенного нашего, отправленного к народу татарскому, отец твой, страстно вожделев обратиться в нового человека, смиренно и благочестиво отдал себя послушанию Римской церкви, матери своей, через этого брата, в присутствии Емера, военного советника. И вскоре бы о том проведали все люди, если бы смерть столь неожиданно и счастливо не вырвала его из жизни»⁴⁷. Между тем, упомянутый Иоанн оставил подробнейшее описание своего путешествия, в котором ни словом не упоминает о таком крещении. По мнению В.И. Матузовой и Е.А. Назарова, в своем донесении о результатах дипломатической миссии посол преувеличил свои успехи, но не стал этого делать в произведении, написанном для потомков⁴⁸. То есть папа не располагал всей полнотой информации о происшедшем.

Что конкретно ответил Александр на это послание — неизвестно.

Однако можно с уверенностью сказать, что это не был решительный отказ, поскольку за первым посланием последовало второе. В нем Иннокентий IV именует Александра уже «сиятельным королем Новгорода». Общий тон послания отличается от первого. Он уже не вкрадчиво-осторожный, а уверенно-ободренный. В нем папа излагает свой взгляд на самого Александра. По его мнению, «король» «прозорливо обрел путь», который позволит ему «весьма легко и быстро достичь врат райских». Папа выражает глубокое удовлетворение тем, что Александр предложил воздвигнуть в Пскове кафедральный собор для латинян. Иннокентий IV пишет: «Мы, нежно заключая тебя как избранного сына Церкви в объятия наши, испытываем чувство умиления, равное тому чувству сладости Церкви, что ощутил ты, обрета-

ющийся в столь отдаленных краях, там, где множество людей смогут по примеру твоему достичь того же единения»⁴⁹.

Казалось бы, после столь трогательных строк между переговаривающимися сторонами должно наступить полное взаимопонимание и согласие. Может создаться впечатление, что Александр заключил едва ли не союз с католиками, и тогда, конечно, житийный образ новгородского князя не имеет ничего общего с реальностью.

Но такой вывод был бы слишком поспешным. Для анализа этого противоречия нужно, во-первых, принять во внимание некоторую дезориентацию папы относительно реальных успехов католической проповеди на Руси, очевидную из первого послания. Отчасти из-за стремления агентов выглядеть лучше в глазах священноначалия, отчасти из-за дипломатического стремления самого папы представить отношения лучше, чем они есть на самом деле, тон посланий в своей оптимистичности вряд ли соответствовал реальному положению вещей.

Во-вторых, необходимо принять во внимание время, когда были написаны эти послания, — 1248 год. В эту пору Александр находился в Орде и был занят урегулированием других, гораздо более насущных проблем. Отвергать «мирные инициативы» папского престола, да еще сдобренные намеком на возможную военную помощь, в таком положении не имело смысла.

В-третьих, и это, пожалуй, самое важное, ожидаемого продолжения начавшееся, казалось, успешно общение не имело. В отличие от Даниила Романовича Галицкого, дошедшего в своих отношениях с курией до венчания князя папскими легатами королевской короной, Александр Ярославич на последнее послание папы не ответил. Оптимизм понтифика оказался преждевременным. Отношения были полностью заморожены и более не возобновлялись. Папским агентам пришлось искать другого претендента на роль католического короля Руси. И он был найден. Летописная статья⁵⁰ о принятии королевского титула Даниилом Галицким в 1255 г. предельно ясна: папа присылает Даниилу «послы честны, носяще венець, и скипетръ и короуноу еже наречетесь королевский санъ». Сначала князь отказался от ничего не значащей для него чести, но потом, получив заверения в помощи против татар, которая пойдет «в приложение» к короне, «Данило же прия от Бога венець в городе Дорогычине». Помощи, однако, не последовало. И когда это стало понятно, Даниил перестал пользоваться королевским титулом и продолжил именоваться в летописном тексте князем. По всей видимости, пустота обещаний папы стала понятна Александру на более раннем этапе. Это уберегло его от напрасных надежд и попыток получить военную помощь в обмен на религиозную зависимость.

Описанные события разворачивались на фоне Батыева нашествия, которое обрушилось на Русь. Под 1238 г. летописец довольно подробно пишет о событиях, произошедших в различных районах страны. Однако, как известно, боевые действия не дошли до Новгорода. Поэтому уже следующий, 1239 г., отмечен только рассказом о женитьбе князя и строительстве «городков» по р. Шелони. Вплоть до 1242 г. татарская тема в Новгородской летописи не возникает. В 1242 г., в год Ледового побоища, Ярослав Всеволодович — отец Александра, взойшедший на владимирский престол после гибели его старшего бра-

та Юрия — впервые едет в Орду договариваться. И это ему удается. Ордынские власти признают его права на титул и власть.

По этой причине еще Л.Н. Гумилёвым была запущена в оборот не имеющая абсолютно никаких оснований история о том, что Александр стал приемным сыном хана Батыея. Феннел, а вслед за ним и И.Н. Данилевский, А.С. Сахаров и пр., расценивают политику Ярослава и Александра как предательскую. Историки разрушают «пиитический миф», формируя представление о князе как о беспринципной фигуре. Однако эта точка зрения, получив весьма широкую популярность, не стала, тем не менее, решающей.

Весьма удачную «деконструкцию деконструкции» провел А.А. Горский, показавший, что большая часть выводов «деконструкторов» не имеет достаточного источниковедческого и даже чисто логического обоснования. Ярослав вряд ли мог получить весть от Юрия с просьбой о помощи — путь из Суздаля в Киев был перекрыт монголами. Оказать помощь в битве на р. Сити Ярослав также не мог — киевское войско в сложной ситуации не пошло бы помогать владимирскому князю в его борьбе, пока их самих беда не коснулась. То же касается и новгородского войска. Никаких ощутимых династических предпочтений Александр от монголов не получил — он взшел на престол по надлежащей очереди. Никаких результативных переговоров с папой Иннокентием IV Александр не вел и, как только стало ясно, что военная помощь крестоносцев не даст возможности освободить Русь от восточной напасти, всякое общение прекратил. Братьев не предавал. Рати татарские на Русь не наводил. Александр «действовал как расчетливый, но не беспринципный политик», — резюмирует свои доводы Горский ⁵¹.

Важно отметить, что поездки в Сарай были чрезвычайно тяжелым делом. О том, какие трудности поджидали путешественника, пересекавшего из края в край евразийский континент, подробно написал в своем путевом отчете все тот же Иоанн де Плано Карпини (Джованни дель Плано Карпини). На то, чтобы достичь Каракорума в те времена уходило около года. Ехать нужно было на выносливых монгольских лошадаках, обладавших умением находить корм под снегом. Европейские лошади не выдерживали трудностей пути — они не умели находить себе пропитание под снегом. Ночевки устраивались в чистом поле, поскольку огромные пространства, отделявшие Русь от Монголии были почти безлюдны: никаких селений, где можно было бы найти приют, даже обладая значительными средствами, не было.

Но по достижении цели путешествия настоящие трудности только начинались. Сам Плано Карпини посетил ханскую ставку в то самое время, когда там присутствовал отец Александра — великий князь владимирский Ярослав Всеволодович. Старейший князь Руси оказался там одним из многих, приехавших, чтобы почтить избрание нового хана. Его, совместно с многочисленными послами и коронованными особами — султанами, вождами и царевичами — держали за оградой Ставки. Плано Карпини отмечает, что среди всей этой толпы послов Ярослав и он сам получили высшее место. Это была честь, но весьма относительная. Монгольское гостеприимство было смертельно опасно. Итальянский монах пишет о великой чести, которой удостоился Ярослав. Ему из своих рук дала есть и пить мать хана Гуюка

— Туракина-хатун. После визита Ярослав занедужил и умер. Причем, «все тело его удивительным образом посинело. Поэтому все верили, что его там опоили, чтобы свободнее и окончательнее завладеть его землею»⁵². Умертвив отца, женщина звала к себе и сына — Александра — но тот не поехал.

Смерть была не единственным несчастьем, которое могло приключиться во время поездки. Монах-францисканец рассказывает о печальной судьбе юного черниговского князя Андрея, прибывшего в ставку к Бату-хану с вдовой старшего брата, убитого монголами. Юный князь приехал для того, чтобы просить хана не отнимать их земли. Решение хана было вполне в духе монгольских обычаев: он приказал юному князю взять в жены вдову старшего брата. Князь наотрез оказался. «А Бату тем не менее передал ее ему, хотя оба отказывались, насколько могли, их обоих повели на ложе, и плачущего и кричащего отрока положили на нее и принудили их одинаково совокупиться сочетанием не условным, а полным»⁵³.

Смерть и унижение в самых разных формах поджидали во вражеском стане на каждом шагу. Поездки в Орду требовали от князя больше выдержки и личного мужества, чем лихая сеча. И, тем не менее, в 1247 г Александр и Андрей Ярославичи вынуждены были поехать — решалась судьба великокняжеского престола. Александр получил Киев и был объявлен формальным великим князем всея Руси, а Андрей — северо-восточную столицу — город Владимир. Поскольку после разрушения монголами Киев лежал в руинах, Александр своей резиденцией определил Новгород.

Дальнейшие события вызывают у историков споры. Фактическая сторона дела такова: в 1252 г. Александр едет «в татары», поездка эта была связана с тем, что к власти в Каракоруме пришел новый хан — Менгу, отменивший все указы, пайцзы, рескрипты и ярлыки своих предшественников⁵⁴. Требовалось получить ярлык на княжение заново. Вернулся Александр, получив старейшинство⁵⁵. В том же году летопись отмечает странный бунт его брата Андрея, о котором сказано так: «В то же лето здума Андрей князь Ярославич с своими бояры бегати, нежели царем служити и побеже в неведому землю». Ответом на бунт был карательный подход — известная «Неврюева рать». Татарский царевич Неврюй разгромил полки Андрея и тот вынужден был, в самом деле, бежать. Место подавшегося в бега брата занял Александр, севший на Владимирский престол.

Как видим, на первый взгляд, наибольшую пользу из событий извлек именно Александр Ярославич, объединивший в своих руках власть над всей Русью. Это дало основание подозревать Александра в том, что «заказчиком» татарской рати был именно он. Однако при оценке названных событий следует учитывать, что пять лет спустя, в 1257 г., братья совместно поехали в Орду, и в дальнейшем никакой враждебности друг к другу не проявляли. Вряд ли такое было возможно после грандиозного предательства.

Вероятно, бунт Андрея был эмоциональной вспышкой, вызванной нежеланием ехать в Монголию. Нужно помнить, что даже в конце XV в., перед самым падением ордынского ига, перспектива битвы пугала Ивана III меньше перспективы личного визита к хану Ахмату.

В сложившейся ситуации старшему брату пришлось всю власть, а значит и ответственность взять на себя. Население северо-восточной Руси жестоко пострадало, но брат Андрей остался цел и невредим и смог со временем вернуться домой. Открытый бунт был ему прощен ордынскими властями, которые, в общем, были не склонны никому ничего прощать. Могло ли это случиться без действенного участия Александра? Вряд ли.

В целом, во второй половине жизни Александру Ярославичу приходилось решать гораздо более сложные «политические уравнения». В них не было уже ничего от героической ясности Невской битвы. Решительности и храбрости было недостаточно. Нужен был политический расчет и умение жертвовать второстепенным ради главного.

Примером такого «уравнения» может служить перепись населения, дошедшая до Новгорода в 1257—1259 годах. Новгородцы взбунтовались. По мнению многих исследователей, причины бунта были по сути своей религиозными. Перепись воспринималась как знак Антихриста⁵⁶. Горожане едва не перебили татарских численников. Движение увлекло даже сына Александра — юного князя Василия.

Важно, что особенно решительно против татар были настроены городские низы. Что могли знать новгородские «меньшие» люди о татарах в 1259 г., то есть двадцать лет спустя после Батыева нашествия, которым, к слову сказать, Новгород затронут не был? Ровным счетом ничего. Поколение сменилось — исчез страх, исчезло и понимание. Но Александр знал, какое может последовать наказание. Он не раз бывал в Орде, представлял себе силу и жестокость ханской власти. Поэтому он сам весьма жестко усмирил новгородцев и дал возможность ханским чиновникам пересчитать дворы. Сына же в наказание отправил в Низовскую землю (то есть в Северо-Восточную Русь) — домой, под свой контроль. А вместо него посадил в Новгороде другого сына — Дмитрия.

Поступок его выглядит неприглядно: не поддержал вспышку патристического подъема. Но его мировоззренческий горизонт был несоизмеримо шире, понимание ситуации глубже. Благодаря князю, Новгород не затронули масштабные татарские рати.

Смерть Александр принял, защищая Русь от очередной напасти, исходившей из Орды. По всей империи чингизидов шла активная борьба за власть. Для победы кроме золота нужны были воины, которых монгольские власти требовали, в том числе, и от Руси: «Бе же тогда нужда велика от иноплеменникъ, и гоняхут христианъ, веляще с собою воиньствовати. Князь же великий Александръ поиде к цареви, дабы отмолити людий от беды тоя».

«Отмолити людий от беды» Александру удалось. Однако поездка эта стала для него последней. Хан Берке, младший брат умершего уже к тому времени Батыея, задержал его у себя. Александру пришлось зазимовать «в Татарехъ». Там он заболел. Возможно, причина болезни князя, которому едва исполнилось сорок лет, была та же, что свела в могилу его отца, — яд. Обрато он возвращался уже больным и до дома так и не доехал. Почувствовав скорую смерть, Александр остановился в поволжском городе Городце, где и скончался, приняв перед смертью монашеский постриг.

Тело его было привезено во Владимир и положено в монастыре Рождества Богородицы. Согласно «Житию», погребение сопровождалось чудом. В тот момент, когда Севастьян-эконом и Кирилл-митрополит хотели разжать его руку, чтобы вложить грамоту с разрешительной молитвой, он «аки живъ суши, распростеръ руку свою и взят грамоту от руки митрополита».

Князь был похоронен, однако, приключения его на этом не завершились. Причем, коснулись они не только исторической памяти о его деятельности, но и его тела. В знаменательном для истории России 1380 г. его нетленные мощи были выставлены в соборе.

23 мая 1491 г. во Владимире случился пожар, уничтоживший почти весь город. Никоновская летопись сообщает: «згорел градъ Володимиръ весь и съ посады; и церковь Пречистыя Рождество в монастыре внутри града выгоре, и тело князя великого Александра Невского згоре»⁵⁷.

Однако в парадном Лицевом своде, а также в Синодальном списке Воскресенской летописи содержится иная история, озаглавленная: «Чюдо. О явлении на воздухе святаго и великого князя Александра Невского, и о пожаре Володимерскомъ», которая является, несомненно, поздней вставкой.

Согласно этой истории, пожар во Владимире действительно произошёл. Однако ему предшествовало чудесное явление: «отъ самого верха церкви тоя видеша необычно видение, яко облакъ легкий протязашеся, или яко дымъ тонокъ извивася, белостию же яко иней чистъ, светлостию же яко солнцу поподообразно блещася, идеже тогда въ тонкости и светлости облака того видеша подобие образа блаженнаго великаго князя Александра на кони быстр яко къ небеси изимася яздеца»⁵⁸. Затем произошёл пожар. Церковь внутри вся выгорела вместе с людьми. Однако пелена, которой был покрыт гроб, оказалась нетронута огнем. Мощи уцелели.

В свете вышесказанного интересно было бы провести генетическую экспертизу имеющихся останков и сравнить результаты с живущими отпрысками рода Рюрика. Прямых потомков Александра Невского на сегодняшний день не осталось. Но вообще рюриковичей немало. Самые близкие из ныне живущих родственников Александра Невского — представители рода князей Шуйских, от младшего брата Александра — Андрея. Таким образом, технически такое исследование возможно. Но проведение его, в лучшем случае, дело будущего.

Примечания

1. ПСРЛ. Т. III. М. 2000, с. 66—67.
2. КУЧКИН В.А. О дате рождения Александра Невского. — Вопросы истории. 1986, № 2, с. 174—176.
3. Расписание степеней родства и свойства, препятствующих браку. Русская историческая библиотека. Т. 6. СПб. 1880, ч. 1, с. 143.
4. ЛИТВИНА А.Ф., УСПЕНСКИЙ Ф.Б. Близкородственные браки Рюриковичей в XII в. как предмет вспомогательно-исторического исследования. В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXV международной научной конференции. Москва 31 января — 2 февраля 2013 г. М. 2013, ч. 1, с. 96—102.

5. Повесть о битве на Липице. В кн.: Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. СПб. 1997, с. 86.
6. КУЧКИН В.А. Александр Невский — государственный деятель и полководец средневековой Руси. — Отечественная история. 1996, № 5, с. 2.
7. Известный исследователь генеалогии Н.А. Баумгартен предполагал наличие у князя третьей жены, которая и стала матерью его детей. См.: БАУМГАРТЕН Н.А. К родословию великих князей Владимирских. Мать Александра Невского. — Летопись Историко-родословного общества в Москве. М. 1908, вып. 4 (16), с. 21—23). Эта гипотеза была подвергнута основательной критике В.А. Кучкиным. Однако при всей убедительности его доводов считать проблему полностью разрешенной нельзя.
8. Поучения и молитва Феодосия Печерского. В кн.: Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. СПб. 1997, с. 448—450.
9. ПСРЛ. Т. XXIV. М. 2000, с. 227.
10. КУЧКИН В.А. О дате рождения Александра Невского, с. 174—176.
11. ПСРЛ, т. III, с. 70.
12. Там же, с. 74.
13. Житие Александра Невского. В кн.: Библиотека литературы Древней Руси, т. 5, с. 357.
14. БЕСКРОВНЫЙ А. Святой благоверный великий князь Александр Невский (иконы и церковно-монументальная живопись). — Православный взгляд. 2011, № 4 (15), с. 62.
15. Там же, с. 63.
16. ТАТИЩЕВ В.Н. История Российская с самых древнейших времен. СПб. 1784, с. 2.
17. КАРАМЗИН Н.И. История государства Российского. Т. 4. Примечания. СПб. 1918, с. 60.
18. КОСТКИН В.В., протоиерей. Монастыри, соборы и приходские церкви Владимирской епархии, построенные до начала XIX столетия. Краткие исторические сведения с приложением описи сохраняющихся в них древних предметов. Владимир. 1906, ч. 1, с. 213.
19. МИНИН С.Н., священник. Очерки по истории Владимирской епархии. (X—XX вв.). Владимир. 2004, с. 11—13.
20. Сейчас внешнее оформление захоронений частично восстановлено. За предоставленную информацию автор выражает сердечную благодарность владимирскому историку С.Н. Тыновскому.
21. ПСРЛ, т. III, с. 77.
22. Там же.
23. Житие Александра Невского, с. 362.
24. ПСРЛ, т. III, с. 77.
25. Житие Александра Невского, с. 360.
26. Там же, с. 362.
27. ЧИЧУРОВ И.С. Политическая идеология средневековья. Византия и Русь. М. 1991, с. 149.
28. ФРОЯНОВ И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л. 1980, с. 35; ОДЕССКИЙ М.П. Поэтика власти в Древней Руси. — Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2000, № 1, с. 5.
29. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, стб. 78.
30. Рифмованная хроника. В кн.: МАТУЗОВА В.И., НАЗАРОВА Е.Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII — 1270 г. Тексты, перевод, комментарии. М. 2002, с. 230.
31. Ледовое побоище 1242. В кн.: Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища. М.-Л. 1966.
32. Рифмованная хроника, с. 230.
33. Там же, с. 234.
34. Там же.
35. Житие Александра Невского, с. 364.
36. Рифмованная хроника, с. 324.
37. ПСРЛ, т. III, с. 78.

38. Рифмованная хроника, с. 233.
39. ПСРЛ, т. III, с. 78.
40. Рифмованная хроника, с. 234.
41. Там же, с. 240.
42. Псковские летописи. М. 1955, вып. 2, с. 82.
43. ФЕННЕЛ ДЖ. Кризис средневековой Руси. М. 1989, с. 143.
44. Хроника Тевтонского ордена. В кн.: Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища, с. 237.
45. ФЕННЕЛ ДЖ. Ук. соч., с. 145.
46. Житие Александра Невского, с. 366—368.
47. Послание папы Иннокентия IV князю Александру Ярославичу 23.1.1248. В кн.: МАТУЗОВА В.И., НАЗАРОВА Е.Л. Ук. соч., с. 264.
48. Там же, с. 266.
49. Послание папы Иннокентия IV князю Александру Ярославичу 15.IX.1248. В кн.: МАТУЗОВА В.И., НАЗАРОВА Е.Л. Ук. соч., с. 269—270.
50. ПСРЛ. Т. II. М. 1998, с. 826—827.
51. ГОРСКИЙ А.А. Русь. От славянского расселения до Московского царства. М. 2004, с. 223.
52. ДЖОВАННИ ДЕЛЬ ПЛАНО КАРПИНИ. История монгалов. М. 1957, с. 78.
53. Там же, с. 31.
54. КАРПОВ А.Ю. Александр Невский. М. 2010, с. 164.
55. ПСРЛ. Т. I. М. 1997, стб. 473.
56. КАРПОВ А.Ю. Ук. соч., с. 188.
57. ПСРЛ. Т. XII. СПб. 1901, стб. 229.
58. Там же, стб. 229—230; т. VIII. СПб. 1859, стб. 221—222.

Нелегальный автостоп: путешествие из ГДР в СССР в 1972 г.

Окончание «холодной войны» и падение «железного занавеса» спровоцировало усиленное внимание исследователей к изучению западноевропейской интеграции как модели формирования единого экономического, правового и мировоззренческого пространства. Объединительные процессы, развивавшиеся во второй половине XX в. в социалистическом лагере, были автоматически оценены как нежизнеспособные, единственным спланирующим фактором которых было признано насильственное советское господство. Однако на сегодняшний день подобный подход не может дать удовлетворительных объяснений того, почему, несмотря на жестоко подавленные протесты и растущее политическое недовольство, социалистический лагерь просуществовал целых 40 лет; какие формальные и неформальные контакты связывали жителей разных стран; почему на фоне современного кризиса западноевропейских интеграционных структур (движение за отмену евро, отказ от принятия общеевропейской конституции) во всех странах бывшего социалистического лагеря все большие обороты набирает феномен ностальгии.

Отправной точкой для данного анализа послужила случайная находка, сделанная в архиве федерального уполномоченного по документам госбезопасности бывшей ГДР в Берлине (так называемый архиве Штази). В одном деле с материалами о пребывании восточногерманских студентов в СССР обнаружилось многостраничное признание одного из граждан ГДР в нелегальном путешествии в Советский Союз: без соответствующей визы он отправился автостопом через азиатские республики и после почти двухмесячного незаконного пребывания в Советском Союзе, преодолев около 10 тыс. км, был задержан в Хабаровске, откуда до цели его путешествия (Тихого океана) оставалось 300 км. При этом молодой человек, слабо владевший русским языком, радушно принимался не только жителями разных городов и весей, но и представителями властных органов, включая ведомства охраны правопорядка. Значительное место в его изложении занимает описание различных регионов СССР и их жителей, запланированных и случайных контактов, реалий позднего социализма.

Данный документ рисует нам «закрытое» пространство соц. лагеря как фактически проницаемую мембрану, ставя более общие вопросы о каналах и средствах транснациональной коммуникации, масштабах внутри-блоковой миграции, степени действительной закрытости пространства.

Процесс подписания двусторонних соглашений, регулировавших миграционные потоки, стартовал в начале 1960-х годов. ГДР не стала исключением и вошла в сообщество государств, официально отменивших визы и открывших себя для внутриблокового туризма. Для безвизовых поездок внутри социалистического лагеря гражданам ГДР были необходимы специальные удостоверения, непрозрачная процедура выдачи которых позволяла органам госбезопасности отсекалать нежелательных лиц: решение о допуске или запрете не аргументировалось и не подлежало оспариванию.

Процедура получения визы по частному приглашению была чрезвычайно сложна: советские органы проверяли приглашающее лицо не только на политическую благонадежность, но и на уровень материального благосостояния, позволявший достойно представить ведущую страну социализма в глазах зарубежных туристов. При этом иностранный гость не имел права покидать пределы 50-ти километровой зоны от местожительства радушного хозяина. Поэтому желающие посетить СССР предпочитали пользоваться официальными поездками или транзитными путями, движение по которым регулировало соглашение между ГДР и СССР от 1964 года. Предоставляя возможность пребывания на своей территории несколько дней, советские органы создавали плохо контролируемое правовое пространство, используемое как трамплин для незаконных путешествий. Постоянный рост потока «транзитных уклонистов» беспокоил обе стороны: ведомства ГДР видели в них потенциальных беглецов на Запад (что, как показывает статистика, не соответствовало действительности), советские органы опасались религиозной пропаганды ¹. Плохо координируемые усилия двух стран не привели к окончательному решению данной проблемы.

Узость источниковой базы не позволяет полномасштабно применить к представляемому документу приемы деконструкции текста или критического анализа. Мы почти ничего не знаем о фигуранте (назовем его Б. ²), кроме его фамилии и возраста — на момент путешествия ему исполнилось 25 лет. Ни профессиональную принадлежность, ни культурный багаж, ни дальнейшую судьбу определить невозможно — этому препятствует сама организация архива Штази.

За 56 дней Б. преодолел около 10 тыс. км. по окраинным областям Советского Союза на поезде, автостопом и на пароходе. Путь его пролегал через Словакию, где состоялся нелегальный переход границы, до Ужгорода, далее: Киев — Харьков — Ростов на Дону, затем Черкесск — Баку — Иолотань — Бухара — Алма-Ата — Семипалатинск — Новосибирск и, наконец, Хабаровск. Обратно за счет госбезопасности Б. был отправлен первым классом на самолете через Москву до Берлина.

Упомянутые в тексте информационные потоки и коммуникационные каналы еще раз свидетельствуют о внутренней противоречивости политики закрытости в социалистическом лагере. Источник позволяет говорить о наличии в описываемый период обширного общего пространства, в том числе, языкового. Характерным в рамках советско-восточногерманских межличностных контактов того времени яв-

ляется употребление притяжательных местоимений: так, советские служители порядка классифицируют Б. в качестве «нашего» немца, отделяя его от «не наших» западных немцев. Он, в свою очередь, именует их «мои чекисты». Истоки данной постоянно употребляемой им формулировки остаются пока неясными: он лишь однажды упоминает наименование КГБ, в остальном же говорит о чека, чекистах и комиссарах, четко отделяя их от милиционеров, пограничников и т.д.

Примечательно, что, если исключить налаженные заранее с помощью переписки контакты, самыми главными помощниками Б. в его аванюре являются именно представители советских органов правопорядка: мало кто из них разбирается в формальных требованиях к туристам из ГДР, даже те, кто указывает ему на отсутствие визы и настоятельно рекомендует обратиться в ближайший участок, не контролируют выполнение этих рекомендаций. Подобное беспечное попустительство и даже халатность свидетельствуют о преобладании чувства имперского превосходства и безопасности, а также подтверждает тезис Я. Берендса о существовании в Советском Союзе специфического гражданского общества, мирный интернациональный характер которого был разрушен вторжением в Афганистан.

О том, что случай Б. далеко не единичен, свидетельствуют объемные иллюстрированные публикации, в которых нелегальные путешественники из бывшей ГДР делятся своими воспоминаниями, написанными, правда, уже после падения Берлинской стены³. Вопреки распространенным представлениям, можно говорить о достаточно интенсивном миграционном потоке внутри социалистического лагеря. Отдельного анализа требует вопрос о векторах его направленности. Можем ли мы искать объяснение активности восточных немцев в корнях движения «перелетных птиц», оказавшихся в ловушке сегрегационной политики руководства ГДР по отношению к своим гражданам, или волна интернационализации и международная ситуация 1970-х гг. в целом способствовали возникновению сравнимого потока советских (в том числе нелегальных) туристов, переходивших границу СССР в западном направлении?

В тексте сохранены особенности орфографии и пунктуации источника. Публикацию подготовила **О.С. Нагорная**.

Галле. 17.10.1972.

Написано собственноручно обвиняемым Б.

Десять дней назад я вернулся из Советского Союза в ГДР. В течение 56 дней мне в сущности действительно удалось осуществить мои намерения — преодолеть более 10 тыс. км вплоть до дальневосточных областей на Тихом океане. Однако, вид и способ, которыми я попал в Советский Союз и находился там, были нелегальными и с самого начала предприятия осознавались мной как незаконное действие.

Ниже я хотел бы, как я уже это сделал относительно органов безопасности в Советском Союзе, рассказать о своих мотивах, подготовке и успешном осуществлении моего путешествия через Советский Союз...

Нагорная Оксана Сергеевна — доктор исторических наук, проректор по научной работе Южно-Уральского института управления и экономики. Челябинск.

Хотя мое теперешнее размещение, обеспечение, чистота и одежда не может даже близко сравниться с 14-дневным заключением в Хабаровске, несмотря ни на что я все же хорошо чувствовал себя в советской тюрьме. В Хабаровске, в первые же минуты после моего случайного, немного преждевременного задержания я открыл представителям милиции и КГБ (чека) все взаимосвязи и способ моего путешествия, при этом я с самого начала извинился перед ними. В случае таких разных милиционеров, офицеров и сотрудников чека, с которыми я вел длительные беседы во время моего заключения, у меня сразу же создалось впечатление, что после моих первых непроверенных показаний они прониклись ко мне глубоким доверием. И полностью независимо от того факта, что я находился под следствием и подозревался в отнюдь не самом безобидном «нарушении законности», со стороны всех советских защитников закона я встречал непринужденную, естественную дружелюбность и сердечность, которых я, при моих проступках, и не думал заслужить. Но вместо того, чтобы обращаться со мной со всей строгостью по немецким понятиям, все — от милиционера до полковника, от комиссара чека до переводчицы и шофера — реагировали заинтересованно, качали головой или удивлялись, а также откровенно забавлялись сутью моего предприятия.

Хотя они, естественно, не могли одобрять мои действия, все же данные лица выражали глубокое понимание в отношении побудительных мотивов моего путешествия. Они дали мне понять, что рассматривали мои действия как необычное доказательство дружбы, чью незаконность они готовы были простить (то есть не подвергать преследованию).

Теперь собственно о подготовке моего путешествия. Она может быть описана как организационно-духовно-моральная, информационная, а также физическая подготовка. К организационной подготовке относились планирование и утверждение маршрута на основе автомобильных атласов Советского Союза, установление как можно большего количества письменных контактов и дружеских отношений вдоль запланированного пути следования.

К организационной подготовке относились также своевременные усилия по получению разрешения на въезд и пребывание в СССР. Необходимые письменные контакты я устанавливал с помощью адресов советских граждан, которые искали своих родственников, пропавших без вести во время войны. Эти адреса можно было найти в еженедельных выпусках немецкоязычной газеты «Нойес лебен». Переписку я начал в сентябре 1971 г. и вел ее преимущественно на немецком, но и на русском языке. Через этих корреспондентов я познакомился с некоторыми русскими и немецкими девушками. Не от всех я получал ответ, несмотря на многочисленные запросы. Кроме того, я собирал больше адресов, чем я устанавливал письменных контактов (на всякий случай), например, в городах Иолотань и Хабаровск. Последние, столь важные для меня впоследствии адреса я нашел в «Вохенпост». С некоторыми друзьями по переписке я вскоре познакомился ближе. Например, с (ретушь архива) в Черкесске и учительницей-пенсионеркой (ретушь архива) в Ангарске. От (ретушь архива) я вскоре получил приглашение на лето 1972 г., еще до того, как я ее об этом попросил. Уже весной она попыталась получить для меня разрешение на визит и пребывание у советских органов. Однако после длительных и много-

численных запросов этой женщины в середине мая 1972 г. ей было отказано с указанием на недостаточную степень знакомства, заявление на въезд и пребывание в Советском Союзе было отклонено.

Запрос на въезд и пребывание в Сибири, который я направил через г-жу (ретушь архива) в Ангарске также был безуспешен.

Достаточное владение русским языком было крайне важно для успеха моего путешествия. Мои знания и мой словарный запас были ужасающе недостаточны. Я попытался достичь улучшений с помощью самоподготовки и корреспонденции, но, несмотря на это, в первые дни и недели в Советском Союзе я очень плохо говорил по-русски.

К информационной подготовке относилось также изучение доступной литературы о путешествиях в Советский Союз. Наиболее исчерпывающую информацию содержали публикации для альпинистов. В соответствии со всеми тренировочными рекомендациями альпинистской литературы, систематически и основательно я многие месяцы подготавливал свое тело и снаряжение к продвижению через Советский Союз. основополагающими условиями были определены высокая телесная выносливость, воля и закалка, я планировал систематически приобретать их в течение года. (Далее описываются многодневные путешествия, включая голодные марши и велосипедные маршруты, которые рассказчик предпринял в качестве подготовки. — *О.Н.*)

... Вернувшись домой с последней пробной поездки, я обнаружил отрицательный ответ на мой запрос на въездные документы в Советский Союз. Конечно, это было для меня огромным разочарованием, и, учитывая столь длительную подготовку, почти полностью поставило под вопрос мое предприятие. Тогда я решился на нелегальный переход границы. Необходимые вещи были собраны быстро. Это было испытанное обмундирование. При переходе границы в Карпатах и вплоть до Кавказа я должен был рассчитывать на жизнь в палатке.

При подготовке моей задумки я обменял в банке 60 марок для двух дней проезда через ЧССР. Мои родители, сестры и братья, а также моя подруга знали о моих намерениях путешествовать по Советскому Союзу. Родителям я сказал, что все же получил официальное приглашение и собираюсь поехать поездом. Далее я сообщил, что останусь в стране как можно дольше, возможно, до сентября. Я взял с собой 750 марок, с помощью этой суммы я планировал оплатить свой обратный перелет с Дальнего Востока. Более мелкие суммы я надеялся обменять нелегально. Советскую валюту на покупку продуктов, поездки водным и городским транспортом я надеялся приобрести путем продажи моего походного ножа. При этом я рассчитывал, что моим преимущественным средством передвижения будет автостоп и товарные поезда.

23.7.1972 я выдвинулся из дома. Уже на следующий день я переночевал в отдаленной лесной местности Карпат, недалеко от советской границы. На поезде я доехал до Кошице в Словакии и на автобусе добрался до деревушки близ границы, дальше я двинулся пешком. Вместе со своим 20-килограммовым багажом через покрытую лесом местность я незамеченным пересек советскую границу утром 25.7.1972 г. К этому моменту у меня была лишь одна копейка «на счастье», которую я получил от подруги с Кавказа в письме.

Днем этого же дня я добрался пешком до города Перечина, откуда автостопом через Ужгород до Мукачево, при этом, находясь в гру-

зовом автомобиле, я беспрепятственно прошел пограничный контроль, предъявив удостоверение личности. Инкогнито я переночевал в Мукачево у немецкоязычного священника.

30.7.1972 я добрался до Черкесска (Северный Кавказ). Дорогу до него я проделал автостопом и ночевал в Львове под Киевом, Харькове и под Ростовом на Дону, частью — в кровати у незнакомой девушки, частью — в парке в центре Харькова и на огороде под Ростовом. Трижды я общался при этом на улице с милиционерами и чекистом. Один интересовался моим дневником, который я писал на обочине парадной площади, другой болтал со мной о времени пребывания в Йене. На третий раз чекист составил протокол по поводу отсутствия у меня визы и отметки о пограничном контроле, вернул мне удостоверение личности с вежливым извинением и попросил милиционера поймать для меня следующий автомобиль для дальнейшего движения. При этом он пожелал мне счастливого пути.

В Черкесске я жил у семьи Н. совместно с 8 гостями из Сибири, которые уже в течение недели не могли купить обратный билет в Красноярск, куда они стремились по завершению отпуска на Черном море. Мы располагались в трехкомнатной квартире, много пели, играли на музыкальных инструментах, купались и гуляли. В шуточных разговорах я практиковал свой русский язык с очаровательными подругами моей очаровательной хозяйки, которая однажды отослала своего мужа в кино, чтобы пригласить меня на ночную прогулку по берегу Кубани. Я подружился с одним гипнотизером, а на третий день ко мне пришла чекистка (майор в гражданской одежде), которой стало известно о моем пребывании здесь. По ее желанию мы беседовали за стаканом чая о ходе и цели моего путешествия, и моя хозяйка, которой я зачем-то рассказал о нелегальном характере моего путешествия и которую это ничуть не смутило, поинтересовалась (у майора. — *О.Н.*), как мы могли бы исправить ситуацию. По истечению двух дней и моего планируемого возвращения с Кавказа, мы должны были прийти к ней и решить эту ситуацию.

Мы выпили второй стакан чая, болтая при этом о моей родине, которой она очень интересовалась, затем она еще раз извинилась, поблагодарила за приглашение и попрощалась. Когда мы к ней повторно пришли, она выразила сожаление, что вынуждена мне сообщить о невозможности моей дальнейшей поездки и необходимости моего скорейшего возвращения в ГДР. При этом она рекомендовала мне обратиться в бюро Интуриста в Пятигорске, которое мне безусловно окажет помощь. В свою очередь, она намерена завтра посетить мою гостеприимную семью, чтобы убедиться, что я действительно покинул Черкесск. После сердечного прощания я покинул 5.8.1972 г. Черкесск в направлении Пятигорска, семья обменяла мне 50 руб. на 175 марок на предполагаемый билет до ГДР. На автобусе и попутках я добрался к вечеру в Алагир, где меня приняли мои немецкие, русские и осетинские друзья по переписке.

На следующий день 8.8.1972 на грузовике (рядом со мной сидел старший лейтенант милиции) я добрался до заправки в соленых степях недалеко от Баку. Тот же милиционер помог мне добраться до самого города, остановив знакомого водителя на молоковозе и поручив ему сдать меня на руки первому же милиционеру посту. Но все

сложилось иначе. После того, как весь состав поста милиции с интересом ознакомился с моим удостоверением, они посадили меня в служебную машину и возили в 2 часа ночи от отеля к отелю в поисках места ночлега. В отеле «Интурист», несмотря на отсутствие мест, мне сдвинули два кресла в холле, чтобы я мог устроиться. После дружеского прощания с милиционерами администратор гостиницы выразила недоумение, почему у меня нет визы, но затем она положила мой паспорт вместе со стопкой документов граждан ФРГ к себе в сейф. Однако на следующее утро мой паспорт уже лежал на рюкзаке в гардеробе, и в 6 часов портъе позволил мне выскочить из этого «львиного логова». Я поспешил в порт, чтобы с первым же кораблем отправиться в Азию. Как иностранец (мой акцент меня выдал) я не мог купить билет до тех пор, пока не появился советский немец, у которого закончились деньги. Мы оба хотели в Краснодар и помогли друг другу. Переезд через Каспийское море в Азию длился 12 часов.

... Следующий милиционер увез меня назад в Красноводск, где он составил протокол по поводу отсутствия у меня визы, который он попросил меня подписать. В заключении я, он и чекист болтали и рассматривали мои фотографии из ГДР. Чекист назвал мне следующий корабль, отправляющийся в Баку, отдал мне мои документы и отвез к моим гостеприимным хозяевам, пожелав мне хорошего возвращения.

Вечером я сел на экспресс в Ташкент и уже через 12 часов был в Ашхабаде. Пока я спал на верхней полке, вагон проверял пограничный контроль, прошедший без всякого интереса мимо меня.

(Далее в телеграфном стиле описывается месячное путешествие поездом, автостопом и автобусом через Иолотань, Бухару, Ош, Гульча, Фрунзе, Алма-Ата, Семипалатинск, Новосибирск, Красноярск, Ангарск, Иркутск, Чита, Хабаровск, а также упоминаются ночевки в семьях, в парках, под мостами, посещения электростанций, спектаклей балета, Академгородка).

... В Хабаровске при случайной проверке документов на вокзале был задержан транспортной милицией. Меня поймали на 3—4 дня раньше, чем я рассчитывал, планируя через Комсомольск добраться до океана.

19.9.1972: завтрак в кабинете с полковником милиции за его рабочим столом. У меня еще оставалась домашняя колбаса, и я отрезал ее для него с помощью моего походного ножа — полковник был в восторге. Во время еды состоялся страстный политический разговор о проблемах идеологической работы в ГДР и СССР. Затем — о моей биографии, родителях, друзьях и причинах моего путешествия. Мы расстались после крепкого рукопожатия как отец и сын, с теплыми пожеланиями в адрес домашних.

На «Волге» меня отвезли на «отдых» в спецприемник, камера 1, первоначально — 7, затем — 15 человек. Всем позволили оставить их одежду. Никаких одеял, полотенец, только мыло. Длинные деревянные пустые нары для каждого. В любое время можно спать, петь, курить, есть. В наличии была также газета для махорки. Глазок для наблюдения не используется, он заржавел...

Я делюсь оставшейся едой. Милиционер открывает для меня последнюю банку рыбных консервов. Она идет по кругу, мы знакомимся. С одной стороны от меня сын (ретушь архива) с другой — ветеран (прошел войну от Москвы до Берлина, с 1945 по 1947 г. был в Наум-

бурге, мог хорошо ругаться на немецком, но еще лучше на русском), 2 молодых корейца из Пхеньяна... Другие более старшего возраста. Это «старые знакомые» (пьяницы, бродяги), но все очень приятные, даже симпатичные парни. Спокойные и сносные, все удивительно хорошо образованы (у них — широкая эрудиция). Они говорят много глупых вещей о советской власти, которая препятствует их пьянству и стремится заставить их работать. Но все выносят друг друга великолепно. Ни одного громкого или злого слова. Все охотно дискутируют, но при этом не обижаются. С самого первого момента я хорошо себя чувствовал среди них...

21.9.1972 я, старший лейтенант и два чекиста поехали еще раз домой к моему знакомому, чтобы забрать оставленные мной вещи. Я, наверное, напугал женщину и девочек моим арестом, но не мог им раскрыть нелегальный характер моего пребывания до возвращения с моря. После я намеревался идти с ними в милицию. Это было печальное прощание, т.к. мне казалось, что они обиделись на меня за нечестность и неизвестно что обо мне думали. Они не разговаривали со мной, и я не знал, почему мать знакомого плачет. Чекист заботливо ее успокаивал.

В этот же день я получил задание записать все произошедшее, как я делаю это и здесь. Мне было позволено находиться одному в кабинете начальника тюрьмы и даже работать за его столом. В ящиках находились «альбомы преступников», документы. Капитан принес мне сигареты и горячий, очень сладкий чай. Каждый вечер или в любое другое время я занимался этим и жил счастливо. Если бы только не ситуация с моими хозяевами.

В субботу после обеда я оказался в приятной компании. Оба моих дневника отдали на перевод двум разным переводчицам. Одна из них, завершив перевод большей части первой книги, захотела со мной поговорить лично, чтобы выяснить пару неясных мест. Она вызвала меня в кабинет начальника и попросила оставить нас вдвоем... Когда мы голова к голове углубились в чтение и перевод, выяснилось, что она читает лучше меня самого и все сразу же великолепно понимает. Она поведала мне, какое удовольствие ей доставил перевод с самой первой страницы, и мы часто прерывались: она смеялась, а я мог рассказывать дополнительные подробности. Одно за другим, и мы почти забыли про дневник. Милиционера, который к нам заглянул, она со смехом отослала, к 19 часам мы прочитали лишь половину этой тоненькой тетрадки...

На следующий день я был вызван в кабинет начальника (латиницей русское слово. — *О.Н.*) в 13 часов. Мы поприветствовали друг друга как старые знакомые. Она принесла мне самые лучшие сигареты (египетские), которые могла найти... Когда мы дошли до места, где я описывал, что в Хабаровске очень много впечатляющих корейцев и евреев, она созналась, что сама является еврейкой.

... Некоторое время, записывая подробности своего путешествия, я проводил в комнате с тремя милиционерами, несшими службу... Какие только вопросы о ГДР они не задавали! Я много рассказывал, мы смеялись, писал я мало. Они запретили мне называть их на «Вы». Мы — товарищи (латиницей русское слово. — *О.Н.*), и мы выпили чай на брудершафт, кстати, то же самое немецкое слово употребляется на русском.

... Короче, среди этих людей, в камере и вне ее, я чувствовал себя гораздо лучше, чем в каком-нибудь внешне уютном месте ГДР. Хотя, конечно, камеры и другие заведения были менее комфортабельны.

И никого не удивит, что после проведенных здесь 14 дней и ночей при прощании на глазах моих сокамерников и всех сотрудников приемника были слезы... Я был вынужден пообещать начальнику выслать из ГДР для всех открытку, которую он наряду со всеми наградами и свидетельствами собирался повесить в рамке на стену в своем кабинете... В сопровождении двух чекистов я отправился отсюда прямо в аэропорт. Все вещи, удостоверения и деньги были в полной сохранности мне возвращены, включая дневники и пленки.

Перед отъездом из приемника я получил возможность передать моим чекистам двухстраничное «заявление» на русском, в котором я еще раз приносил извинения за дополнительную работу, вызванную моим поведением, и благодарил за необычно дружественный прием и великодушное обращение. Фантастическую просьбу о сопровождении меня до океана, до которого оставалось всего лишь 300 км, они не смогли выполнить, т.к. меня в этот же день ожидали в Берлине.

Билет на самолет был уже куплен (первый класс, бесплатно). С одним из моих чекистов (второй попрощался со мной еще в городе и пригласил меня уже легальным путем приехать в Хабаровск, а я его — в ГДР) и майором милиции, летевшим в командировку на Украину, а также с водкой, кофе и икрой мы попрощались с Хабаровском.

Мой сопровождающий дружелюбно уступил мне место у окна, и я смог еще раз увидеть сверху этот чудесный город, где я прожил три незабываемые недели. В самолете перед дверью туалета я беседовал с одним журналистом и, конечно, с моим чекистом, которого я спросил, почему, собственно, я, незаконно вторгшийся в его страну и проведенный здесь 9 недель, был принят так дружественно и даже отправлен первым классом в Москву. Смеясь над моим удивленным вопросом, он ответил: во-первых, я из ГДР, то есть друг и товарищ. Во-вторых, я очень смелый и мужественный парень. В-третьих, я еще и доброволец, т.к. я сам хотел сдать милиции, и в остальном я великолепный человек.

... В качестве прощания я подарил им еще оставшиеся у меня отличительные знаки «За высокий вклад к чести ГДР». Это произошло уже под скептические взгляды моих московских сопровождающих. Пилот самолета, неожиданно вышедший навстречу, также получил от меня значок за свой безопасный полет. Мои советские товарищи были рады. Особым сюрпризом для моего чекиста была совсем недешевая курительная трубка, которую я привез из дома...

Примечания

1. HALBROCK CH. Unterwegs im Land des «Bruderorgans». Transitabweicher und Reisegruppenfluechtige im Spiegel der MfS-Akten. In: Unerkannt durch Freundesland. Illegale Reise durch das Sowjetreich. Berlin. 2012, S. 374.
2. Архивное законодательство ФРГ в данном случае жестко оговаривает невозможность разглашения и без того скудной личной информации.
3. См., например: Unerkannt durch Freundesland.

Эволюция командного состава Красной армии в 1919—1921 гг. по документам Л.Д. Троцкого

С.С. Войтиков

На Восьмом съезде РКП(б) в марте 1919 г. председатель Революционного военного совета Республики, нарком по военным и морским делам Л.Д. Троцкий подвергся серьезной критике со стороны «военной оппозиции» — видных большевиков, находившихся на ответственной партийной работе в Красной армии. Троцкого, которого ненавидели старые большевики, оставили — благодаря ленинской поддержке — на посту председателя РВСР¹, выдвинув ряд условий: организация взаимодействия с военными партийцами путем созыва специальных совещаний, проведение серьезной реорганизации центрального аппарата управления РККА и менее значимые, но отнюдь не менее болезненные для самолюбия Троцкого коррективы. Наркому следовало обратить особое внимание на подготовку пролетарских командных кадров, поскольку его ставка на военных специалистов вызвала серьезное раздражение большевиков, воспринимавших действия Троцкого как террор в отношении военных комиссаров². Это не был вопрос, который можно было решить в одночасье. В эволюции командных кадров Красной армии в 1919—1921 гг. мы попробуем разобраться в настоящей работе.

В очередной раз отстаивать интересы военного ведомства его главе пришлось в декабре 1919 г. на VII Всероссийском съезде Советов. Документы из личного фонда Троцкого свидетельствуют, что, учтя критику в свой адрес на VIII съезде РКП(б), к VII Всероссийскому съезду Советов председатель РВСР отнесся крайне серьезно, учитывая, что советский съезд, в отличие от партийного, ключевые вопросы уже не решал.

К осени-зиме 1919 г. серьезно изменились и обстановка на фронтах Гражданской войны, и командный состав Красной армии, и отношение к советской власти небольшевистских партий. Наиболее отчетливо изменения прослеживаются по письму Центрального комитета Партии социалистов-революционеров (ЦК ПСР), написанному

Войтиков Сергей Сергеевич — кандидат исторических наук, главный специалист Центрального государственного архива города Москвы.

30 октября 1919 г. в условиях наступления белогвардейцев. В письме ЦК ПСР заявил, что не будет чинить препятствий «отдельным лицам идти добровольно в Красную армию, тем более, что она из *наемнической* превратилась — правда, лишь по личному составу, а не применению — в *народную* армию, где всякий эсер, руководствуясь партийными решениями, сумеет найти свое призвание»³. В.И. Ленин, с дореволюционных времен привыкший зорко следить за своими оппонентами и врагами, тонко почувствовал изменение политической конъюнктуры. В своем выступлении на VIII конференции РКП(б) вечером 2 декабря, состоявшейся в преддверии Всероссийского съезда Советов, вождь четко заявил: «...мы смогли использовать специалистов, в большинстве настроенных против нас, и создать ту армию, которая, по признанию наших врагов эсеров..., представляет [собой] армию не наемников, а народную»⁴.

27 ноября Троцкий направил ряд запросов об основных статистических данных руководителям нескольких наиболее важных подразделений центрального военного аппарата: Х.Г. Раковскому, отвечавшему в этот период за политическую работу в армии, большевику Л.Е. Марьясину, возглавлявшему автономное от руководства Всероссийского главного штаба (ВГШ, Всероглаштаб) Управление всеобщего военного обучения, большевику И.И. Межлауку как главному начальнику снабжений и военному специалисту Н.И. Ратгэлю — начальнику Всероссийского главного штаба. Все ответы на запросы Троцкий предложил представить к 30 ноября 1919 года. Наиболее подробные сведения главы военного ведомства затребовал, естественно, от начальника Полевого штаба, военного специалиста П.П. Лебедева: «1. Как выглядела военная советская карта в момент последнего съезда Советов. 2. Сравнение ее с нынешней советской картой: а) в пространственном отношении; б) в отношении народонаселения. 3. Важнейшие этапы последнего года в стратегическом отношении: а) максимальные успехи; б) максимальные неудачи (то и другое [приказывалось] выразить в характерных географических пунктах, а также в квадратных верстах и в душах населения. — С.В.). 4. Характеристика под указанным углом зрения отдельных фронтов. 5. Сравнительную схему фронтов к моменту последнего съезда Советов нужно воспроизвести в количестве нескольких рот, в крайнем случае — нескольких десятков экземпляров»⁵.

Данные о положении на фронтах были получены. На фоне катастрофы октября 1919 г., когда Троцкий отдал приказ об уличных боях в Петрограде, лидеры РКП(б) приготовились к возможному уходу в подполье, а советские служащие из нетвердых партийцев проявляли панические настроения⁶, военное положение РСФСР выглядело прямо чудесно: за год, считая с предыдущего всероссийского съезда Советов Красная армия заняла 1 194 600 кв. верст с числом жителей — 15 708 000⁷.

29 ноября Всероссийский главный штаб, деятельность которого была изменена, насколько это было возможно, на основании решений VIII съезда РКП(б), составил и, видимо, сразу же передал Троцкому справку «Мобилизационные вопросы». Начальник штаба Н.И. Ратгэль и военный комиссар В.Г. Шарманов сосредоточились на таком аспекте, как маршевые пополнения, которые подверглись в начале 1919 г. особой критике: вначале в совместном отчете И.В. Сталина и Ф.Э. Дзержинского о командировке в Пермь,

а затем на Восьмом съезде РКП(б). В представленной Троцкому справке руководство Всероссийского главного штаба указало: «из 1 996 385 призванных маршевыми пополнениями по обработке таковых в запасных частях отправлено на фронт... после VI съезда Советов — 988 533 человека... причем наибольшая интенсивность высылки пополнений [пришлась на лето 1919 г.] при максимуме в 205 500 человек [в июле]». Это было бы свидетельством жизнеспособности военной машины Троцкого, если бы не ремарка: «за сентябрь-ноябрь 1919 г. число пополнений, отправленных в армию, показано только» для округов, подчиненных Всероссийскому главному штабу — без учета пополнений, «кои армии получили из тех губерний, которые [напрямую] подчинены фронтам», а пополнения эти составляли свыше 50% ⁸.

Наконец, были полны оптимизма данные, поступившие от главного начальника снабжений И.И. Межлаука: в начале 1919 г. «положение со снабжением Красной армии было весьма тяжелым», но с этого времени, «несмотря на уменьшение материальных запасов в стране вообще, снабжение значительно улучшилось»: на состоявшемся в феврале 1919 г. Всероссийском съезде снабженцев установлены, якобы, «связь и взаимное понимание между фронтом и тылом» (якобы, потому, что вопрос активно обсуждался в марте-июне 1919 г., в том числе на страницах газеты «Правда» ⁹); налажена тесная связь Центрального управления по снабжению армии с Высшим советом народного хозяйства и Наркоматом продовольствия; полностью согласованы планы снабжения с оперативными заданиями главного командования; проведен учет военного имущества и т.д. ¹⁰

Однако в плане политической работы в армии — а для «военной оппозиции» это был момент принципиальный — похвастаться было практически нечем. Руководителю Политического управления РККА Х.Г. Раковскому, входившему в руководящее ядро большевистской партии, Троцкий направил, казалось бы, несложный запрос: «Было бы крайне желательно... дать некоторые основные цифры, характеризующие работу Политуправления (бывшего [Всероссийского] бюро военных комиссаров) за время, протекшее от последнего съезда Советов до нынешнего. Были бы интересны цифры, характеризующие общее количество работников, прошедших через Политуправлени[е РККА], находящихся ныне на его учете, количество изданий Политуправления [РККА], число экземпляров, число библиотек, разосланных им и пр. и пр.» ¹¹ Однако на исполнение запроса председателя РВСР требовалось время, которого не было. 30 ноября 1919 г., не дождавшись ответа, Троцкий сделал повторный запрос в Политическое управление РККА. Поскольку глава Политуправления был, как и Троцкий, членом ЦК РКП(б), и к тому же сроки поджимали, тон телефонограммы № 928 был предельно корректен: «Нельзя ли узнать по вашим данным и записям плюс записям ЦК, Оргбюро и Всероглавштаба: 1) какое количество коммунистов по всем мобилизациям было дано армии (количество хотя бы приблизительное); 2) сколько членов в коммунистических ячейках по всей армии, хотя бы приблизительно». Хотя срок исполнения указан не был ¹², времени у руководства Политуправления было еще меньше, чем у других подразделений центрального военного аппарата, тем более, что, во-первых, телефонограмма была получена только ночью на 1 декабря (в 1 час. 10 мин.),

а во-вторых, и это главное — учет коммунистов в это время еще не был поставлен на должную высоту, и данные по итогам только что прошедшей мобилизации могли попросту не поступить вовремя.

Раковский, что логично, медлил с ответом, но в конце концов представил Троцкому не «некоторые основные» цифры, а более чем обширные 6-страничные «Материалы для доклада пред[седателя] Реввоенсовета Республики»¹³ с данными на 1 октября 1919 г., то есть «до новой партийной мобилизации»¹⁴. Однако, помня критику на VIII съезде РКП(б), председатель РВСР подошел к вопросу со всей серьезностью и не удовлетворился только на первый взгляд убедительными цифрами от Раковского, из которых следовало, что в РККА находилось 5200 комиссаров, а общее количество членов и кандидатов в члены РКП(б) составляло 61 681 чел. в действующей армии и «приблизительно» столько же — в тыловых частях¹⁵. Цифра, судя по подсчетам советских историков, была достаточно точной: в октябре 1919 г. при общей численности Красной армии якобы в 2,5 млн человек (в действительности — значительно меньше) в ней насчитывалось 3 тыс. парторганизаций со 121 тыс. коммунистов — 4,8 % личного состава советских вооруженных сил¹⁶. Это была капля в море. Тот факт, что сложившееся положение было вполне объективным, не мог защитить Троцкого от критики.

Что называется, «блеснуть» на советском съезде полученными данными о коммунистах, и в частности военных комиссарах в армии, нарком не мог: на фоне общей численности РККА число партийцев выглядело ничтожным. И это при том, что Троцкий еще не запросил и не получил сведений о числе военных специалистов. По справке, которую 4 декабря представил на основании сведений, полученных от начальника Всероссийского главного штаба Раттэля, секретарь председателя РВСР М.С. Глазман, в Красной армии служило «около 60 тыс. бывших офицеров», причем «всего в Красной армии» насчитывалось «около 72 тыс. бывших офицеров [и унтер-офицеров], из них до 10 тыс.» приходилось «на бывших подпрапорщиков и фельдфебелей, до 2 тыс. — на военных чиновников»¹⁷.

При самом элементарном сравнении данных Раковского и Раттэля, которое Троцкий мог провести примерно 4 декабря, выходило, что комиссары «держали наган у виска» (даже с учетом аппарата управления РККА, где их по определению требовалось меньше), мягко говоря, не у каждого бывшего офицера, а при распределении не то, что членов, но и кандидатов в члены РКП(б) по коммунистическим ячейкам, эти ячейки должны были состоять в лучшем случае из нескольких человек и поэтому не играли решительно никакой роли в военном строительстве. Судя по материалам Особого отделения при МЧК за 1919 г. о воинских частях на территории столицы и Московской губернии¹⁸, примерно так и обстояло дело на практике. Данные о подготовке красного командного состава также не утешали: в трех высших военно-учебных заведениях было подготовлено за год 116 чел., в средних — 456, в низших — 10 396. Из столь скромных, учитывая количество бывших офицеров в армии, цифр Троцкий и его сотрудники нашли оригинальный выход: абсолютные цифры заменили относительными: «за год число курсов увеличилось в два раза ([с] 32 [до] 76). Число курсантов увеличилось в три раза ([с] 5,5 тыс. [до] 16 тыс.). За год (эту абсолютную, но ни о чем не говорящую

цифру в отчете все же оставили. — С.В.) выпустили 10 тыс. красных командиров»¹⁹.

Основные успехи Управления всеобщего военного обучения Всероссийского главного штаба, как следует из доклада Л.Е. Марьясина от 30 ноября 1919 г., заключались в отправке к июлю на фронт значительной части его специалистов — бывших офицеров и унтер-офицеров, формировании 26 рот и 26 лыжных команд, а также батальона лыжников, переданного 7-й армии. Данные приводились не за отчетный год, а за время с 22 апреля 1918 г. по 30 ноября 1919 г., а также по 1 января 1920 г., то есть с учетом тех, кого только планировали выпустить. С начала декрета о всеобщем военном обучении начальную военную подготовку прошли 929 126 чел., а за последний месяц через Всеобуч предполагалось пропустить еще 241 800 человек²⁰.

Особенно нелепо в контексте решений VIII съезда РКП(б) об установлении над Красной армией жесткого партийного контроля выглядел первый из пяти выводов, которые Троцкий рассчитывал предложить взять за основу резолюции VII Всероссийскому съезду Советов: «У нас нет оснований изменять военной политике, освященной V Всероссийским съездом»²¹ Советов в июле 1918 года.

Из тезисов, отложившихся в личном фонде Троцкого, видно, какие именно сдвиги в военной политике выделял непосредственно председатель Реввоенсовета Республики. Он попытался переориентироваться с военных специалистов на таких, выросших «снизу», красных командиров, каким был, к примеру, С.М. Будённый.

Из тезисов Троцкого следует, что командный состав Красной армии к осени 1919 г. был представлен тремя разными группами. Во-первых, кадровым офицерством, в судьбе которого, «по-видимому, — указано в тезисах, — открывается новая глава. Начинает складываться общественное мнение советского офицерства». Во-вторых, «самоучками» и «самородками» — С.М. Будённый, Г.Я. Сокольников (причем последнему как старому большевику, не так давно входившему в ЦК партии кандидатом, вряд ли польстила бы постановка его имени в одном ряду с полуграмотным унтер-офицером). В-третьих, «выпускниками инструкторских курсов командного состава», в подготовке которых имели место «недостатки», намеченные к устранению²². Таким образом, из тезисов Троцкого четко вырисовывалось рождение того слоя, о необходимости которого все время говорили военные оппозиционеры — красного офицерства. Упоминание Будённого было реверансом в сторону нарождавшегося слоя военных работников — полупартийцев-полувоенспецов. Красного командира из царских унтер-офицеров характеризует запись, сделанная в дневнике секретаря видного военного «оппозиционера» К.Е. Ворошилова С. Орловского 8 декабря 1919 г.: «Командарм Конной армии Будённый производит хорошее впечатление. Тихий голос, скромный вид — все говорит в его пользу. Когда мне передавали в 42-й дивизии очевидцы рассказ нанесения им недели три тому назад удара политкому дивизии Пятакову, мне сделалось как-то досадно и обидно за Будённого. Мне вспомнились слова героя романа Достоевского “Идиот” кн. Мышкина, который, когда его ударил купец, проговорил: “Что вы делаете, как вы будете сожалеть о том, что ударили человека”. Это не сентиментальность, а это трагедия души человеческой. Говорят,

Будённый сожалел о нанесенном ударе нашему лучшему партийному работнику, б[ывшему] председателю правительства Украины. Но сожаления не в силах стереть последствия сделанного. Внутри корпуса, по общему впечатлению, не все ладно. Есть много трещин, которые придется замуравывать политотделу, дабы они не разошлись еще больше и не развалили бы славного, но беспорядочного корпуса»²³. С позиций отстаиваемой председателем РВСР дисциплины, Будённого следовало отдать под суд революционного военного трибунала. По мнению Орловского, «Командарм Будённый — почти центральная фигура строящейся Конармии, но фигура без претензий на глубину, историческое значение и по душе своей скромная до всякой степени. Все то, что относится к пределу, выходящему за скромность — все это идет не от него, а от других строящих вокруг него карьеру на так называемом “охаживании” и фимиаме. Если говорят, что власть портит людей — то это приложимо к т. Буденному в той мере, поскольку ему о его власти и талантах наговорят его меньшие соратники, принадлежащие к числу приятелей предштарма Погребова. Даже не верится как-то, что он мог ударить т. Пятакова, и теперь думается со значительной степенью уверенности, что в том более была виновата та обстановка, которая способна из Царя-человека сделать человека-зверя. Простой, мало что говорящий и более слушающий, идущий ко всем навстречу и, по-моему, слишком доверяющий его окружающим — вот, по-моему, основные черты его характера»²⁴. Как это не парадоксально, именно Троцкий оказался в числе тех, кто усиленно «курил фимиам» Будённому — правда, наверху большевистской иерархии, а не в армейских низах.

Определенные объяснения малопонятного, казалось бы, либерализма Троцкого содержатся далее: «Выдвижение нового, чисто советского командного состава, перевоспитание значительной части кадрового офицерства выдвигает вопрос о переходе к единоначалию в деле управления армией»²⁵. Этот тезис председателя РВСР намного опередил свое время. Ни один член бывшей военной оппозиции даже в конце 1919 г. не мог отнестись к нему с пониманием.

В 1922 г. в выступлении «Путь Красной армии» Троцкий прямо объяснил, почему он выделил из общей массы красных командиров именно Будённого: «Особое место в развитии Красной армии занимает создание конницы. Не вдаваясь в рассуждения насчет того, какова в будущем роль конницы вообще, можно констатировать, что в прошлом лучшую конницу имели отсталые страны: Россия, Польша, Венгрия, а еще раньше — Швеция. Конница требует степей, больших пространств. Она, естественно, создается на Кубани и на Дону, а не вокруг Петербурга и Москвы... Контрреволюция окопалась в отсталых окраинах и попыталась, нажимая оттуда, зажать нас в Московском центре. Важнейшим родом оружия у Деникина и Врангеля являлись казачество и конница вообще. Их смелые налеты и рейды нередко создавали у нас — в первое время — величайшие затруднения. Однако же это преимущество, захваченное контрреволюцией, — преимущество отсталости — оказалось доступно и революции, когда она поняла значение конницы в маневренной гражданской войне и поставила себе задачу создать конницу во что бы то ни стало. Лозунгом Красной армии в 1919 г. стало: “Пролетарий, на коня!” Уже через

несколько месяцев наша конница сравнялась с неприятельской, а затем окончательно захватила инициативу...»²⁶

В 1922 г. Троцкий сделал заявление, не вполне укладывавшееся в его тезисы трехлетней давности: «Создание революционного командного состава является труднейшей задачей. И если высший командный состав подобрался уже в течение первых 3—4 лет существования Красной армии, то в отношении низшего командного состава этого нельзя сказать еще в полном объеме и до сегодняшнего дня. Главные наши усилия сейчас направлены на то, чтобы обеспечить армию отделенными командирами, вполне отвечающими своей ответственной задаче. Военно-учебное дело может похвалиться крупнейшими успехами. Обучение и воспитание командного состава вполне улучшаются»²⁷.

В 1919 г. нарком в своем докладе наметил следующим пунктом «назвать сотрудников, работа коих имела большое значение» в организации Красной армии. Ими стали: военный руководитель Высшего военного совета, царский генерал М.Д. Бонч-Бруевич, подчинявшийся весной-летом 1918 г. непосредственно Ленину и находившийся в латентном конфликте с Троцким как председателем Высшего военного совета; Главнокомандующий всеми вооруженными силами Республики сомнительных талантов штаб-офицер И.И. Вацетис только с весны 1919 г. и до ареста в июле по делу о «заговоре в Полевом штабе» по-настоящему лояльный Троцкому; и сменивший Вацетиса С.С. Каменев, который по сути работал вместе с С.И. Гусевым, де факто подменившим самого Троцкого в Реввоенсовете Республики в июле-сентябре 1919 года²⁸. Четвертым, и самым слабым, звеном в наркомовском списке оказался Н.И. Раттэль — бывший офицер, действительно много сделавший для организации армии в ее центральном аппарате управления. Очевидно, целью персональных благодарностей было восстановление доброго имени Вацетиса, поскольку в октябре 1919 г., когда Троцкий набросал свои тезисы, бывший главком все еще занимался написанием мемуаров в заключении. Этот пункт утратил свою актуальность уже 7 ноября 1919 г., когда по амнистии Президиума ВЦИК ко второй годовщине Октября чекисты, наконец, выпустили Вацетиса. Для Троцкого тезис был не актом гуманизма, ему не свойственного, а восстановлением собственного авторитета и позиций во власти.

Взгляды Троцкого на геополитические вопросы также нашли отражение в тезисах с характеристикой отдельных фронтов: «Западный фронт: ворота в Европу. Восточно-Туркестанский фронт: ворота в Азию. Южный фронт. Вопрос об Украине». Завершал тезисы раздел «Постоянная армия и милиция». В соответствии с ним, новая армия должна была представлять собой «продуманную и тщательно проверенную милицию на основе кадров военного времени»²⁹. Завершали тезисы размышления о милитаризме, которые следует привести полностью, чтобы определиться со смыслом этого термина в понимании Троцкого: «Составные черты милитаризма — не только отрицательные, но и положительные», поскольку «есть в милитаризме драгоценные черты, знаменующие важнейшее завоевание человеческой культуры: точность в выражении мыслей и точность в исполнении, готовность к самоотвержению, т.е. к самопожертвованию во имя коллектива. Воспитание сознания личной ответственности. Эти положительные стороны военной системы и военного воспитания должны про-

никнуть весь наш хозяйственный строй: точность замысла, точность и краткость формулировки, точность исполнения, строгая личная ответственность, готовность в каждый момент отдать себя беспрекословно в интересах коллектива. Военная повинность есть с точки зрения советского строя только одна, самая яркая форма общественной повинности, которая наиболее общее свое выражение находит в трудовой повинности. Лозунг советского режима “Кто не трудится, тот не ест!” есть выражение той мысли, что каждый повинен обществу. Эта основная общая повинность выражается в труде. Проведение всеобщей трудовой повинности на деле есть наша задача. Использование для этого военного аппарата (учет, мобилизация) диктуется само собой»³⁰.

«Проект постановления [VII] Вс[ероссийского] съезда Советов по докладу о Красной армии» Троцкий, как водится, правил лично. Впрочем, ничего, за исключением констатации успехов³¹ и готовности Красной армии «*во всеоружии* (вписал лично председатель РВСР. — С.В.)... ударом отвечать на удар», а также славословия Красной армии, ее «красным солдатам, ее командирам и ее комиссарам», РСФСР и мировой революции, а также ставшего традиционным «повеления» всем центральным и местным учреждениям «социалистической республики направить все силы *и средства* (два последних слова вписал Троцкий по аналогии с постановлением ВЦИК от 2 сентября 1918 г. об объявлении массового красного террора и создании РВСР, в распоряжение которого передавались «все силы и средства» Советской Республики. — С.В.) на помощь *фронту* (написал Троцкий вместо первоначального «Красной армии». — С.В.) для полного и беспощадного сокрушения классового врага»³². Председатель РВСР не мог не добавить изящной фразы: «К великому усилию призывает [съезд] рабочих и крестьян Советской страны, которая по-прежнему остается крепостью мировой революции»³³.

За фасадом благополучия в организации пополнений и снабжения Красной армии (при том, что львиная доля заслуг во втором случае принадлежала ленинскому Совету рабочей и крестьянской обороны, созданному 30 ноября 1918 г.) скрывалось отсутствие серьезных изменений в партийной работе, то есть фактическое невыполнение основного решения VIII съезда РКП(б) по военному вопросу. Как и раньше, это было следствием тяжелого положения на фронтах и отсутствия достаточного числа идейных, а не примазавшихся партийцев, способных находиться на специфической военной работе. Времени, необходимого для исправления ситуации с партийными кадрами в армии (если брать более широко — в Советском государстве), практически не было. На первый взгляд, приравнивание Политуправления РККА в правах к отделу ЦК РКП(б) весной 1919 г. и постановка во главе его члена Центрального комитета частично снимали персональную ответственность с Троцкого. Но в действительности за все, как всегда, отвечал председатель РВСР. Тем более, что «коммунисты вчерашнего дня» (выражение Ворошилова) были готовы обвинить ненавистного им наркома даже в тех случаях, когда причины неудач заключались отнюдь не в его просчетах.

Было, впрочем, и одно существенное изменение: взгляды Троцкого по отдельным важнейшим вопросам военного строительства стал разделять погрузившийся в военно-политическую работу кандидат в члены Оргбюро ЦК РКП(б) И.Т. Смилга, некоторое время занимав-

ший ответственный пост руководителя Политуправления РККА. На декабрьском совещании политработников Красной армии 1919 г. он возражал против системы коллегиального управления и предлагал заменить военные советы должностями особых комиссаров с непосредственным подчинением им политотделов, особых отделов (находившихся на двойном подчинении у военного ведомства и ВЧК) и революционных военных трибуналов. Помимо этого Смилга считал возможным предоставление командирам права единоличного приказа и упразднение должностей комиссаров в тех управлениях и войсковых частях, во главе которых стояли надежные, испытанные люди ³⁴.

12 декабря на том же совещании Троцкий начал свою речь ссылкой на выступление Смилги: «Вопрос о единоличном управлении приобрел значение центрального пункта... Есть немало задач, которые для нас гораздо более неотложны и практически более важны, чем этот вопрос, который имеет, хотя и большое, но пока лишь принципиальное значение. Тов. Смилга первый поставил в печати вопрос о переходе к единоличному управлению. Этот вопрос в порядке непосредственного и делового обсуждения был поставлен в военном ведомстве в целях разрешения его в возможно короткий срок». Сам Троцкий отстаивал «тот принцип, чтобы во главе каждой части стоял командир», однако всячески подчеркивал: «в этом вопросе» нельзя делать «никакого скачка». Он признавал однако целесообразность передачи части постов по снабжению армии коммунистам, поскольку военные специалисты плохо исполняли свои обязанности. Прецедент уже был создан: Главное военно-санитарное управление возглавляли исключительно коммунисты, поскольку бывшие офицеры и военные чиновники превратили его в «самое... гнилое учреждение» ³⁵. Относительно Южного фронта — головной боли высшего руководства РККА с осени 1918 г. — Троцкий заявил о необходимости дальнейшей ликвидации партизанщины и продолжения формирования стойких частей Красной армии ³⁶. Первоначально на посту руководителя Политуправления РККА сменилось несколько членов ЦК. Текучка, очевидно, была связана с тем, что, попав на ответственный военный пост, любой твердый большевик очень быстро становился военным бюрократам ³⁷.

Как известно, дискуссия о коллегиальности и единоначалии в полном объеме развернулась на Девятом съезде РКП(б) в марте-апреле 1920 г., однако никакого единоначалия в армии тогда введено не было.

27 декабря 1921 г. Троцкий выступил на Девятом Всероссийском съезде Советов с докладом «Фронтов нет — опасность есть», основной тезис о командных кадрах которого являлся достаточным основанием для положительной оценки кадровой политики военного ведомства: 66,3% командного состава составляли категории «наиболее демократические, наиболее низовые» ³⁸. При этом оказалось, что бывшие унтер-офицеры, которые в 1919 г. считались опорой советской власти в армии, составляли всего 13%, при том, что красных командиров, прошедших советскую военную школу, насчитывалось еще меньше — около 10%. В результате сложилось такое положение, при котором 43,4% командного состава вообще не имело военного образования. Представители командования старой армии, на долю которых приходилось 33,7%, распределялись следующим образом: офицеры военного времени старой армии — 22,1%, военные чиновники —

6%, кадровые офицеры — 5,6%³⁹. Таким образом, если в 1918 г. высшее военное руководство рассматривало в качестве основы командных кадров Красной армии бывших офицеров и военных чиновников, в 1919 г. — унтер-офицеров старой армии, то к окончанию Гражданской войны костяк советских вооруженных сил составили люди, в лучшем случае закончившие командные курсы, в худшем — вовсе не имевшие военного образования. Значительный фрагмент своего выступления Троцкому, как и во времена Восьмого съезда РКП(б) 1919 г., пришлось уделить судьбе бывших офицеров, пользу которых председатель РВСР не уставал доказывать на партийных и советских форумах. В данном случае было важно отстоять оставшийся в армии крайне скромный процент кадровых военных, которые стали по сути не нужны после уверенных побед на фронтах Гражданской войны и, пусть унижительного, но все же мирного сосуществования с Польшей и стоявшими за ней странами-победительницами в первой мировой войне.

«Товарищи, я привел [категории командного состава] не для того, чтобы противопоставлять их друг другу. Я сказал, что ничего бы не сделала Красная армия, если бы не было в ней этой драгоценной закваски — неквалифицированных в военном смысле, но высококвалифицированных в боевом смысле рабочих и крестьянских красных офицеров, — сделал реверанс Троцкий. — Но та армия, которая... живет и готова бороться сегодня... в своем котле расплавила разный человеческий материал — путем приливов и отливов, путем трагических испытаний, даже отдельных и групповых измен и жестоких кар за эти измены, путем противопоставления Красной армии другим армиям и правды Красной армии — лжи других армий... Мы отобрали и закрепили командный состав из различных источников. Но это теперь в массе своей *единый* командный состав (главная фраза в разделе выступления, посвященного командному составу РККА. — С.В.). Эти 5,6% старого кадрового офицерства занимают свое место в общем строении нашей армии, и они нам нужны. И они понимают и знают, что мы их ценим. И они сами многому научились»⁴⁰.

Для иллюстрации этого тезиса, который перестал быть сомнительным для военных партийцев, Троцкий привел цитату из книги бывшего военного министра Временного правительства А.И. Верховского, служившего в Главном управлении военно-учебных заведений: «Наиболее серьезным движущим мотивом в борьбе, нами пережитой, было стремление рабочих и крестьян отстоять свою жизнь и достаток, а также достигнутое во время революции положение и захваченную землю от покушений старых свергнутых классов. Это основание, которое вело на борьбу массы. Лучшие, передовые, наиболее идеалистически настроенные люди шли во имя идеи в борьбе за социализм, за новый мир освобожденного труда, и энтузиазм этих людей был организующей силой, вокруг которой сплотилось все сопротивление... силам контрреволюции. Это создало ту волю к победе, которая сковала Красную армию, и, несмотря на страшно тяжелые лишения, несмотря на поражения, завершило борьбу крупной исторической победой»⁴¹. Троцкий пояснил: «Может быть, из нас многие сказали бы это другими словами, сказали бы это иначе, но ясно, что здесь устами или пером Верховского говорит, можно сказать с уверенностью, почти весь наш старый командный состав,

который растворился в армии и составляет ее необходимую составную (так в тексте. — С.В.) часть»⁴².

Социальное положение командных кадров Красной армии, с большевистской точки зрения, выглядело не особо привлекательно: крестьяне — 67,3%, рабочие — 12%, прочие — около 20%⁴³. Троцкий предпочел сложить первые две категории, получив 79,3%, вместо выделения из общей массы беднейшего крестьянства, которое ленинцы считали вместе с рабочими, среднего, на временный военно-политический союз с которым РКП(б) взяла курс в марте 1919 г., и кулачества как одного из врагов советской власти. Сам Троцкий, да и делегаты съезда, прекрасно понимали, какая социально-политическая реальность скрывалась за статистическими данными.

В довершение всего, коммунистическая прослойка, хоть она и расширилась, оставалась немногочисленной — 10% по всей Красной армии, что было следствием не только сравнительно небольшого увеличения числа коммунистов, но и партийных чисток, в том числе в армии, развернутых после подавления Кронштадтского мятежа в 1921 году. Вот тут председателю РВСР пригодился его ораторский талант: «...партия вовсе не является вместилищем всего военного, технического, хозяйственного, производственного и торгового опыта трудящихся масс. Партия как партия доверием трудящихся создает политическое руководство. Но где дело касается командования, там коммунисты-командиры рука об руку с беспартийными командирами делают одно и то же дело. Партии вверена трудящимися массами революционная монополия руководства нашим государством среди рифов и отмелей труднейшей обстановки. Но партия вовсе не претендует, не может и не хочет претендовать на монополию военного, технического, научного и всякого другого руководства. Этот вопрос для нас тем важнее, — я его открыто поднимаю здесь, — что партия, которая есть добровольный союз единомышленников, в течение последних месяцев устранила большое число лиц командного состава»⁴⁴. Сразу оговорив, что речь не шла об исключенных из рядов РКП(б) за «поступки, не совместимые с гражданской честью», Троцкий с трибуны съезда доказывал, что остальные исключенные как «честные воины», которые «по своей психологии, по своему воспитанию и по своим навыкам мысли» не подошли к жизни «партийного коллектива», тем не менее, достойны уважения — наряду с остальными партийными и беспартийными кадрами РККА⁴⁵.

После Восьмого съезда РКП(б) 1919 г. Троцкий внес серьезные коррективы в кадровую политику Наркомата по военным делам, однако сразу переориентироваться на свои, пролетарские, командные кадры было невозможно — их для начала требовалось подготовить. Курс на формирование красного командного состава был взят, однако военные специалисты перестали играть сколько-нибудь значительную роль в Красной армии только после окончания Гражданской войны на территории европейской части России. Результат — политика лавирования наркома по военным делам, его более чем осторожные заявления на партийных и советских форумах. Военные партийцы представляли собой серьезную внутривнутриполитическую силу, с которой приходилось считаться могущественному «вождю Красной армии».

Примечания

1. Достаточно полную историографию вопроса см.: МОЛОДЦЫГИН М.А. Красная армия. М. 1997, с. 162—163.
2. СОРИН В. Командиры и комиссары в действующей армии. — Правда. 29.XI. 1919.
3. Восьмая конференция РКП(б). Декабрь 1919 г. М. 1934, с. 244— 245.
4. Там же, с. 16.
5. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 325, оп. 1, д. 50, л. 29—31.
6. ТРОЦКИЙ Л.Д. Петроград обороняется и внутри. ТРОЦКИЙ Л.Д. Как вооружалась революция. Т. 2. М. 1923, кн. 1, с. 383; СОЛОМОН Г. Среди красных вождей. М. 1995, с. 153 и далее.
7. РГАСПИ, ф. 325, оп. 1, д. 50, л. 156.
8. Там же, л. 141—142.
9. ТРИФОНОВ В.А. Фронт и тыл. — Правда. 5, 8, 15, 19.VI.1919.
10. РГАСПИ, ф. 325, оп. 1, д. 50, л. 109.
11. Там же, л. 30.
12. Там же, л. 28.
13. Машинописный текст доклада см.: Там же, с. 34—39. В деле отложился и черновик — автограф Х.Г. Раковского. См.: Там же, л. 40—58.
14. Там же, л. 35.
15. Там же, л. 34—35.
16. Гражданская война в СССР. Т. 2. М. 1986, с. 152. Авторы монографии ссылаются на труд Ю.А. Петрова 1968 г. о строительстве политорганов, партийных и комсомольских организаций армии и флота.
17. РГАСПИ, ф. 325, оп. 1, д. 50, л. 79.
18. Центральный государственный архив города Москвы, ф. П-3, оп. 1, д. 117.
19. РГАСПИ, ф. 325, оп. 1, д. 50, л. 84, 93.
20. См. подробно: Там же, л. 159—160.
21. Там же, л. 87.
22. РГАСПИ, ф. 325, оп. 1, д. 50, л. 9.
23. Там же, ф. 74, оп. 2, д. 149, л. 29—29об.
24. Там же, д. 150, л. 33об.—35.
25. Там же, ф. 325, оп. 1, д. 50, л. 11.
26. ТРОЦКИЙ Л.Д. Ук. соч., т. 1, кн. 1, с. 20.
27. Там же, с. 19.
28. РГАСПИ, ф. 325, оп. 1, д. 50, л. 10.
29. Там же, л. 12—13.
30. Там же, л. 14.
31. Там же, л. 173.
32. Там же, л. 174.
33. Там же.
34. Примечания. В кн.: ТРОЦКИЙ Л.Д. Ук. соч., т. 2, кн. 1, с. 453.
35. Там же, с. 76—77.
36. Там же, с. 79.
37. Так окрестил в 1921 г. И.Т. Смилгу старый большевик Д.Б. Рязанов. См.: Десятый съезд РКП(б) : Март 1921 г. Стенографический отчет. М. 1963, с. 296.
38. РГАСПИ, ф. 325, оп. 1, д. 72, л. 22.
39. Там же, л. 22.
40. Там же, л. 23.
41. Цит. по: Там же, л. 23—24.
42. Там же, л. 24.
43. Там же.
44. Там же, л. 25.
45. Там же.

Помещения судебных учреждений Западной Сибири в XIX — начале XX в.

Е.А. Крестьянников

Имущественное благополучие органа власти создает условия для его функционирования и определяет эффективность деятельности. Правильное и необходимое исчисление материальных ресурсов делает возможным обеспечить результативность работы государственного учреждения, недостаточное — ставит вопрос о его способности решать поставленные государством задачи. Обстановка деятельности юстиции характеризует положение судебной власти в государстве и обществе, а также развитость судебного дела в целом.

Между тем, пространственная среда обитания человека занимает немаловажное место в структуре повседневности, позволяя за этой, казалось бы, частностью, рассмотреть общее. «Первое дело — обрисовать внешний облик домов; второе — то, как выглядят они изнутри. Никто не сможет сказать, будто вторая задача проще первой. В самом деле, заново возникают все проблемы классификации, интерпретации, общей картины в масштабах всего мира. И на сей раз увидеть то, что сохраняется, то, что медленно изменяется, означает наметить основные черты картины», — писал Ф. Бродель¹. Вмещает ли судебное здание всех заинтересованных в решении дела, как выглядит оно снаружи и внутри — все имеет значение.

Приниженное положение дореформенного, до 1864 г., суда не оставляло ему шансов на приоритетное денежное снабжение. Правосудию тогда еще не требовались достойные наружность и интерьер: отсутствие публики и сторон позволяло судам ютиться в небольших помещениях и делало ненужной заботу об их благоустройстве. Неудивительно, что в Российской империи начала XIX в., даже по официальному мнению, «суммы, ассигнуемые на содержание судебных мест, а в особенности уголовных и гражданских палат, были совершенно недостаточны и настоятельно требовалось их увеличение»².

Крестьянников Евгений Адольфович — доктор исторических наук, профессор Тюменского государственного университета.

Когда в 1819 г. в Тобольск приехал новый сибирский генерал-губернатор — «великий реформатор» М.М. Сперанский — начались ревизии имущественной части государственных учреждений. Помещения судов и полиции, исполнявшей тогда судебные обязанности, в губернской столице оказались холодными, сырыми, там гулял ветер, в одном из них обвалилась печь, в другом таковая истрескалась. Эти обиталища никак не соответствовали своему назначению. Чиновники губернского правления во главе с гражданским губернатором А.С. Осиповым на заседании 20 декабря 1822 г. заключили, что Тобольский нижний земский суд располагался в «безобразных и все неудобства представляющих комнатах», а уездный суд, теснясь в «небольших антресольных комнатах дома генерал-губернаторского», работал «в грязи, в запачканных стенах, в чаду и сырости», в общем, там, где «всякий видел унижения места правосудия». Для последнего судебного места предписывалось подыскать дом, первую организацию — переместить «в один из двух флигелей, купленных казной у г. Бабановского»³. Тогда же в Омске один из ревизоров обнаружил, что местный земский суд, «помещаясь в наемной квартире», «содержался в нечистоте». Объяснения сотрудников учреждения, пожалуй, отражали общую ситуацию: «В полиции всегдашней чистоты наблюдать никак нельзя, поелику... большого количества служителей же нет»⁴.

Как замечает современный историк Р.Г. Саражина, в конце 1820-х гг. во всех окружных городах Западной Сибири (округа — после 1822 г. сибирский аналог российских уездов), за исключением Кургана, присутственные места располагались в арендованных домах обывателей, что приводило к дополнительным расходам. В 1827 г. сенаторы-ревизоры Б.А. Куракин и В.К. Безродный, изучавшие состояние сибирского края, отмечали: «Сколь не выгодны частные дома в расположении своем для присутственных мест, столь же обременительны и для казны: ибо она, платя деньги за наем домов, лишается безвозвратно денег»⁵.

Но условия работы не всегда зависели от возможностей финансирования, иногда ухудшаясь из-за неряшливости и нерадивости сотрудников. В 1830 г. во время проведения ревизии генерал-губернатор Западной Сибири И.А. Вельяминов посетил Томский городской суд. Он обнаружил там «нечистоту, в каморах канцелярией занимаемых»; стол, за которым происходило действие правосудия, был «покрыт каким-то изодранным куском, похожим более на тряпицу, нежели на сукно, и уже давно потерявшим принадлежавший ему цвет»⁶.

После реализации Сперанским в 1822 г. управленческой реформы в Сибири главными судебными учреждениями стали губернские суды. Томский губернский суд с 1842 г. размещался вместе с прокуратурой в комнатах нового здания губернских присутственных мест⁷. В 1881 г., когда потребовалось сделать ремонт судебных помещений, архитектором А. Алексеевым предписывалось произвести следующие работы: «Перестлать полы с добавлением $\frac{2}{3}$ новых досок», «окрасить полы охрой на масле», «все оконные летние и зимние переплеты с рамами и подоконными досками окрасить белыми на масле и прирезать вместо нижних задвижек закладные крючки», «починить малой починкой три голландские печи», «оклеить новыми обоями», «во всех помещениях обелить потолки и стены»⁸.

Судебная реформа 1864 г. коренным образом изменила задачи юстиции, повысила ее значение, превратив в независимую ветвь власти, установила принципы состязательности и гласности судопроизводства, а, следовательно, вызвала нужду в специальных, приспособленных под усовершенствованное правосудие помещениях: «суд скорый, правый, милостивый и равный для всех подданных» не допускал тесноты и неопрятности, повышал инициативный потенциал судебных деятелей, которых теперь очень заботило состояние храмов Фемиды. Недаром, одним из насущных вопросов, решавшихся тогда, стало «приискание удобных и приличных помещений для новых судебных учреждений»⁹.

В Сибири аналогичная задача была поставлена во время судебного преобразования 1885 г., введившего некоторые принципы Судебных уставов Александра II и, в силу этого, допустившего в судебный процесс обвинение и защиту, а в заседания судов — публику¹⁰. Для правосудия потребовались дополнительные квадратные метры, которые где-то нашлись. Так, в 1887 г. Ишимский окружной суд, как следует из журнала заседаний заведения, нанял для себя помещение «более пространное и с большим числом комнат»¹¹.

Еще больше в расширении нуждались губернские суды, особенно после осуществления закона от 17 ноября 1886 г., позволявшего дробить эти учреждения правосудия на отделения¹². Томский губернский суд сразу переехал в арендованный у купца И.Г. Чистякова дом («деревянное двухэтажное здание с высокими, просторными и веселыми комнатами прекрасно устроено: обилие воздуха и света, большой зал судебных заседаний, где свободно может поместиться до 75 человек публики, не оставляет желать ничего лучшего»), в те «неприхотливые» времена, казавшийся отличным местом¹³.

Тобольский же губернский суд, как и прежде, размещался в бывших генерал-губернаторских конюшнях. Долгое время этому зданию не уделялось должного внимания, и оно ветшало. Председатель Тобольского губернского суда З.Н. Герашеневский, мотивируя желание расширить и отремонтировать судебное здание, писал тобольскому губернатору В.А. Тройницкому: «Тобольский губернский суд, помещаясь в каменном одноэтажном флигеле, находящемся в ведении Министерства внутренних дел, по недостатку и неудобному расположению комнат, не соответствует требованиям этого учреждения. Помещение это переделано из бывших при генерал-губернаторском доме конюшен, почему и устроено в длинную линию; есть комнаты проходные. Зало публичных заседаний одно, с маленькой в одно окно, душною комнатой для совещаний. Между тем суд, состоя из двух отделений, не может в одно и то же время открывать заседания по двум отделениям его за неимением другого зала и комнаты для совещаний, вследствие чего приходится выжидать окончания заседания по одному отделению, или откладывать заседание до другого дня, чтобы уступить зало другому отделению. Отсюда, как последствие этих неудобств неизбежных, является потеря времени, необходимого для правильного и успешного разрешения дел. Кроме того, внутренняя и наружная части здания, а также печи и полы пришли в ветхость и требуют капитального ремонта».

Обследовали обиталище правосудия и местные специалисты-архитекторы. В акте освидетельствования его состояния от 15 мая 1891 г.

они заключили: «Помещение суда недостаточно для одновременного назначения заседаний суда по двум его отделениям, вследствие чего, является масса неудобств; со стороны входных дверей (главных) — помещение холодно вследствие отсутствия правильно устроенных сеней, помещенных ныне в пришедшей в ветхость пристройке — деревянной, небезопасной поэтому в пожарном отношении; полы во всех помещениях истерлись и местами прогнили; из образовавшихся щелей между подоконниками и каменной кладкой стен замечается движение наружного воздуха во внутри помещений, вследствие чего таковые в зимнее время скоро охлаждаются; краска окон, дверей и штукатурка сильно растрескались и местами отвалились, что совместно с истертыми и прогнившими, местами, полами, придает помещению грязный вид; четыре двери и три печи пришли в ветхость; пристройка, вмещающая ретирад, пришла в ветхость и будучи деревянной — небезопасна в пожарном отношении; кроме того, месторасположение ретирада, как в самом конце здания — неудобно. С наружной стороны здание также пришло в ветхость: штукатурка стен, а особенно в нижней части таковых, потрескалась и местами отвалилась; карниз, состоящий из штукатурного намета по прибитой дроби, потрескался, и намет местами отвалился; таковой порче штукатурки содействует, главным образом, отсутствие надежных желобов крыши, так как вода, не имея определенного стока, стекает по всей длине карниза и, попадая от действия ветра на стены, разрушает штукатурку и самый карниз, который и так, состоя из алебастрового намета, дурно сопротивляется действию сырости; железная крыша пришла в ветхость и, особенно у свеса — так, что местами протекает вода; цоколь в нижней части местами разрушился, так, что соответствующая верхняя часть находится на весу»¹⁴.

На моральное несоответствие здания Тобольского губернского суда престижу правосудия указывал член этого суда Н.П. Геллертов: «Узкое, одноэтажное, кажущееся особенно придавленным от громадного трехэтажного рядом стоящего дома губернских присутствий». Посетителей там встречали «захватанные, заплеванные двери», «грязный пол», «грязные с паутиной стены, убогая мебель, убогие канцелярские принадлежности, окурки и плевки на полу и атмосфера, насыщенная табаком и еще каким-то особым кислым газом». Кабинет председателя представлял собой комнату, «через которую неизбежно беспрерывно проходили сторожа, секретари, столоначальники и писцы». Чиновник констатировал: «Состояние помещения, которое я в силах был описать, дает неутешительную картину, оскорбляющую человеческое достоинство и достоинство понятия храма правосудия. Дальнейшее квартирование в этом помещении, правда, бесплатное, по-моему, совершенно невозможно, если только не будет произведен ремонт в самом непродолжительном времени»¹⁵. В 1894 г. деньги на починку и достройку этих «стойл правосудия» нашлись (обошлось все в 9800 руб.)¹⁶, но, как видно из планировки этого здания накануне и после окончания строительных работ, «метраж правосудия» увеличился ненамного.

Другие судебные места Тобольской губернии находились в самых разных условиях. Например, П.М. Бутовскому (позже сенатор, товарищ министра юстиции, проводил ревизию судебных учреждений Западной Сибири в 1892 г.¹⁷) после посещения Туринского ок-

ружного суда пришлось констатировать: «Помещение суда состоит из двух комнат и очень неудовлетворительно. Нет даже особой совещательной комнаты для судей, а комната присутствия так мала, что в ней едва умещается стол и три кресла». А вот Ишимский окружной суд находился в наемном двухэтажном доме и имел «обстановку вполне приличную»¹⁸ (скорее, последнее было исключением из правил). В данном случае это неудивительно: суд работал в доме купца В.К. Постникова, за который велась нешуточная борьба государственных учреждений, и хотя ишимскому суду Омской контрольной палатой отказывалось в просьбах о финансировании отопления и освещения помещения и ему предлагались другие здания, он отстоял свое право на расположение в дорогостоящем здании (850 руб. в год вместо прежнего — за 400 рублей)¹⁹.

Судебная реформа 1864 г., предъявляя высокие требования к судьям, большое внимание уделила их материальному благополучию. Министр юстиции Д.Н. Замятин по этому поводу говорил: «Если по каким-либо соображениям признанно будет необходимым уменьшить оклады и отменить проектированные прибавки, то лучше отказаться от судебной реформы»²⁰. Аргумент о высокой стоимости судебной реформы как о препятствии к ее осуществлению выдвигался противниками Судебных уставов еще в начале 1860-х годов. Тогда этот довод решительно отвергался. «Недостаток денежных средств, коими может располагать правительство, независимо от общих экономических условий, — утверждали чиновники, разрабатывавшие уставы, — происходит в особенности от несовершенства основных органов управления правосудия, составляющего главную причину упадка кредита и промышленности. Деньги без кредита не составляют капитала производительного, а кредита не может быть при беспорядке в судебном ведомстве и потому, если действительно нет денег, то усовершенствования судоустройства не только полезны, но необходимы, и сама недостача денег составляет не возражение против усовершенствований в судебном ведомстве, а доказательство их необходимости»²¹. Хотя в обществе пореформенной России имелось и иное мнение, правда, не очень распространенное. «Новый суд не по деньгам казне, не по деньгам народу», — писал, например, «железнодорожный магнат» П.Г. фон Дервиз²².

В 1897 г. Сибирь наконец-то получила Судебные уставы, некоторые отступления от положений которых, ретроградные по смыслу и не принятые передовой общественностью той поры, диктовались открытым стремлением правительственных чиновников наименее обременить казну расходами и нежеланием нести затраты на благоустройство сибирского края. Мысль о том, что «один Невский проспект в пять раз ценнее всей Сибири»²³, являлась составной частью имперского общественного сознания и потому, как отмечал сибирский судебный деятель Р.Л. Вейсман, Временные правила установили в крае «правосудие на дешевых началах»²⁴. «Суд дешевый — синоним суда плохого», — сказал в одной из своих многочисленных речей тогдашний министр юстиции Н.В. Муравьев²⁵. В Сибири, куда он съездил, ему докладывали о дороговизне местной жизни и он, «высказав внимание и к материальному положению господ чиновников», обещал вновь назначенным судьям «прийти на помощь по этому случаю»²⁶.

Раньше, во время подготовки судебной реформы, он об этом не задумывался, утверждая в Государственном совете, что низкая стоимость реформы — одно из главных ее достоинств²⁷. По подсчету министра, «сибирский судебный округ» должен был обходиться государству дешевле любого другого более чем на четверть²⁸.

В целом, преобразование подразумевало, что фискальный интерес приоритетен над какими-либо иными. Установление судебных учреждений в заведомо малом количестве и составе, совмещение в их руках разнообразных функций, максимальная бережливость при расходовании денег на обеспечение режима работы — вот способы, которыми достигалась экономия государственных средств, они же стали главными источниками дефектов реформированного правосудия. Новый суд унаследовал от дореформенного пороки, не позволявшие ему в полной мере реализовать властный потенциал, а его обстановка не очень соответствовала задачам «нового» суда.

Восхищение по поводу судебного здания в Томске сменилось возмущением, так как «нужды» юстиции значительно преумножались. Теперь бывшее помещение не удовлетворяло: «Ныне занимаемое судом помещение в доме Чистякова по тесноте своей представляет крайние неудобства и для самого суда, и для имеющих до него дело. В нем нет особой приемной комнаты, где бы дежурный член суда мог принимать прошения и обращающихся за справками; корпорация поверенных также не имеет в помещении суда никакого уголка, где бы они могли переговаривать с обращающимся к ним за советами. Просители, стороны, свидетели — все толкуются в узеньком и коротеньком коридоре — передней нижнего помещения суда...»²⁹.

Явно недостаточными являлись суммы, выделявшиеся на покрытие канцелярских расходов судебных чиновников, и некоторые мировые судьи считали главным препятствием своей деятельности «крайне недостаточный размер канцелярских средств»³⁰. У судей зачастую отсутствовали средства на наем камер, сторожей, письмоводителей, оплату освещения и отопления судебных помещений, покупку самых необходимых для работы вещей — сейфов, мебели, на что они тратили свои собственные деньги, живя в долг.

В 1908 г. мировые судьи Томска решили создать специальную комиссию для определения размера сумм, необходимых для нормального обеспечения их жизни и деятельности. Они собрали сведения о ценах в губернском городе и оказалось, что на содержание камеры с канцелярией фактически тратилось 2800 руб. в год, тогда как на эти нужды казна отпускала лишь 1200 рублей. Поэтому мировые судьи нанимали под камеры тесные, неблагоустроенные, холодные в зимнее время помещения, из-за чего часто болели, а в качестве служебного персонала использовали случайных и неблагонадежных людей³¹.

С проведением судебной реформы 1897 г. суд приближался к населению, которое устремилось в новые учреждения, а правосудие потребовало дополнительных квадратных метров, пристойных экстерьера и интерьера. Найти их оказалось делом непростым: так, курганский окружной исправник в августе 1897 г. доносил тобольскому губернатору, что, хотя для четырех из пяти мировых судей округа «могут быть найдены помещения», но они «мало соответствующие сказанному назначению»³².

Плохо было и мировым судьям, которые, порой, трудились в невыносимых условиях. Стране стало об этом известно из статьи хорошо знакомого с Сибирью чиновника М. Войтенкова³³ в популярной столичной газете «Право»: «Мировые судьи принуждены зачастую ютиться в ужасных избах при убогой обстановке. Камеры мировых судей представляют из себя такое же убожество и решительно не соответствуют своему назначению. Убожество камер, ютящихся в отвратительных избах, объясняется еще и тем, что на устройство камер были отпущены в каждом участке весьма скудные средства, и лишь один раз — при проведении реформы в Сибири. С течением же времени камерное имущество, и без того незавидное, переходя от одного судьи к другому, пришло в ветхость и совершенную негодность, благодаря чему во многих камерах нет скамей для публики, нет даже стола и стула для судьи, нет такой роскоши, как сукно для стола, а если имеется, то представляет из себя в большинстве случаев удивительно грязные лохмотья. О таких же неперемных принадлежностях, как свидетельская комната, помещение для архива или хранения вещественных доказательств, и говорить не приходится, ибо таковых нигде нет»³⁴.

Томскому адвокату В.Н. Анучину посчастливилось побывать на Кавказе, по подобию мировой юстиции которого был устроен сибирский суд, и сравнить их имущественную часть. Увиденная им камера в Гудауте удивила его простором и убранством: с «поместительной прихожей», пятью «просторными, светлыми комнатами с высокими потолками и дверями, большими окнами». Объяснение сибиряк нашел в разной финансовой политике, применявшейся в различные периоды в отношении отдельных регионов империи, в том, что на содержание правосудия на южных рубежах Европейской России средств «отпускалось достаточно», на материальное обеспечение сибирских судов, напротив, денег не доставало³⁵.

К открытию 2 июля 1897 г. новых судебных учреждений Сибири (это, собственно, и была реализация судебной реформы 1864 г.) Тобольский окружной суд въезжал в недавно отремонтированные и роскошно декорированные стойла³⁶. Теперь дом, где ущемлялось всякое достоинство, совершенно не удовлетворял судебским нуждам, и в дальнейшем ставился вопрос о строительстве нового здания, однако, ассигнования на это не выделялись. Отчаявшись, председатель Тобольского окружного суда П.Е. Маковецкий в 1907 г. писал председателю Омской судебной палаты: «Необходимо построить новое здание суда и давно уже пора бросить бывшие генерал-губернаторские конюшни»³⁷.

Между тем, новые судебные правила обязали окружные суды устраивать выездные заседания в городах губернии. Таких сессий Тобольский окружной суд проводил на рубеже XIX—XX вв. от 19 до 28 ежегодно³⁸. Там, куда он заезжал, естественно, отсутствовали специальные здания. Вейсман указывал, что для окружных судов Западной Сибири годились старые школы, казармы, клубы³⁹. Например, в Тюмени зимой 1900 г. в качестве временного пристанища Тобольского окружного суда использовалось мужское фойе в театре Текутьева⁴⁰, хотя уже было запланировано перестроить под нужды суда часть тюменского гостиного двора⁴¹. В Ишиме окружной суд размещался то в помещениях городского общественного управления, то общественного собрания, разделяя их с временным отделением

Государственного банка. В 1901 г. по ультимативному требованию этого финансового учреждения Ишимская городская дума прогнала суд из занимаемых им в течение нескольких лет помещений, поставив его «в безвыходное положение». Примечательно: главным поводом выселения правосудия в Ишиме послужило то, что заезжая на время сессий, окружной суд вынуждал банковское заведение освободить помещение, и это было «сопряжено с большими стеснениями и ущербом от переноса мебели банка»⁴². В 1900 г. в Бийске Томскому окружному суду не удалось провести заседания выездной сессии в помещении местного общественного собрания, которое оказалось задействованным для празднования масленицы⁴³.

Зачастую атмосфера, царившая в залах заседаний судов, была далеко не подходящей для служения Фемиде. «Во время процесса, — наблюдал Вейсман, — не раз приходилось слышать хлопанье пробок, стуки киев, пьяные голоса посетителей»⁴⁴. Иногда такое положение вызывало возмущение судебных деятелей. Однажды прокурор томского окружного суда категорически отказался от проведения судебных заседаний «в те дни, когда устраиваются обыкновенные клубные вечера»⁴⁵.

Иногда западносибирские окружные суды делили пространство с библиотеками. Тем самым судьба как бы подчеркивала единство назначения храмов правосудия и храмов знаний: оно состояло в их просветительской миссии. Борьба с невежеством народа, формирование у него должного правосознания — такова задача, которую поставила перед новой юстицией судебная реформа 1864 года. Правда, обозначенное соседство не всегда было взаимно комфортным. В том же Ишиме суд, вытесняя банк со второго этажа здания на первый, где находилась городская библиотека, вынуждал ту закрываться на период судебной сессии⁴⁶.

Пожалуй, первым признаком повышения значения правосудия стало строительство специально предназначенного для судебных нужд дома. В воскресенье 5 мая 1902 г. произошла торжественная закладка необходимого региону здания Томского окружного суда в присутствии губернатора, князя С.А. Вяземского, старшего председателя Омской судебной палаты А.А. Кобылина, городского головы А.П. Карнакова, председателя местного окружного суда А.В. Витте и многочисленных судебных чиновников⁴⁷. Городская пресса анонсировала это важное событие и освещала мероприятие, которое завершилось праздничным завтраком⁴⁸. Возводилось сооружение в главном губернском городе на месте, принадлежавшем торговому дому «Евграф Кухтерин и сыновья», на его же деньги. 31 августа 1904 г. Томский окружной суд переехал в новое помещение, в котором трудился до 1916 г. на правах аренды, пока Министерство юстиции не выкупило здание за 235 тыс. рублей⁴⁹.

Здание строилось под наблюдением архитектора К.К. Лыгина и имело, как тогда представлялось, все необходимое для отправления правосудия и даже несколько больше. Так, предусматривалось помещение специально для присяжных заседателей⁵⁰, хотя в Сибири суд присяжных еще отсутствовал (учрежден в Тобольской и Томской губерниях в 1909 году). По описанию «Сибирской жизни», окружной суд разместился «в прекрасной архитектуры каменном доме» с электрическим освещением и паровым отоплением, «прекрасным светлым

залом» заседаний в форме амфитеатра на 250 чел., комнатами архива и т.д.⁵¹ Символично для «нового» суда, что владелец здания А.Е. Кухтерин в 1907 г. был в нем же и осужден⁵². Однако уже вскоре после постройки обнаружился недостаток квадратных метров, отведенных под правосудие, и эксперты Министерства юстиции признали суд «слишком тесным»⁵³.

В Тобольской губернии не было и такого сооружения, а правосудие настоятельно требовало расширения своего пространства: ведь на границе первого и второго десятилетий ХХ в. появлялся суд присяжных. Примерно тогда же были установлены правила обустройства судебных помещений в Российской империи⁵⁴. 4 июля 1913 г. представители строительного отделения губернского управления во главе с П.Е. Маковецким во время ремонта произвели экспертизу состояния «дома Корниловой» (сибирякам больше известен как «дом Корнилова»⁵⁵), где после отъезда из генерал-губернаторских конюшен пришлось разместиться Тобольскому окружному суду.

Результаты осмотра оказались неутешительными: «При производстве в доме внутреннего ремонта в комнате... обнаружена во всю толщину капитальной стены первого этажа сквозная трещина от половины высоты комнаты к полу. Известковый раствор, вынутый из этой расщелины, оказался прочным и хорошо схватившимся, так что к нему пристали частицы кирпича, причем кирпичи в кладке шатаются и многие можно вынимать руками. В подвальном этаже в той же стене... обнаружены также значительные трещины по перемычкам и в местах сопряжения этой капитальной стены. Упомянутая трещина совершенно недавнего происхождения и в изломе еще не покрыта пылью и грязью. Около этой трещины в углу находится водопроводный кран без раковины, пол под краном сгнил. В комнате под большим залом заседаний... в двух местах обнаружено отставание штукатурки; в остальных местах штукатурка прочна и трещины при ремонте расчищены и расшиты надлежащим образом. Остальные трещины в кабинете председателя, вестибюле и т.д. происхождения давнего, наблюдались еще при осмотре дома для занятия его окружным судом и с тех пор не увеличились. Снаружи по всему периметру здания, за исключением новейшей пристройки с восточной стороны здания..., оштукатурка цоколя обвалилась в нижней своей части, кирпичная облицовка под ней также отделилась на толщину местами до одного кирпича и под ней обнаружен совершенно изопревший кирпич фундамента. Грунтовые воды стоят в нынешнем году небывало высоко и в подвале сырость и плесень. По обоим уличным фасадам обнаружены вертикальные трещины от окон подвала до подоконников первого этажа и местами выше по перемычкам».

Строители тогда заключили: «Ввиду того, что внутренняя капитальная стена находится под залом заседаний, и пол его опирается на эту разрушающуюся стену, полагали бы более осторожным ограничить число посетителей в зале судебных заседаний девятью человеками на квадратную сажень, т.е. 16х9 — не более 150 человек, считая в этом числе состав суда, присяжных, свидетелей и публику...»⁵⁶. Такой простор оставляли правосудию стены «дома Корниловой», ровно настолько в нем получалось реализовать один из либеральных принципов судопроизводства — гласность судебных заседаний.

Вместе с тем, наступала эра «электрического» правосудия. В начале 1915 г. по просьбе Маковецкого, радевшего о состоянии помещения окружного суда, комиссия в составе инженеров и электриков участвовала в «приемке вновь оборудованного в помещении окружного суда электрического освещения», «с целью выяснения прочности, соответствия с техническими требованиями и безопасности» его в пожарном отношении. 10 января был составлен акт обследования, выявившего значительные недостатки в электрооборудовании: «При осмотре оказалось: 1). Ввод в здание проложен шнуром, а не проводником на роликах или в трубках; 2). Отводы от главных магистралей расположены один против другого, должны быть в разных местах, т.е. между местами спаек должен быть ролик; 3). Отводы от магистралей не везде пропаяны; 4). Концы шнуров в патронах и выключателях во многих местах не пропаяны, все концы необходимо пропаять; 5). Шнуры к блочным приборам в некоторых местах не цельные, а паяные, сами приборы без предохранителей, необходимо в розетке блочного прибора поставить предохранители; 6). Шнуры над окнами проведены близко к карнизным крючьям, а в некоторых местах лежат на них и не снабжены трубками, необходимо шнуры удалить от крючьев, во избежание прижимания их к стенам при навеске карнизов, или одеть в бергамановские трубки в металлической оболочке; 7). Спуски из одного этажа в другой проложены в одной трубке, должны быть не шнурованные, а из перевода и в двух; 8). Вся установка электрического освещения здания распределена на группы неравномерно, так в некоторых группах до 38 ламп, в других же только 13—15 при одинаковом количестве свеч в лампах; 9). Люстры от железных потолочных крючьев не изолированы, при скрошении проводов нет трубок, при входе в трубки нет около втулок роликов, на роликах шнуры не перевязаны и т.п. мелкие дефекты. Все замечания неправильности установки противоречат циркулярному распоряжению Министерства внутренних дел от 4 июля 1904 г. за № 925 и, кроме того, создают большие неудобства в пользовании электрическим освещением»⁵⁷.

Таким образом, ко всему прочему, правосудие имело все шансы оказаться на пепелище. Неразрешенность проблем пожарной безопасности не раз бросала региональную Фемиду в огонь: осенью 1812 г. пылала Москва, а в далекой Сибири — Тарский уездный суд; в 1887 г. пожар «истребил дела Березовского окружного суда»⁵⁸, «2 мая 1917 г. от возникшего в г. Барнауле пожара сгорело помещение окружного суда со всеми находящимися в этом помещении делами окружного суда и камеры прокурора»⁵⁹ и т.д.

«Далеко не соответствующим своему назначению» признавалось здание Тобольского окружного суда экспертами Министерства юстиции, которые считали «весьма желательным» заново возвести храм правосудия⁶⁰. Предполагалось, что средства на его сооружение будут заложены в министерские расходы 1914 года. Тобольское губернское управление уже уступило под него место в благоприятном и достойном для правосудия районе — на углу Богоявленской и Архангельской улиц, напротив губернской гимназии. Еще в 1912 г. состоящим при Министерстве юстиции архитектором академиком В.А. Пруссаковым (этот строитель спроектировал много зданий судебных учреж-

дений в России, кроме того, построил не одно сооружение другого назначения, которые можно посмотреть на Невском проспекте) был исполнен эскиз-проект здания для окружного суда в Тобольске, утвержденный 3 мая 1913 г. тобольским губернатором А.А. Станкевичем. Это был большой трехэтажный дом, внешне — помпезный, внутренне — вместительный, где предусматривалось все для безмятежного служения Фемиде. На набросках Пруссакова были изображены просторные залы заседаний, совещательные комнаты, в том числе для присяжных заседателей, вестибюли для публики, архивы суда и прокурора, буфет, уборные, световой дворик, квартиры сторожа, вахтера, швейцара, смотрителя и т.д. — то, чем Тобольскому окружному суду не пришлось воспользоваться, ведь здание не было выстроено. Вскоре судебному учреждению предстояло расположиться в отремонтированном доме пансиона гимназии ⁶¹.

Во втором десятилетии XX в. еще один окружной суд в Тобольской губернии намеривались разместить в Ишиме, городская дума которого безвозмездно уступила Министерству юстиции участок городской земли в 1200 квадратных саженей под постройку «собственного здания» ⁶². Но задуманный ишимский суд так и не появился, а городским саженям не посчастливилось ощутить тяжесть залов, где распределялись судебные милости.

Антресолы, флигели, конюшни, купеческие дома, театры — туда нередко помещались суды. С правосудием, бывало, соседствовали грязь, окурки, скверные запахи, сырость, винные пары, плесень и трещины, его оскорбляли, выгоняя, располагая «в линию» и в стойлах, ограничивая саженями, комнатами, обветшалыми постройками и чужой мебелью, оно размывалось дождевыми и грунтовыми водами, посыпалось штукатуркой, мерзло, обдувалось сквозняком, существовало на грани возгорания, душилось электрическими шнурами, иногда ремонтировалось и только начинало приобретать собственный угол. Учреждениям юстиции не удалось создать вокруг себя комфортную среду обитания: вдвигающейся к краху империи квадратные метры, разрушавшиеся кровли, потолки, карнизы, полы и стены оказывались крепче престижа судебной власти.

Примечания

1. БРОДЕЛЬ Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV—XVII вв. Т. 1. М. 1986, с. 303.
2. Министерство юстиции за сто лет. 1802—1902: Исторический очерк. СПб. 1902, с. 35.
3. Сибирские и тобольские губернаторы: исторические портреты, документы. Тюмень. 2000, с. 181—182; Государственный архив в г. Тобольске (ГАТ), ф. 329, оп. 10, д. 250, л. 120—122; оп. 12, д. 25, л. 31.
4. ГАТ, ф. 329, оп. 12, д. 30, л. 11—11об.
5. САРАЖИНА Р.Г. Судебная система в Западной Сибири в имперской политике в конце XVIII — середине XIX вв. Дисс. канд. ист. наук. Омск. 2011, с. 184—185.
6. Государственный архив Томской области (ГА ТО), ф. 22, оп. 1, д. 71, л. 25.
7. ЯКОВЛЕВ Я.А., РАССАМАХИН Ю.К. Рассказы о томской прокуратуре. Т. 1. Томск. 2004, с. 246.
8. ГА ТО, ф. 6, оп. 1, д. 1785, л. 21—21об.
9. Министерство юстиции за сто лет, с. 100.

10. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. III, т. 5, № 2770.
11. Государственный архив Тюменской области (ГА ТюмО), ф. 40, оп. 2, д. 383, л. 4.
12. ПСЗ. Собр. III, т. 6, № 4021.
13. ЯКОВЛЕВ Я.А., РАССАМАХИН Ю.К. Ук. соч., с. 249, 286.
14. ГАТ, ф. 353, оп. 1, д. 193, л. 9—10об., 22—22об.
15. Библиотека российского государственного исторического архива (РГИА). Отчет о ревизии судебных установлений и прокурорского надзора Тобольской и Томской губерний, произведенной в 1892 г., по поручению господина министра юстиции, обер-прокурором первого департамента Правительствующего Сената тайным советником П.М. Бутовским, с. 138—140.
16. ГАТ, ф. 353, оп. 1, д. 193, л. 24, 306.
17. См., напр.: История Правительствующего Сената за двести лет. 1711—1911 гг. СПб. 1911, с. 116; ПАВЛОВСКИЙ И.Ф. Полтавцы. Иерархи, государственные и общественные деятели и благотворители. Опыт краткого биографического словаря Полтавской губернии с половины XVIII в. Полтава. 1914, с. 139—140; Три последних самодержца. Дневник А.В. Богданович. М.—Л. 1924, с. 171.
18. ГАТ, ф. 152, оп. 37, д. 875, л. 33об., 37.
19. ГА ТюмО, ф. 40, оп. 2, д. 383, л. 3, 4—5, 11—13, 24—25, 30—30об., 59—60об.
20. Министерство юстиции за сто лет, с. 94.
21. Судебные уставы 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные государственной канцелярией. СПб. 1867, ч. 3, с. XL.
22. Одна из предсмертных записок Павла Григорьевича фон Дервиза. 1881 г. — Русская старина. 1885, № 6, с. 596.
23. Общий обзор деятельности Министерства юстиции и Правительствующего Сената за царствование императора Александра III. СПб. 1901, с. 9.
24. ВЕЙСМАН Р.Л. Яркие недостатки сибирского суда. — Сибирские вопросы. 1908, № 3—4, с. 46.
25. МУРАВЬЁВ Н.В. Последние речи. 1900—1902 гг. СПб. 1903, с. 106.
26. Томский листок. 13.VII.1897.
27. МУРАВЬЁВ Н.В. Из прошлой деятельности. Т. 2. СПб. 1900, с. 400.
28. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1405, оп. 542, д. 250, л. 10.
29. ЯКОВЛЕВ Я.А., РАССАМАХИН Ю.К. Ук. соч., с. 286.
30. Там же, д. 254, л. 115.
31. ГА ТО, ф. 10, оп. 1, д. 139, л. 1—23; д. 186, л. 433об., 461—462.
32. Там же, ф. 152, оп. 37, д. 859, л. 33.
33. В 1905—1906 гг. товарищ прокурора Томского окружного суда (ГА ТО, ф. 11, оп. 2, д. 16, л. 2—5).
34. ВОЙТЕНКОВ М. Мировой судья в Сибири и в Забайкалье. — Право. 30.I.1911.
35. АНУЧИН В.Н. Мировой судья на Кавказе. — Утро Сибири. 10.XII.1911.
36. Статистический обзор Тобольской губернии за 1897 г. Тобольск. 1898, с. 41.
37. Государственный архив Омской области (ГА ОО), ф. 25, оп. 1, д. 139, л. 12.
38. ГАТ, ф. 158, оп. 2, д. 97, л. 27.
39. ВЕЙСМАН Р.Л. Ук. соч., с. 45.
40. Сибирская торговая газета. 19, 20.I.1900.
41. ГАТ, ф. 353, оп. 1, д. 365.
42. Там же, ф. 152, оп. 37, д. 893, л. 1—8.
43. ГА ТО, ф. 3, оп. 6, д. 1, л. 91.
44. ВЕЙСМАН Р.Л. Ук. соч., с. 45.
45. ГА ТО, ф. 3, оп. 6, д. 1, л. 2.
46. ГАТ, ф. 152, оп. 37, д. 893, л. 2.
47. Сибирский наблюдатель. 1902, № 5, с. 147.
48. Сибирский вестник. 3, 5, 8.V.1902; Сибирская жизнь. 7.V.1902.
49. ЯКОВЛЕВ Я.А., РАССАМАХИН Ю.К. Ук. соч., с. 287—291.
50. Сибирский наблюдатель. 1902, № 5, с. 147.
51. Сибирская жизнь. 1.IX.1904. Сейчас в этом здании располагается Томский областной суд.

52. ЯКОВЛЕВ Я.А., РАССАМАХИН Ю.К. Ук. соч., с. 291.
53. Описание помещений судебных палат и окружных судов. СПб. 1913, с. 56.
54. «В 1912 г. Государственная дума выразила пожелание к составлению плана строительных работ на будущее время в учреждениях Министерства юстиции. Помещение для выездного отделения окружного суда должно быть примерно таким: зал судебного заседания (35 кв. саженей чистого пола), комната для присяжных заседателей (10 кв. саж.), комната для совещания судей (5,5 кв. саж.), свидетельская (7 кв. саж.), комната для арестантов (8 кв. саж.), канцелярия (6 кв. саж.), коридор и уборная (30 кв. саж.). Для постоянного окружного суда требовались кабинеты для председателя, членов суда, для общего собрания отделений, библиотеки, старшего нотариуса, прокурора, товарища прокурора, приемной прокурора и товарищей прокурора, канцелярии и архива прокурора, общего архива, нотариального архива, а также комнаты для поверенных, курьеров, швейцаров, заведующего зданием и буфетная — всего 286 кв. саженей». БУЗМАКОВА О.Г. Судебная власть в Сибири в конце XIX — начале XX вв. Дисс. канд. ист. наук. Томск. 2004, с. 130.
55. Корниловы — известная династия тобольских предпринимателей. См., напр.: Тобольский биографический словарь. Екатеринбург. 2004, с. 231—234.
56. ГАТ, ф. 353, оп. 1, д. 1032, л. 1а.
57. Там же, л. 8—9.
58. Там же, ф. 329, оп. 13, д. 517; ф. 377, оп. 1, д. 47.
59. Центр хранения архивного фонда Алтайского края, ф. 141, оп. 1, д. 16, л. 16.
60. Описание помещений..., с. 55.
61. ГАТ, ф. 353, оп. 1, д. 940, л. 2, 7, 8—11, 75, 84; д. 1202, л. 2.
62. Там же, ф. 152, оп. 37, д. 904, л. 50—52об., 59—59об.

Американская администрация помощи в Екатеринбургской губернии в 1922—1923 гг.

Н.В. Усманов

В голодные 1921—1923 гг. на территории пострадавших губерний и автономных республик Советской России работали различные благотворительные организации из-за рубежа. Среди них наиболее крупной была Американская администрация помощи (сокращенно — АРА, от английского *American Relief Administration*). Эта формально неправительственная структура из США возглавлялась министром коммерции Г. Гувером и пользовалась поддержкой президента и Конгресса. Договор с американской организацией был подписан представителем советского правительства 20 августа 1921 г. в Риге. Вскоре в Москве была открыта центральная контора Русской миссии АРА. Затем американцы начали разворачивать свою деятельность в голодающих местностях Поволжья и Урала, создав здесь окружные отделения своей организации.

На территории Екатеринбургской губернии Американская администрация помощи вела благотворительную деятельность более одного года. Она ввозила в губернию продовольствие и медикаменты, предметы одежды и обуви и другие необходимые для нормальной жизнедеятельности материалы. До настоящего времени работа американской организации на указанной территории не была удовлетворительно отражена и оценена в публикациях отечественных историков. Некоторые сведения о пребывании АРА в Екатеринбурге можно обнаружить лишь в небольших публикациях А.В. Иванченко¹. В данной работе ставится задача более подробно рассмотреть эту тему.

Урал, как и Поволжье, оказался в очень сложной ситуации из-за засухи 1920—1921 гг. и тяжелых последствий гражданской войны. Осенью 1921 г. было принято решение о направлении сюда зарубежной помощи. Снабжение голодающих велось через Уфимское (Уфимско-Уральское) территориальное отделение русской миссии АРА, которым руководил отставной полковник армии США Уолтер Белл.

Усманов Наиль Вакилович — кандидат исторических наук, доцент Бирского филиала Башкирского государственного университета.

Отделение начало разворачивать свою работу в уральском регионе в начале ноября 1921 года. Первоначально помощь предназначалась лишь детям, беременным женщинам, кормящим матерям и инвалидам. Для них при содействии местных властей были открыты столовые, в которых выдавали горячие обеды. В состав продуктов, используемых для приготовления блюд, входили мука, манка, рис, жиры, сахар, какао, сгущенное молоко. Сами американцы называли свои пайки «дополнительными», но во многих голодающих местах России это было практически единственное питание детей.

В ноябре 1921 г. из Екатеринбурга в адрес миссии АРА было направлено обращение с просьбой о поддержке местного населения. Однако продовольственные ресурсы окружного отделения, которое начало работу в Уфимской губернии и Башкирской Республике, тогда были еще ограничены. Полномочный представитель правительства РСФСР при заграничных организациях помощи А. Эйдук в телеграмме на имя председателя губернского Помгола Ю. Дуката сообщил, что «американская организация работает в заранее отведенных местах» и просил без его санкции «не обращаться к американцам с ходатайством о помощи»².

Между тем, положение Екатеринбургской губернии, особенно ее южной части, продолжало ухудшаться. В декабре 1921 г. значительная часть местного населения перешла на питание суррогатами. К весне следующего года в уездах имели место многочисленные факты голодной смерти. К счастью, в это время у американской организации появилась возможность расширить свою деятельность в РСФСР. Существенное увеличение помощи и распространение ее на взрослых стало возможным после того, как в самом конце 1921 г. Конгресс США с подачи Гувера одобрил выделение 20 миллионов долларов на покупку у своих фермеров зерна кукурузы для отправки в Россию. Весной 1922 г. АРА решила распространить свою деятельность и на Екатеринбургскую губернию. Информация о том, что американская организация предлагает губернии помощь в размере 64 000 пайков, была помещена в одном из апрельских номеров газеты «Уральский рабочий»³.

Программа деятельности АРА в Екатеринбургской губернии была согласована в апреле 1922 года. В телеграмме, отправленной из губернского центра в Уфу, сообщалось, что ожидаемое прибытие американской помощи «дает надежду усиления помгола»⁴. Органы власти стали готовиться к деятельности зарубежной организации в голодающих уездах. В связи с тем, что в России руководители АРА в качестве своего местного персонала часто набирали граждан, не пользовавшихся доверием властей (в частности, из числа так называемых «бывших»), партийные органы Екатеринбургской губернии поставили задачу, чтобы в структуры АРА, так или иначе, проникали проверенные люди. В секретном циркуляре волостным комитетам РКП(б) ставилась задача провести в комитеты содействия американской организации коммунистов. Они должны были «строго следить за всеми лицами, которые будут группироваться в качестве служащих вокруг АРА... и о всех ненормальностях и подозрительных фактах информировать вышестоящие Советские органы». В то же время членам партии рекомендовалось для улучшения работы «встать в лучшие отношения с инструкторами АРА... добиваясь тех отступлений от их

требований, которые могут быть чрезмерными и тяжелыми по выполнению, по нашим экономическим условиям»⁵.

Первоначально работа американской организации развернулась в Кыштыме, тогда входившем в Екатеринбургскую губернию, и в ближайших к этому рабочему поселку селениях. На 6 мая 1922 г. здесь действовали четыре столовые, рассчитанные на 400 детей⁶. Там же, в Кыштыме, предполагалось открыть губернскую контору Американской администрации помощи, но затем было принято решение переместить ее в Екатеринбург. 18 мая в губернском центре состоялось первое заседание общегородского комитета содействия АРА. Комитет в присутствии инспектора американской организации рассмотрел некоторые организационные вопросы, связанные с размещением складов, выделением помещений для столовых, выбором пекарни и т.п. В городе решили создать четыре районных комитета содействия АРА. Выбранные в них горожане должны были работать на общественных началах. В обязанности членов комитетов входило составление списка голодающих детей, контроль работы кухонь и т.п.⁷ Первая столовая АРА, где горячую пищу получала одна тысяча «особенно сильно нуждающихся в хорошем питании» детей, была открыта в городе 21 мая 1922 года. Она размещалась на улице Вайнера (Успенской), д. № 34⁸. Всего в Екатеринбурге в начале лета этого года работали четыре детских столовых АРА. Позднее добавилась еще одна.

Весной и в начале лета 1922 г. нужда в продовольственной поддержке голодающих Урала была особенно острой. К тому времени у населения почти полностью иссякли имевшиеся запасы продовольствия и суррогатов, что привело к заметному росту смертности. Для того, чтобы обеспечить питанием как можно большее количество детей, руководитель Уфимско-Уральского отделения У. Белл решил сократить суточную норму пайка в своем округе на одну четверть. Здесь надо отметить, что прежде, чем принять такое решение, Белл проконсультировался с врачами, спросив, сможет ли такое скудное питание поддерживать жизнь детей до сбора нового урожая. Врачи ответили положительно.

Постепенно сеть столовых АРА развернулась в Екатеринбургском, Красноуфимском, Каменском уездах. Вскоре после начала деятельности Американской администрации помощи газета «Уральский рабочий» поместила обширное интервью с уполномоченным представителем РСФСР при этой организации по Екатеринбургской губернии, бывшей сотрудницей ВЧК Г. Штальберг. «Товарищ Штальберг» рассказала читателям, что собой представляет организация АРА и как она планирует работать в губернии. Через газету было сообщено, что продовольственная помощь вскоре будет увеличена и что кроме продуктов питания американцы собираются снабдить местные больницы и детские учреждения «возможно большим количеством одежды, обуви и мыла». В заключении уполпред отметила, что АРА не всегда встречает со стороны местных организаций то понимание, на которое она была вправе рассчитывать. Она призвала оказать американской организации «полное содействие» и «самую активную поддержку»⁹.

В конце мая 1922 г. в Екатеринбургской губернии от Американской администрации помощи выдавалось 6125 детских пайков. В начале следующего месяца количество детей и больных, получавших

горячее питание в столовых и лечебных учреждениях, выросло до 10 625 человек ¹⁰. К 22 июня всего было открыто 133 столовые АРА. Фактически к этому дню в них питались 26 779 детей и 2640 больных и беженцев. Через месяц эти цифры составляли соответственно 61 614 и 7000 ¹¹.

В июне 1922 г. началось снабжение сухими пайками из кукурузного зерна взрослого голодавшего населения губернии. Вес стандартного суточного пайка, рассчитанного на одного человека, должен был составлять один русский фунт (примерно 410 грамм). Однако в июне-июле в зоне деятельности Уфимско-Уральского округа АРА выдавали лишь 20 фунтов в месяц. Это объяснялось необходимостью охватить помощью как можно большее количество людей. Зерно должно было самостоятельно размалываться и из муки приготавливаться необходимая пища. В связи с тем, что кукуруза была неизвестна местному населению, Уфимская контора АРА настояла на том, чтобы для получавших ее пайки были распечатаны листовки на русском и татарском языках. В них объяснялось, как из кукурузы приготовить похлебку, кашу или испечь хлеб. В конце июня в Екатеринбургской губернии заморский продукт получали 3650 человек. Через месяц количество людей, снабжавшихся кукурузой, выросло до 72 675 человек ¹².

Вместе с кукурузой в Россию начали прибывать семена злаков, купленные Советским правительством в Америке за золото при посредничестве АРА. Согласно намеченному плану, направляемая в Екатеринбургскую губернию семенная пшеница распределялась следующим образом: Екатеринбургский уезд — 120 тыс. пудов, Красноуфимский — 170 тыс., Каменский — 200 тыс., Шадринский — 60 тыс., Камышловский — 20 тысяч. Еще 30 тыс. пудов передавались в губернский фонд. Местная газета сообщала позднее, что прибыло 416 вагонов, вместимостью по 1000 пудов пшеницы. Ожидалось прибытие еще 140 вагонов. В издании подчеркивалось, что в отличие от зерна, полученного из Сибири, американский семенной материал «очень хорош» ¹³. В результате, в губернии была успешно проведена посевная кампания, хотя некоторую часть зерна голодающие все же были вынуждены употребить в пищу.

Одновременно с раздачей продовольствия иностранные филантропы начали осуществлять свою медико-санитарную программу. Кроме лекарств и госпитального оборудования, переданных АРА Американским Красным Крестом, организация Гувера получила в свое распоряжение армейские медицинские запасы, оставшиеся, главным образом, со времен первой мировой войны. В лечебные учреждения и детские дома губернии поступило большое количество лекарств, медицинского оборудования и дезинфекционных материалов. В Екатеринбурге с помощью американцев была организована амбулаторная больница, где принимали до 250 пациентов в день ¹⁴. В конце весны — начале лета 1922 г. по всем своим округам АРА вместе с местными отделами здравоохранения стала осуществлять программу вакцинации от тифа, холеры и некоторых других заразных болезней. Бесплатные прививки полагались тем, кто посещал столовые или распределительные пункты АРА. Эту процедуру обязательно должны были пройти все, кто перемещался по железной дороге или водным транспортом. Сотрудникам государственных учреждений, часто контактировавшим

с большим населением, также было рекомендовано привиться. Впрочем, американцы не отказывали в вакцинации никому. Распоряжением № 6 по медицинскому отделу Русской службы АРА от 21 апреля 1922 г. оговаривалось, что предохранительные прививки могут проводиться не только тем, кто организованно получал американские продукты, но и «другим лицам, по их желанию»¹⁵. В результате, число заразившихся инфекционными болезнями в губернии существенно снизилось.

Для улучшения санитарной обстановки в городах Урала по инициативе американцев местные власти организовывали специальные бригады из безработных и беженцев. Они обеспечивались пайками АРА и были обязаны убирать от мусора и нечистот улицы и проводить ремонтные работы. Одна такая бригада работала в Екатеринбурге¹⁶.

Окружная контора Американской администрации помощи, обслуживавшая уральские территории, располагалась в Уфе. Взаимоотношения американских сотрудников с руководством Уфимской губернии не всегда складывались благополучно. Иногда случались конфликты, мешавшие работе. В связи с этим представитель правительства РСФСР при Уральском окружном отделении АРА предложил перевести окружную штаб-квартиру организации в Екатеринбург. По этому поводу шла переписка, но, в конечном счете, в интересах дела все же было принято решение оставить контору на месте¹⁷.

Американцы, базировавшиеся в Уфе, неоднократно посещали Екатеринбург. Здесь были руководитель округа полковник Белл, окружной врач доктор Р. Слоан, сотрудники Дж. Келли и П. Вердон. Двоим последним как местную достопримечательность показали дом, где был убит последний русский император¹⁸. Путешествовать по Уралу, где еще сохранялся бандитизм, было опасно, а миссии АРА не разрешили ввозить в Россию оружие. Поэтому американцы просили местные власти обеспечить их средствами индивидуальной защиты. В Екатеринбурге положительно откликнулись на эту просьбу и выдали лично Беллу во временное пользование револьвер системы «Браунинг»¹⁹.

На 1 августа 1922 г. в Екатеринбургской губернии работало 329 детских питательных пунктов АРА, в которых получали горячую пищу 62 164 человека. Кроме того, 7000 больных получали горячие обеды в больницах. Примерно 75 000 кукурузных пайков было роздано взрослым голодающим через распределительные пункты²⁰.

Пик деятельности американцев в России пришелся на август и сентябрь (до 23 числа) 1922 года. В Екатеринбургском районе деятельности АРА в эти месяцы в столовых ежедневно выдавали 62 500 детских порций. Норма питания была доведена до нормальной. Несколько увеличился размер месячного пайка для взрослых — с 20 фунтов до 22,5. Всего же в Екатеринбургской губернии продовольствие получали 144 500 человек²¹. По нашим подсчетам, американская организация обеспечивала питанием около 15% голодавшего населения губернии. В отдельных волостях американские пайки получали более половины нуждавшихся в продовольственной поддержке. Газета «Уральский рабочий» отмечала, что в Нижнесергинской волости на август месяц «голодающих взрослых насчитывается 2 тысячи. Из этого числа полторы тысячи удовлетворятся пайком АРА»²².

Примечательно следующее признание того же издания: «Снабжение продовольствием детских домов в Екатеринбургском уезде, находящимся на иждивении АРА, на август месяц, можно признать удовлетворительным»²³. В Екатеринбурге местная контора американской организации, по всей видимости, с согласия своего окружного начальства, отпустила 50 пудов кукурузы городскому отделению коммунистического союза молодежи «для распределения среди безработных подростков»²⁴.

Начиная с июля 1922 г., газета «Уральский рабочий» стала помещать критические материалы, так или иначе связанные с работой столовых и распределительных пунктов американской организации в Екатеринбургской губернии. Так на Каслинском заводе, отмечалось в одном из номеров, в комитет содействия АРА «были выбраны попы и колчаковские беженцы». В результате, члены комитета записали на получение питания, в первую очередь, себя и свои семьи. В Иткульской волости во главе подобного комитета оказались мулла и два пономаря, которые распределяли кукурузу «довольно мощным хозяйством» и с каждого 15-фунтового пайка вычитали полтора фунта. Отмечая, что «попы, кулаки и иные, более чем подозрительные «типы» кормятся вокруг да около учреждений АРА», газета, все же, оговаривалась, что сама американская организация «имеет доброе намерение помочь голодающим»²⁵. В одном из августовских номеров «Уральского рабочего» под заголовком «Этого ли хочет АРА?» была помещена любопытная карикатура. На ней было изображено, как в американскую столовую входят священник и кулак с упитанной дочерью в нарядном платье, а у порога стоят и лежат истощенные бедняки. Внизу размещался комментарий: «Столовые АРА в Каслях, Верхнем Уфалее и других местах кормят совсем не тех, кто голодает»²⁶.

После сбора в России в 1922 г. относительно удовлетворительно-го урожая американцы решили существенно сократить и изменить свою программу продовольственного снабжения населения. Было принято решение ограничиться питанием преимущественно воспитанников детских домов и пациентов некоторых больниц. С 23 сентября количество выдаваемых пайков в Уфимско-Уральской зоне АРА было резко уменьшено. В Екатеринбургском районе раздали всего 7000 детских пайков, в Кыштыме — 3200²⁷. В то же время с осени 1922 г. руководство американской организации несколько смягчило свои жесткие требования к организации питания. «Мы не хотим и не намерены деспотически настаивать, чтобы каждый район работал по форме, присланной из Москвы», — такова была их установка в новых условиях. Если раньше американцы требовали, чтобы их продукты при приготовлении пищи не смешивали с местными, то теперь это строгое правило было отменено²⁸.

О масштабах снабжения губернии осенью 1922 г. некоторое представление дают сведения о деятельности распределительного склада АРА на станции Екатеринбург с 7 по 13 октября. На начало отчетного периода на складе было: манной крупы — 28 464 кг, муки — 71 269 кг, сгущенного молока в банках — 103 ящика (по 48 банок) и 12 банок, риса — 242 кг, сала — 3517 кг, сахара — 7003 кг, какао-порошка — 1587 кг, кукурузы — 119 кг, обуви детской — 400 пар, платьев для девочек — 1294 шт., костюмов для мальчиков — 1057 комплектов, мыла — 8007 кг.

За эту неделю в детские дома, больницы и столовые АРА было выдано: манки — 2043 кг, муки — 3724 кг, молока — 61 ящик и 37 банок, сала — 337 кг, сахара — 620 кг, какао — 164 кг. В детские учреждения была также выдана вся обувь, одежда и 3345 кг мыла. Одновременно в течение той же недели на склад продолжали поступать продукты питания ²⁹. В середине ноября 1922 г. в губернии детям и больным ежедневно выдавали 11 500 американских пайков ³⁰. Примерно такое же количество пайков выдавали в последующие три-четыре месяца. Наряду с АРА с осени 1922 г. в губернии начала работу миссия Французского Красного Креста.

В январе 1923 г. в Екатеринбургской губернии АРА снабжала продовольствием 131 закрытое детское учреждение (детские дома, приюты и т.п.), в которых горячую пищу получали 7380 человек. Обычных столовых американской организации оставалось лишь восемь. В них кормили 1670 детей и инвалидов. В стационарных больницах горячую пищу получали 2150 человек. Всего число людей, получавших еду, составило 11 200 жителей губернии ³¹.

Собранного урожая 1922 г. все же в некоторых местах не хватало. В связи с этим, Американская администрация помощи решила вновь увеличить продовольственные поставки в нуждающиеся районы. В феврале 1923 г. полковник Белл совершил очередную инспекционную поездку по своему округу. Побывал он и в Екатеринбурге ³². В результате помощь губернии вновь стала нарастать. В апреле 1923 г. в Екатеринбургском районе ежедневно выдавалось 26 005 пайков, в Красноуфимском — 9195, в Кыштыме — 4800, в Камышлове — 6000 ³³. В мае количество выдаваемых пайков вновь увеличилось. Только городу Екатеринбург у дополнительно к существовавшим детским пайкам выделили еще 1500 ³⁴.

После завершения периода острого голода американцы продолжали осуществлять свою медицинскую программу. Всего на конец апреля 1923 г. в губернию было отправлено 14 вагонов медикаментов и медицинского оборудования. Правда, два вагона сгорели на станции. Возможно, их подожгли грабители. Остальной груз был распределен среди 214 различных учреждений в семи уездах губернии. Только в Екатеринбурге на снабжении АРА находились 22 больницы, 4 амбулатории, 30 детских домов, 9 домов ребенка, 6 лабораторий медицинского факультета местного университета, 3 прививочных отряда ³⁵.

По соглашению с советским правительством АРА взялась доставлять в Россию продовольственные посылки. Американцы или европейцы могли купить и отправить в Россию родственникам или знакомым стандартный набор продовольствия на сумму 10 долларов. Вес посылки, в состав которой входили мука, рис, сахар, сало, чай и гущенное молоко, составлял примерно 3 пуда. Первые продовольственные посылки из-за рубежа в Екатеринбургскую губернию пришли еще до начала деятельности АРА. В марте 1922 г. от бывшего управляющего Кыштымским горным округом Иванова, проживавшего в Лондоне, было получено 150 посылок «в память прошлого» и «ради глубокого сочувствия». Позднее американцы стали собирать среди жителей губернии индивидуальные и коллективные заявки на подобного рода помощь и отправлять их по указанным адресам. Основная масса посылок стала прибывать в губернию в 1923 году. Кроме про-

довольственных через окружные конторы АРА в России распределялись и так называемые «мануфактурные» посылки, оцениваемые в 20 долларов. В каждую из них входили: отрез шерстяной материи, подкладка, муслин, фланель, нитки, пуговицы. Получатель «мануфактуры» мог сам сшить себе одежду подходящих размеров или заказать ее изготовление портному. Значительная часть продовольственных и вещевых посылок была распределена среди наиболее нуждавшихся школьных учителей. В начале мая 1923 г. Екатеринбургской губернии было выделено 260 вещевых и 500 продовольственных посылок, которые были распределены профсоюзом работников просвещения по всем уездам пропорционально количеству учителей ³⁶.

В мае 1923 г. после тщательного изучения прогнозов на урожай руководство АРА приняло решение завершить работу на территории России. Формально остававшееся в их распоряжении продовольствие американцы предполагали в спешном порядке раздать по разным организациям. Опасаясь «разбазаривания» запасов АРА, Советское правительство решило помешать этому. Из Москвы на места было отправлено предписание не допускать передачи продовольствия организациям или частным лицам и препятствовать дальнейшему ходу питания в иностранных столовых. Это решение объяснялось тем, что из оставшихся запасов американской организации предполагалось создать продовольственный фонд, чтобы, как объяснялось в секретной телеграмме, «безболезненно пережить переходный момент поступления на содержание государства до 3 миллионов душ» ³⁷. Между тем, окружные конторы АРА начали поспешно раздавать свои запасы разным организациям. В связи с этим, предприятиям и учреждениям было рекомендовано отказываться от продовольственной помощи, которую американцы накануне прекращения своей деятельности стали направлять в их адреса. Заслуживает интереса следующее письмо в адрес Уфимской конторы АРА от общего собрания пожарных города Камышлова. «Мы, рабочие и служащие пожарных команд за пожалованную вами муку вносим полностью стоимость таковой в пользу детских домов и подарком воспользоваться не хотим — как исходящим не от наших братьев трудящихся, а капиталистов — противников наших пролетарских идей, который все равно не пошел бы на пользу для поддержания наших сил. Этим подарком капиталистам, нас — рабочих и крестьян Советской России не купить». Здраводелу пермской железной дороги Екатеринбурга уполномоченной при АРА Р. Виленкиной было запрещено принимать американские продукты. Рассерженному Беллу пришлось отправить «мадам Виленкиной» копию Рижского договора и напомнить ей, что за Американской администрацией помощи сохраняются права на распределение своих грузов накануне ликвидационных работ ³⁸. Видимо, учитывая рекомендацию Москвы, Екатеринбургский губисполком «в связи с улучшением экономического положения края» в середине мая 1923 г. принял решение отказаться от американской помощи. Руководство губернии в телеграмме на имя окружного представителя правительства РСФСР при заграничных организациях помощи Б. Германа просило «срочного распоряжения прекратить питание АРА с первого июня». В результате десять вагонов с грузом заграничного продовольствия, уже прибывших в Екатеринбург, были перенаправлены в Челябинск ³⁹.

Работа Американской администрации помощи на Урале была свернута к 1 июля 1923 года. Оставшиеся на складах продукты, как и предполагалось, были переданы детским домам и приютам, которые еще несколько месяцев продолжали использовать их для приготовления обедов. Медицинским же оборудованием и инструментами пользовались, по всей видимости, еще и в 1930—1940-е годы.

В современной справочной литературе, в том числе изданной в Екатеринбурге, встречается утверждение, что деятельность АРА в РСФСР «была запрещена, под предлогом ведения ее сотрудниками контрреволюционной деятельности»⁴⁰. На самом деле это не так. Работа благотворительной организации из США в нашей стране была прекращена по ее договоренности с центральным советским правительством в связи с ликвидацией, в основном, голода и его наиболее тяжелых последствий. К сожалению, окончание работы АРА в Екатеринбургской губернии не было должным образом отмечено в местной печати.

В заключении, оценивая деятельность Американской администрации помощи в Екатеринбургской губернии в 1922—1923 гг., следует отметить следующее. Продовольственные поставки этой иностранной организации спасли от голодной смерти десятки тысяч жителей губернии. Медико-санитарная поддержка местных органов здравоохранения позволила покончить с эпидемиями и вылечить от различных болезней тысячи детей и взрослых. Купленные через АРА семена способствовали относительно успешному проведению очень важной посевной кампании 1922 года. В целом, американская благотворительная помощь способствовала нормализации хозяйственной жизни Урала и оздоровлению здесь социально-политической обстановки.

Примечания

1. ИВАНЧЕНКО А.В. Американская ассоциация помощи (АРА) на Урале в 1921—1923 гг. Третьи Татищевские чтения. Тезисы докладов и сообщений. Екатеринбург. 2000, с. 163—167; ЕГО ЖЕ. Американская администрация помощи (АРА). Екатеринбург. Энциклопедия. Екатеринбург. 2002, с. 10.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. Р-1064, оп. 6, д. 4, л. 11.
3. Уральский рабочий. 21.IV.1922.
4. Центральный государственный архив общественных объединений Республики Башкортостан (ЦГАОО РБ), ф. П-1, оп. 1, д. 522, л. 64об.
5. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДОО СО), ф. 76, оп. 1, д. 465, л. 127.
6. ГА РФ, ф. Р-1058, оп. 1, д. 453, л. 44.
7. Государственный архив Свердловской области (ГА СО), ф. Р-512, оп. 1, д. 2, л. 47.
8. Уральский рабочий. 23.V.1922.
9. Там же.
10. Hoover Institution Archive (HIA). ARA. Russian Unit. Box 130, f. 2.
11. ГА СО, ф. Р-513, оп. 1, д. 2, л. 33.
12. Там же.
13. Уральский рабочий. 28.IV, 10.V.1922.
14. FISHER H. The Famine in Soviet Russia. 1919—1923. The operations of the American Relief Administration. N.Y. 1927, p. 444.
15. ЦГИА РБ, ф. Р-443, оп. 1, д. 370, л. 9.
16. ARA bulletin. Ser. 2, 1923, № 33, p. 15.

17. НИА. АРА. Russian Unit. Box 129, f. 5.
18. PATENAUDE B. The Big Show in Bololand. The American Relief Expedition to Soviet Russia in the Famine of 1921. Stanford. 2002, p. 442.
19. НИА. АРА. Russian Unit. Box 131, f. 7.
20. ГА РФ, ф. Р-1058, оп. 1, д. 474, л. 19.
21. ГА СО, ф. Р-513, оп. 1, д. 7, л. 3об.
22. Уральский рабочий. 16.IX.1922.
23. Там же. 26.VIII.1922.
24. Красный путь. 22.VIII.1922.
25. Уральский рабочий. 21, 26.VII, 2.VIII.1922.
26. Там же. 16.VIII.1922.
27. НИА. АРА. Russian Unit. Box 130, f. 2.
28. ГА СО, ф. Р-513, оп. 1, д. 1, л. 74, 75об.
29. Там же, ф. Р-514, оп. 1, д. 1, л. 19. Вес продуктов в оригинале документа указан в пудах и фунтах.
30. ГА СО, ф. Р-513, оп. 1, д. 1, л. 53.
31. ЦГИА РБ, ф. Р-1316, оп. 1, д. 17, л. 6.
32. ГА РФ, ф. Р-1058, оп. 1, д. 69, л. 180.
33. НИА. АРА. Russian Unit. Box 130, f. 2.
34. ГА СО, ф. Р-514, оп. 1, д. 1, л. 352.
35. НИА. АРА. Russian Unit. Box 132, f. 2.
36. Уральский рабочий. 23.III, 9.V.1922.
37. Советско-американские отношения. Годы непризнания. 1918—1926. М. 2002, с. 291.
38. НИА. АРА. Russian Unit. Box 129, f. 5. Стиль документа сохранен.
39. ГА РФ, ф. Р-1058, оп. 1, д. 69, л. 35—36.
40. Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург. 1998, с. 20; История Урала. Словарь-справочник. Екатеринбург. 2006, с. 13.

Политика России в отношении подданных Швеции в период Русско-шведской войны 1741—1743 гг.

В.В. Познахирев

Политика российского государства в отношении военнопленных и иных подданных «Короны швейцарской» в период Русско-шведской войны 1741—1743 гг., в сущности, никогда не привлекала к себе внимания отечественных историков. Объясняется это, по-видимому, и относительной непродолжительностью самого рассматриваемого конфликта (23 мес.), и общим незначительным числом пленных, интернированных в Россию на протяжении 1741—1743 гг. (по нашим оценкам, не более 3 тыс. чел.), и слабостью соответствующей источниковой базы, и рядом иных причин.

Однако в любом случае обозначенная историографическая лакуна становится сегодня заметной преградой на пути целостного научного познания отечественной системы военного плена эпохи XVIII столетия, тем более, что в рассматриваемых хронологических рамках система эта формировалась и эволюционировала под воздействием целого комплекса факторов, важнейшие из которых мы считаем возможным объединить в следующие группы:

1. Несмотря на то, что война была начата (25 июля 1741 г. ¹⁾) исключительно по инициативе Швеции, командование вооруженными силами этой страны действовало крайне пассивно. В свою очередь, российская императрица Елизавета Петровна, пришедшая к власти в результате дворцового переворота 25 ноября 1741 г., определенно тяготилась данным конфликтом и стремилась не столько нанести решительное поражение северному соседу, сколько вынудить Стокгольм отказаться от притязаний на свои бывшие территории, отошедшие к России по Ништадтскому мирному договору 1721 году.

Как результат, боевые действия на протяжении всей войны не отличались ни размахом, ни интенсивностью: флоты обеих держав практически ничем не проявили себя; на сухопутном театре едва ли не единственным крупным столкновением стало сражение за Виль-

Познахирев Виталий Витальевич — кандидат исторических наук, доцент Смольного института Российской академии образования. Санкт-Петербург.

манстранд в августе 1741 г.; основная часть заключенных сторонами капитуляций предусматривала не пленение шведов, а их право беспрепятственно перейти на территории, находящиеся под контролем Стокгольма, причем, вместе с легким вооружением, снаряжением, служебной документацией и даже «с игранием на музыке и распущенными знаменами» ².

В то же время широкий размах приобрела «малая война», ибо, стремясь лишить армию противника источников продовольствия, русские войска регулярно уничтожали финские села и хутора, частично угоняя их население в свои границы и фактически вынуждая оставшихся встать на путь активного сопротивления.

Все изложенное предопределило, с одной стороны, общую малочисленность пленных, а с другой — высокую долю в их структуре как партизан (или, выражаясь официальной терминологией тех лет, «мужиков, кои с оружием противились» ³), так и гражданских лиц в полном смысле этого слова. К примеру, 6 января 1742 г. Главнокомандующий русской армией генерал-фельдмаршал П.П. Ласси доносил Правительствующему Сенату, что в ходе одного из рейдов на территорию противника было «взято в полон: мужеска полу больше 20 лет — 50 душ; женска полу больше 20 лет — 26 душ; девок — 14; ребят мужеска полу — 41, женска полу — 26» ⁴.

2. Население Выборгской провинции Санкт-Петербургской губернии в большинстве своем состояло из лиц, утративших подданство «Короне швейской» лишь в 1721 г., и российские власти не могли быть до конца уверены в его лояльности. Кроме того, новая императрица, безусловно, сознавала свою недостаточную легитимность, что укрепляло ее мнительность и порождало болезненную реакцию на всякую информацию о возможных заговорах и т.п. В довершении ко всему в ноябре 1741 г. шведы распространили в Выборгской провинции прокламацию, в которой утверждали, что намерены... избавить русский народ от владычества иностранцев.

Все изложенное способствовало развитию в стране обстановки шпиономании, подозрительного отношения ко всему, так или иначе связанному со «Свеей», а в конечном итоге — неблагоприятно отразилось на положении в России пленников, особенно из числа этнических шведов.

3. Кабинет Министров, довольно успешно возглавлявший организационно-распорядительную деятельность в отношении военнопленных противника в ходе Русско-турецкой войны 1735—1739 гг. и накопивший в этом вопросе немалый опыт, был упразднен уже в декабре 1741 г. (успев, впрочем, заложить фундаментальные основы содержания в России шведов). Функции прежнего Кабинета в полном объеме перешли к Сенату, который пошел по пути еще большей централизации процессов управления (в том числе, и контингентами пленников), хотя на протяжении пятнадцати предыдущих лет этот орган практически не имел реальной власти и занимался лишь мелкой текущей работой. Ситуацию усугубляло еще и то, что руководство Военной коллегии традиционно дистанцировалось от проблем плена и ограничивалось лишь исполнением прямых указаний вышестоящих учреждений.

Все это создавало предпосылки для принятия небезупречных, а то и откровенно сомнительных решений. Так, в июле 1742 г. для

краткосрочной командировки одного шведского офицера из Серпухова в Москву понадобился «повелительный указ» самого Сената. Иными словами, данный вопрос оказались неправомочны разрешить ни конторы (то есть «отделения») Сената и Военной коллегии в Москве, ни сама Военная коллегия, ни Московский генерал-губернатор С.А. Салтыков ⁵. В качестве еще одного примера можно сослаться на события декабря 1741 г., когда в ходе массовой гибели пленников, эвакуируемых из Петербурга в Москву, Сенат высказал предположение, что шведы могли стать жертвами «опасной к размножению болезни», но одновременно приказал из «остаточного после умерших (шведов. — *В.П.*) мундира раздать тем же пленным, которые в том нужду имеют и безодежны явятся». Военная коллегия же не только приложила все усилия для того, чтобы исполнить данный приказ, но и попыталась привлечь к ответственности начальника конвоя, который проявил благоразумие и отказался его выполнять ⁶.

В совокупности все перечисленное во многом предопределило противоречивый характер политики, проводимой российским государством в исследуемых хронологических рамках по отношению к шведским подданным. Отметим, что наибольшей последовательностью политика отличалась применительно к «свеянам», достигнутым началом войны на территории России. Так, 13 августа 1741 г., то есть одновременно с объявлением в Петербурге манифеста о войне со Швецией, подданным этой страны предписывалось немедленно зарегистрироваться в полиции и сделать заявления — «которые из них хотят возвратиться в отечество свое, или кто желает остаться в Российской империи». При этом желающие остаться должны были дать присягу на верность государству пребывания, а нежелающие — выехать за границу ⁷. Характерно, что в последнем случае срок выдворения из страны Петербургом не устанавливался, и на практике этот процесс, вероятно, занял не один месяц. К примеру, швед Элиас Цинглер, проживавший в Эзельской провинции Рижской губернии, только 7 января 1742 г. получил возможность заявить о том, что он «по совести и вере его присяги (на верность России. — *В.П.*) учинить не может», и обратился с просьбой отложить свою высылку до весны, так как его жена и сын больны, да и он сам «ныне насилу встает с постели» ⁸.

В середине сентября 1741 г. российские власти обратили внимание и на тех, «которые из шведской нации и подданные (шведские. — *В.П.*) в российской воинской и штатской службе находятся». Только в столице таковых оказалось свыше 20 чел., в том числе лекари, лекарские ученики, книгоиздатели, садовники, канцелярские служители, переводчики, секретари, сотрудники Академии наук и даже один чиновник Главной полицмейстерской канцелярии. И хотя люди эти в свое время уже присягали России, Кабинет Министров счел целесообразным «для лучшей предосторожности» «учинить» им еще и «подтвердительные присяги со включением, что им с неприятелем никакой корреспонденции и пересылок не иметь» ⁹. Более того, 2 декабря 1741 г., в целях той же «лучшей предосторожности» Петербург обязал принять аналогичную присягу и всех пасторов Выборгской провинции, несмотря на то, что по своей государственной принадлежности они являлись, в массе своей, россиянами ¹⁰.

Что же касается требования «с подданными короны шведской никаких коммуникаций, пересылок, коммерции и корреспонденции всякого звания не иметь... под опасением за неисполнение сего тяжелейшего ответа и жестокого наказания», то оно впервые прозвучало еще 14 августа 1741 г. — на следующий день после официального объявления Петербургом о состоянии войны со Швецией¹¹. В дальнейшем данный запрет неоднократно повторялся, распространившись со временем даже на вербальные контакты и приобретая все более угрожающий тон. К примеру, 19 марта 1742 г. Сенат требовал от властей на местах «наикрепчайшее... подтвердить, дабы никто не дерзал... с неприятельми какой письменной или словесной пересылки и коммуникации ни под каким видом иметь», предупреждая, что ослушник «за то без всякого упущения смертью казнен будет»¹². И хотя требование это касалось, главным образом, жителей регионов, прилегающих к границам «Свеи», оно не могло не отразиться и на настроениях населения в глубине страны, способствуя росту отчуждения между пленниками и россиянами.

Однако, как бы то ни было, отношение официального Петербурга к шведам, находившимся в период войны на территории Российской империи и не отнесенным к категории «пленных», можно определить, в целом, как вполне лояльное. Это подтверждается, в частности, тем, что высочайшим указом от 13 августа 1741 г. император Иоанн Антонович гарантировал им «всемилодивейшую протекцию и защищение», одновременно потребовав от собственных подданных «шведской нации людям... никаких обид, досадительства и вреда не чинить, и имений и вещей их отнюдь не касаться, и оных не похищать, под опасением жестокого штрафа»¹³.

В пользу сказанного говорит и то, что уже в сентябре 1741 г. многие из шведов, первоначально заявлявших о своем намерении возвратиться на родину, «при высылке... объявили, что они в отечество ехать не хотят, а желают, как и прочие шведские подданные, остаться в России и присягу учинить»¹⁴. Что же касается тех, кто все-таки решился вернуться в Швецию, то, как уже говорилось ранее, сроки выдворения их из страны не устанавливались. Наконец, на лояльное отношение к «свеянам» указывает и то, что шведские предприниматели, «рудокопных дел мастера» и иные специалисты продолжали беспрепятственно въезжать в Россию (в том числе и с семьями) через третьи страны на протяжении всей войны. Выяснилось это лишь в мае 1743 года¹⁵.

В известной степени о лояльности можно говорить и применительно к военнопленным, а также представителям мирного населения, «уведенным» русскими войсками с территории Финляндии. В частности, эти лица подлежали расквартированию в регионах с относительно развитой инфраструктурой и достаточно благоприятным для них климатом, как, например, Санкт-Петербург с пригородами, Москва, Коломна, Серпухов и «низовые города не далее Казани и Симбирска». К таким тяжелым работам, как строительство портовых и фортификационных сооружений, они, практически, не привлекались (в противоположность своим соотечественникам, содержавшимся в России в период Северной войны 1700—1721 гг., и османам, плененным в ходе Русско-турецкой войны 1735—1739 гг.). Офицеры, ниж-

ние чины и иные лица, «кои из шляхетства», размещались в пределах первопрестольной «по знатным домам, которые господа в Москве сами живут». При этом русским вельможам вменялось в обязанность шведов «пищею довольствовать от себя, чтоб были без нужды, хотя с переменою («знатных домов». — *В.П.*) по несколько времени, дабы того никто за тягость себе причитать не мог, и определить к ним для содержания пристойный караул»¹⁶. Так, пленный полковник Бароль Грипенгельм поселился в доме генерал-лейтенанта Михаила Волкова, капитан Мартын Депонт — у президента Вотчинной коллегии князя Ивана Одоевского, поручик Яков Вендеман — у советника Камер-коллегии князя Григория Шаховского, сержант Михиель Гинтер — у военного советника Московской артиллерийской конторы Михаила Опочинина и т.д.

Аналогичный порядок предусматривался для вдов, а также детей военнослужащих, оставшихся без попечения родителей. К примеру, у советника Ивана Оголина был размещен малолетний сын поручика Авраам Крок и «при нем для хождения за ним солдатская жена Катрина Гиндрикова»¹⁷. Остаться в Москве первоначально изъявила желание и некая Катерина Швец Похтер. Однако через несколько дней названная вдова передумала и отправилась далее в Казань вместе с пленником, с которым она решила связать свою судьбу¹⁸.

В целях экономии средств бюджета и «уменьшения караулов» Сенат охотно передавал шведов на поруки проживавшим в России родственникам, знакомым и даже совершенно посторонним лицам. К примеру, подпрапорщик Яков Галиндер был таким образом передан его родной сестре Еве Виэнцеровой, состоявшей в браке с русским офицером. В январе 1742 г. президент Рижской обер-консистории подал на высочайшее имя челобитную «об отдаче ему... пленного шведского полковника Билштейна и притом приложил в приеме того полковника на свои поруки обязательный реверс с надлежащим подтверждением»¹⁹. В феврале 1742 г. действительный камергер барон Александр Строганов заявил о желании «содержать на своем пароле» «отданного в дом его» капитана Карла Эора с женой и ребенком, а месяц спустя брат Александра — барон Сергей Строганов — поступил таким же образом в отношении капитана Питера Крака²⁰.

Особо следует подчеркнуть, что описанное выше изменение режима военного плена касалось не только тех, «кои из шляхетства». Действующее российское законодательство предусматривало, что «ежели кого из тех пленных (шведов. — *В.П.*) похочет кто (из россиян. — *В.П.*) взять для услужения в собственное свое содержание, с такою подпискою, чтоб когда их спросят, то б их поставили, оных отдавать и с того времени на них ни денег, ни провианта из казны, тако ж и для их содержания караул уже не давать, и тем людям держать их в домах своих или в деревнях, кто где похочет внутри России, кроме Санкт-Петербурга и других остезейских мест»²¹.

В 1741—1743 гг. для пленных из числа нижних чинов впервые в отечественной истории был установлен дифференцированный подход к денежному довольствию (в зависимости от воинского звания и состояния здоровья). Так, лица рядового состава (помимо «провианта в натуре») получали в сутки 1,5 коп. (здоровые) и 2 коп. (больные). Для унтер-офицеров же эти суммы составляли 2 коп. и 3 коп. соот-

ветственно ²². (Для сравнения заметим, что в годы Северной войны «суточные» пленных нижних чинов не превышали 1 коп., а в ходе Русско-турецкой войны 1735—1739 гг. — 2 коп.). Также впервые в российской истории пленный военачальник противника (генерал-майор К.Х. Врангель) был уволен в апреле 1742 г. «на его честный пароль» «для лечения своих болезней и ран»... за границей. Характерно, что первоначально генерал должен был отправиться на год «в немецкую землю, Италию и Францию или куда он сам пожелает и к тому за насспособное место усмотрит, кроме Швеции». Однако в окончательном варианте он выехал все-таки на родину, в Швецию. Причем, в сопровождении лекаря, барабанщика и двух служителей из числа пленных «со взятием с него генерал-майора Врангеля реверса, чтоб оные по-прежнему явились с ним в Россию» ²³.

Вместе с тем, не вполне последовательная политика, проводимая Петербургом по отношению к подданным «Короны швейской», повлекла за собой и ряд серьезных просчетов в вопросах интернирования пленных. Так, вплоть до декабря 1741 г. Сенат не давал Военной коллегии никаких детальных предписаний о порядке и условиях эвакуации шведов в глубь страны, а сама Коллегия ограничивалась в этом отношении лишь минимумом распоряжений. В результате, из 948 пленных, отправленных первой военной осенью к первопрестольной без зимнего обмундирования, при недостаточном финансировании и в отсутствие какого-либо медицинского сопровождения, уже к моменту прибытия в Вышний Волочек погибло 615 чел. (или 65% от их первоначального числа), а почти половину из оставшихся в живых пришлось срочно госпитализировать (149 чел.) ²⁴

Лишь столкнувшись со столь чудовищным уровнем смертности, Сенат потребовал от Военной коллегии объяснений: «каким случаем отправленных из Санкт-Петербурга в Москву... пленных много померло?» и непосредственно возглавил соответствующую организационно-распорядительную деятельность. В результате, больных шведов, наконец-то, отделили от здоровых, а офицеров — от рядовых. Штатс-контора предоставила дополнительные средства, которые позволили улучшить питание пленников и закупить для них обувь и овчинные тулупы. Из первопрестольной в Вышний Волочек были срочно направлены лекарства и врач, дабы выяснить, «не имеется ль у них (шведов. — *В.П.*) какой опасной к размножению болезни». Всех здоровых Сенат предписал срочно эвакуировать в Москву, «разверстав по умеренному числу на разные колонны и весть добрым порядком без всяких озлоблений с надлежащим покоем и довольством и на станциях квартиры отводить им удобные, чтоб никто никакой нужды терпеть не имел» ²⁵.

Описанные драматические события, «по счастью», привлекли внимание властей и к тем шведам, которые еще оставались в столице. Как выяснилось, «из содержащихся в Санкт-Петербурге и Синявине [в] батальоне на квартирах пленных число больных умножается ж и многие помирают». Сенат немедленно поставил вопрос о приостановке эвакуации, а также о госпитализации больных и направлении к ним «из Медицинской канцелярии кого по рассмотрению надлежит. И ежели у тех больных явятся какие опасные болезни, то оные не можно ль чрез пользование чем отвратить, изыскивая к тому удоб-

ные способы?» (К слову заметим, что подозрения на наличие у шведов какого-либо эпидемиологического заболевания не подтвердились. Однако никаких данных о поставленных им диагнозах нам также обнаружить не удалось. Врачи, осматривавшие больных, лишь отмечали, что из пленных только «малое число в горячке... больше одержимы поносом и животом и ноги пухнут»²⁶).

К сказанному необходимо добавить, что пленным шведам была строжайше запрещена переписка с родиной, хотя в 1735—1739 гг. аналогичная переписка турок не только прямо предусматривалась отечественными правовыми установлениями, но и всячески поощрялась.

Отдельного внимания заслуживает внезапный и стремительный перевод в мае 1742 г. из Москвы в Серпухов и Коломну всех плененных офицеров и лиц, «кои из шляхетства»²⁷. Мотивы такого решения (принятого, кстати, лично Елизаветой Петровной) остаются не вполне ясными. Н.С. Шпилевская объясняла этот шаг тем, что один из пленников — «хвастун граф Васаборг» — позволил себе дерзкие суждения «о правительстве и народе русском»²⁸. Правда, по нашим данным, подполковник граф Васаборг (Вазенбург) был возвращен из Москвы в столицу еще в январе 1742 года²⁹. Однако, как бы то ни было, указанный перевод имел для пленных достаточно тяжелые последствия, поскольку, с одной стороны, в Серпухове и Коломне их размещали уже не «по знатым домам», а по обывательским квартирам, а с другой — тут же выяснилось, что денежное содержание для шведских офицеров Петербург просто не предусмотрел (хотя несколькими годами ранее «суточные» турецких офицеров составляли у нас от 4 до 6 коп., не говоря уже о том, что российская казна нередко предоставляла им еще и обеспеченные векселем займы в размере до 100 руб. и выше).

Если прибавить к сказанному, что, будучи лишенными права переписки, пленные не могли получить деньги из Швеции, а многие россияне, памятуя о зловещих угрозах собственного правительства, категорически отказывали им в любой помощи, положение, в котором оказались шведские офицеры, трудно назвать иначе, как драматическим.

Выходили они из этого положения по-разному. Расквартированные в Серпухове, в конечном итоге, смогли получить деньги под вексель в Москве³⁰. Что же касается оказавшихся в Коломне, то 16 сентября 1742 г. Коломенская воеводская канцелярия предложила Военной коллегии выдать особо нуждающимся в долг от 12 до 30 руб. (всего 132 руб.), «понеже ныне к ним (шведам. — *В.П.*) в присылке из домов их ничего не имеется, а ныне им заимообразно получить на пропитание неоткуда, и принуждены они помирать голодом». Кроме того, Сенату пришлось, в виде исключения, разрешить «коломенским шведам» получить деньги с родины под вексель при условии, что вся переписка по данному вопросу будет идти через Военную коллегию³¹.

Однако решения такого рода, конечно же, не исчерпывали проблемы. К примеру, в ноябре 1742 г. интернированный в Серпухов прапорщик Гиндрих Иоган фон Кнорринг обратился с челобитной прямо на высочайшее имя «в нижайшем надеянии на щедрое ее императорского величества милосердие». В челобитной прапорщик, наряду с прочим, сообщал, что в настоящее время у него «ничего не

осталось, чем бы свое тело прикрыть, також пропитание иметь», и он вынужден «как нищий подаванием милостивых людей мизерно пробавляться». Жалоба, очевидно, была признана обоснованной, так как Военная коллегия определила «оному прапорщику для его бедности и что своей одежды не имеет дать из главного комиссариата из старых отборных кафтан, камзол и штаны, какие сыщутся получше», а Сенат распорядился «показанному пленному прапорщику для его бедности и содержания дать из штатс-конторы денег 20 руб.»³²

Несравненно больше внимания в рассматриваемый период Петербург уделял вопросу привлечения шведских пленников на русскую службу, а в более широком смысле — мерам, направленным на то, чтобы склонить этих людей остаться в России — пусть и не навсегда, но на продолжительное время. Причем есть серьезные основания полагать, что на протяжении всей войны данный вопрос оставался для российских властей одним из ключевых. Так, еще Кабинет Министров в резолюции от 12 октября 1741 г. предписывал «пленных шведских солдат и прочих людей, которые в Российской империи остаться и в военную службу вступить желают», приводить в Санкт-Петербурге к присяге на верность (но не на подданство) России и эвакуировать, отдельно от прочих пленников, в Москву, где «уже их действительно в службу определить, и учиня еще и подтвердительную присягу... отправить в отдаленные команды и полки, стоящие кроме польской и турецкой границ,... снабдя их мундиром и прочими потребностями с таким определением, чтоб они довольны быть могли»³³.

Несколько иной подход наблюдался в отношении пленных из числа гражданских лиц «всякого звания и ремесла, которые в Российской империи остаться и жительство иметь желают». Им предлагалось присягнуть не только на верность, но и на подданство, а «по приводе в Москву» конторе Сената предписывалось их «на волю отпустить и к жительству им удобные места в Москве или где кто пожелает показывать (кроме остезейских мест) и всякие им льготы или к пропитанию способности для лучшего их поощрения учинить; буде же из них кто у кого и службу принять похочет, в том дать волю; а кто их к себе примет, держать во услугах, не чиня никакого принуждения и укрепления»³⁴.

Впрочем, режим содержания пленников последней категории мог быть смягчен, даже если они и уклонялись от присяги на подданство. К примеру, в январе 1742 г. предприниматель из Вильмандстранда Нильс Сидерман, согласившийся присягнуть лишь на верность России, по собственному желанию был оставлен в первопрестольной и причислен к московскому купечеству. Однако в большинстве случаев от шведов не требовалось ни присяги, ни даже поручительства третьих лиц. Желавшие остаться в Москве давали только подписку о невыезде и обязательство не иметь «с неприятелем ее императорского величества никакой корреспонденции», подкрепленные их «честным паролем». После этого они получали от конторы Сената паспорта «для свободного им жития». Причем россиянам вменялось в обязанность, наряду с прочим, «объявлять в полицию», «где они жить будут на квартире»³⁵.

В целом же, поиск лиц, желающих остаться в России в том или ином качестве, производился и на общем тыловом сборном пункте военнопленных (в Санкт-Петербурге), и на распределительном пун-

кте (в Москве), и в местах интернирования. При этом «пленным, вступившим в службу ее императорского величества, також и оставшимся в России на своем пропитании», выплачивалось единовременное денежное вознаграждение в размере 3 руб. для первых и 2 руб. для вторых ³⁶.

Однако, несмотря на все перечисленное, рассматриваемый процесс развивался, что говорится, «с переменным успехом». Например, из группы шведов в количестве 25 чел., представленных в Москве сенатской конторе 14 декабря 1741 г. и тут же опрошенных на предмет, желают ли они «быть в службе ее императорского величества в России или у кого здесь во услужении», все дали ответ, что «того учинить не желают». В то же время из упомянутой выше партии пленных в составе 948 чел. о желании поступить на русскую службу еще в Петербурге заявил 71 чел. или 7,5% от их общего числа ³⁷.

В контексте рассматриваемого вопроса отдельного внимания заслуживают шведские подданные из числа этнических финнов, тем более, что уже с весны 1742 г. Сенат, да и сама императрица, стали проявлять к ним повышенный интерес. Последний детерминировался активизацией политики, направленной на отделение Финляндии от Швеции, подкрепленной успехами российского оружия. В качестве основных проявлений названной политики считаем необходимым обратить внимание на следующее:

а) 18 марта 1742 г. Елизавета Петровна подписала Манифест Княжеству Финляндскому, в котором его населению предлагалось не противодействовать русским войскам и не оказывать помощь шведской армии в обмен на возможное содействие со стороны Российской империи в обретении Финляндией государственного суверенитета ³⁸;

б) Петербург гарантировал неприкосновенность имущества шведских подданных в Финляндии (в том числе и недвижимого), вне зависимости от участия или неучастия его владельцев в борьбе с Россией;

в) все жители Княжества, желающие перейти в российское подданство, не подлежали военному плену (освобождались из плена) «и по учинению ее императорскому величеству... присяги» должны были быть фактически демобилизованы и «с паспортами отпущены в дома их» ³⁹. При этом они на один год оставались свободными «от всякого принуждения по неволе их в какую-либо службу» ⁴⁰.

Однако, по мнению некоторых исследователей, перечисленные меры не оправдали возлагаемых на них надежд. В частности, Н.С. Шпилевская считает, что финны «остались верны долгу и чести, и не вняли обольстительным предложениям русских, обещавших им сделать Финляндию отдельным герцогством, если она не будет враждебно действовать против России» ⁴¹. Мы со своей стороны полагаем, что приведенная точка зрения верна лишь отчасти. Действительно, финны довольно активно сопротивлялись русским войскам, порой даже активнее шведов. Так, 9 марта 1742 г. в ходе боя в одном из сел близ Нейшлота было пленено 74 «мужика, которые ружья имели», и лишь 29 военнослужащих. В другом донесении от 28 марта того же года сообщалось о пленении семи «мужиков, кои с ружьем противились», и только одного солдата и т.д. ⁴² В качестве примера иного рода можно сослаться на то, что в ноябре 1742 г. все пленные финны, расквартированные в Казани (80 чел.), отказались от перехода в российское

подданство и предпочли возвращению домой «казенные работы», в которых их было велено «по-прежнему... употреблять». Причем даже попытка взять у этих людей письменные отказы окончилась неудачей, так как пленники «объявили, что они подписываться не будут»⁴³.

В то же самое время практически все финны, содержащиеся в Коломне и Серпухове (175 чел.), охотно приняли присягу на подданство России и пожелали, в основном, вернуться на родину⁴⁴. (Правда, здесь следует учитывать то обстоятельство, что в последнем случае речь идет преимущественно о лицах, «кои из шляхетства», тогда как в списках «казанских финнов» мы не обнаружили ни одного, чье воинское звание было бы выше «капрала»). Еще более убедительными выглядят результаты капитуляций Нейшлота, Гельсингфорса и иных крепостей (укрепленных пунктов) в августе 1742 г., когда свыше 7 тыс. финнов целыми полками присягали на подданство Елизавете Петровне и возвращались к местам своего постоянного жительства⁴⁵.

Определенную роль в успехе рассматриваемой политики играло и то, что российский законодатель эпизодически расширял круг льгот и преимуществ, предусмотренных для «финских жителей». Так, пленным офицерам, возвращавшимся на родину, выдавалось единовременное денежное пособие в размере 30 руб. для капитанов, 20 руб. для поручиков и 15 руб. для прапорщиков⁴⁶; желавшие поступить на русскую службу охотно принимались на нее «теми же чинами» (хотя и с последующим направлением «в дальние гарнизоны»). Причем последнее распространялось даже на офицеров с выслугой до 30 лет., то есть явно «предпенсионного» возраста⁴⁷. Не были обойдены вниманием и нижние чины. К примеру, 12 декабря 1742 г. Елизавета Петровна «изволила указать пленным шведским унтер-офицерам и рядовым и женам их 172 человекам, которые отпущены в Финляндию, отпустить от Главной дворцовой канцелярии говядины или ветчины по 4 фунта, масла чухонского по фунту на каждого человека, давая им обще крупы толстые грешневые и овсяные по одной четверти»⁴⁸.

Завершая анализ исследуемой проблемы, необходимо отметить, что по нашим оценкам этнические финны могли составить не менее 60 % (или около 1 800 чел.) от общего числа пленников, интернированных в Россию. При этом до 500—600 чел. из них, вероятно, относились к категориям «женщины» и «дети». Расквартировывались финны из числа гражданских лиц отчасти в Тверской ямской слободе Москвы, но главным образом — близ Петербурга, где трудились в дворцовых конюшенных вотчинах и мызах, получая на свое содержание «провиант против солдатских дач» и «кормовые поденные деньги» в размере: мужчины и женщины — по 1,5 коп., а дети — по 1 копейке⁴⁹.

Нельзя также обойти молчанием и тот факт, что международно-правовой принцип взаимности в обращении с военнопленными не получил в исследуемых хронологических рамках сколько-нибудь заметного развития. Один из немногих (если не единственный) примеров такого рода относится к частичному обмену пленниками, имевшему место в период трехмесячного перемирия, заключенного воюющими в декабре 1741 года. Тогда российскими властями было обращено внимание на то, что «с шведской стороны нашим пленным при отпуске дан новый мундир и денег каждому человеку без мала по 2 руб.». Сенат не остался в долгу и 31 января 1742 г. потребовал от генерал-

фельдмаршала П.П. Ласси шведским репатриантам «платье и обувь искупить, какое сыскаться может, чтоб по нынешней зиме нужды не имели, а на дорожный проход дать им денег, сколько по рассмотрению Вашему надлежит, применяясь к тому, чтоб они перед российскими из Швеции отпущенными пленными обижены не были»⁵⁰.

Политика Петербурга в отношении подданных противника в период Русско-шведской войны 1741—1743 гг. отличалась как прогрессивными нововведениями (например, дифференцированный подход к денежному содержанию больных и здоровых, размещение офицеров «по знатым домам» и др.), так и глубокими просчетами, в первую очередь, в вопросах эвакуации военнопленных, а также их вещевого, финансового, медицинского и, отчасти, квартирного обеспечения. В то же время этой политике нельзя отказать в известной гибкости и поливариативности, позволявшим проводить ее с учетом статусных, этнических, гендерных, возрастных и иных характеристик пленных, что в целом обеспечило приемлемые условия их интернирования в России.

Примечания

1. Манифест об объявлении войны был подписан в Стокгольме 24 июля и обнародован, по разным данным, в промежутке времени от 25 до 28 июля 1741 года.
2. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 846, оп. 16, д. 1622, л. 313—316, 366—368.
3. ШПИЛЕВСКАЯ Н.С. Описание войны между Россией и Швецией в Финляндии в 1741, 1742 и 1743 годах. СПб. 1859, с. 76, 118, 120, 122, 124.
4. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 248, оп. 3, д. 503, л. 220об.
5. Там же, л. 582—583.
6. Там же, л. 107—108, 110—111.
7. ПСЗ-1, т. XI, № 8433, 8452.
8. РГАДА, ф. 248, оп. 3, д. 503, л. 148.
9. Там же, л. 655—659.
10. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1329, оп. 1, д. 66, л. 49.
11. Там же, д. 71, л. 109.
12. Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ), ф. 212, оп. Указы, д. 12, л. 116.
13. ПСЗ-1, т. XI. № 8433.
14. Там же, № 8452.
15. РГИА, ф. 1329, оп. 1, д. 71, л. 109.
16. РГАДА, ф. 248, оп. 3, д. 503, л. 70.
17. Там же, оп. 7, д. 418, л. 535—538.
18. Там же, оп. 3, д. 503, л. 65—66.
19. Там же, ф. 248, оп. 3, д. 503, л. 207—208.
20. Там же, оп. 7, д. 418, л. 549—550.
21. Там же, оп. 3, д. 503, л. 70—71.
22. Там же, л. 107—108.
23. Там же, л. 258—260.
24. Там же, л. 71, 87—88, 95—96, 102.
25. Там же, л. 89, 94, 104, 106—108, 110, 113об.
26. Там же, л. 103, 105, 116.
27. Там же, л. 262—264, 267, 272.

28. ШПИЛЕВСКАЯ Н.С. Ук. соч., с. 84—85.
29. РГАДА, ф. 248, оп. 3, д. 503, л. 192, 194, 197.
30. Там же, л. 582—583.
31. Там же, л. 589, 591.
32. Там же, л. 629—631.
33. Там же, л. 69—70.
34. Там же, л. 70.
35. Там же, оп. 7, д. 418, л. 540; оп. 3, д. 503, л. 65.
36. РГВИА, ф. 39, оп. 1, д. 148, л. 4.
37. РГАДА, ф. 248, оп. 3, д. 503, л. 71, 88, 102.
38. ОРДИН К.Ф. Покорение Финляндии. Опыт описания по неизданным источникам. Т. I. СПб. 1889, с. 83; Приложение, с. 23—26.
39. ПСЗ-1, т. XI, № 8667; РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 1622, л. 366—368.
40. РГАДА, ф. 248, оп. 3, д. 503, л. 585—586; РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 1622, л. 315—316.
41. ШПИЛЕВСКАЯ Н.С. Ук. соч., с. 50.
42. Там же, с. 122, 124.
43. РГАДА, ф. 248, оп. 3, д. 503, л. 639—640, 643.
44. Там же, л. 601—605, 607.
45. РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 1622, л. 313—316, 366—368; РГАДА, ф. 248, оп. 3, д. 503, л. 594—595.
46. ПСЗ-1, т. XI, № 8667.
47. Там же, № 8635.
48. РГИА, ф. 466, оп. 1, д. 58, л. 184.
49. РГАДА, ф. 248, оп. 3, д. 503, л. 280.
50. Там же, л. 229—231.

Политика СССР в отношении Северной Кореи в 1945—1946 гг.

Ки Кван Со

Разделение Кореи вдоль 38-й параллели, начало которому было положено вступлением советской и американской армий в августе-сентябре 1945 г. на территорию Корейского полуострова, сохраняется до сих пор. Раскол Кореи следует рассматривать как одно из проявлений начавшейся во второй половине 1940-х гг. «холодной войны». В этом смысле главную ответственность за разделение страны, на мой взгляд, несут великие державы — США и СССР — содействовавшие формированию в зонах своей военной ответственности таких общественно-политических систем, которые отвечали бы их собственным ценностям ¹.

Темой настоящей публикации является политика СССР в отношении Северной Кореи в 1945—1946 годах. Научное исследование данного периода представляется важным для определения причин раскола Кореи и понимания истоков формирования современной политической системы КНДР.

С освобождением Кореи повсеместно стали стихийно возникать автономные органы власти — народные комитеты — организованные с целью поддержания общественного порядка и управления жизнью народа. Советская армия, дислоцированная к северу от 38-й параллели, поддерживала образование таких комитетов и их деятельность ².

Руководство Советской армии неоднократно встречалось с местными корейскими коммунистами. В период японского господства многие лидеры корейского коммунистического движения прошли учебу в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ) и других высших учебных заведениях СССР, после чего были отправлены Коминтерном в Корею для продолжения революционной борьбы. Со второй половины 1930-х гг. многие коммунисты были брошены в тюрьмы или ушли в подполье, но были и такие, которые пошли на компромисс с японцами.

Ки Кван Со — профессор университета Чосон. Республика Корея.

После освобождения страны возросла политическая активность местных общественных организаций, особенно левых групп, называвших себя коммунистами. По их мнению, Корея должна была идти по пути «буржуазно-демократической революции». Видный корейский коммунистический лидер Пак Хонён в «Августовских тезисах» (1945 г.) заявил об этом сразу после освобождения страны ³. 15 сентября 1945 г. в Северной Корее провинциальный народный комитет объявил, что «современной стадией корейской революции является капиталистическая революция, права на частную собственность должны быть признаны» ⁴. Напротив, некоторые корейские коммунисты настаивали на немедленной реализации социалистической революции в стране, однако следует признать, что леворадикальная линия не пользовалась поддержкой большинства коммунистического движения Кореи.

Политорганы Советской армии также пытались решительно пресекать подобные леворадикальные настроения. Например, в Пхеньяне удалось убедить местных коммунистов заниматься только пропагандистско-воспитательной работой и помогать военному коменданту в поддержании порядка ⁵.

20 сентября 1945 г. И.В. Сталин направил советским представителям в Северной Корее директиву, в которой излагалось общее направление политики СССР в отношении этой страны. Директива предписывала установление буржуазно-демократической власти на базе широкого блока всех антияпонских демократических партий и организаций ⁶. Это предписание можно трактовать как курс на формирование политической системы на основе коалиции коммунистов и антияпонских националистов на буржуазной стадии революции в Корее. Хотя еще раньше Корейская коммунистическая партия во главе с Пак Хонёном поддерживала идею буржуазно-демократической стадии революции в Корее, наличие директивы Сталина сыграло решающую роль в утверждении данной идеи как единственно верной.

Следует отметить, что Сталин никогда не выступал за установление буржуазно-демократической власти на территории какой-либо страны Восточной Европы, куда Советская армия вступила во время второй мировой войны. Это было сделано исключительно применительно к Северной Корее.

К началу сентября 1945 г. Военный Совет ПВО ⁷ уже дал указания об упорядочении работы военных комендатур, о регистрации ими всех политических партий и организаций, о роспуске прояпонских и антинародных организаций ⁸. Для советской стороны «прояпонский» характер деятельности той или иной организации стал основным критерием определения ее политической надежности. Но в силу различных обстоятельств, довольно сложно было определить четко, кто являлся корейским коллаборационистом, а кто нет. В условиях нехватки национальных управленческих кадров были случаи, когда даже коммунисты привлекали сторонников Японии в органы власти ⁹.

3 октября 1945 г. советское руководство сформировало аппарат советской гражданской администрации в Северной Корее в целях руководства политической и экономической жизнью страны. Его воз-

главил генерал-майор А.А. Романенко, член военного совета 35-й армии, который с группой офицеров прибыл в Пхеньян во второй половине сентября 1945 года¹⁰. По сравнению с Восточной Германией, где была создана советская военная администрация (СВАГ)¹¹, советское руководство в Северной Корее предпочло создать орган «гражданской администрации» вместо «военной». Это еще раз подтверждает, что положение Северной Кореи во внешнеполитической стратегии СССР во многом отличалось от Восточной Германии. Сотрудники Управления советской гражданской администрации под общим руководством генерал-полковника Т.Ф. Штыкова помогали только что возникшим корейским органам власти — народным комитетам — в проведении разных мероприятий в Северной Корее. Как член военного совета Приморского военного округа Штыков не ограничивался только выполнением указаний Москвы, но и сам разработал важные проекты решений и конкретные рекомендации по Корее. Позже начальник Управления советской гражданской администрации Н.Г. Лебедев отметил, что «ни одно мероприятие не проходило тогда в Северной Корее без его участия, независимо от того, был ли он в это время в Корее, в штабе округа или в Москве»¹². Связь между Управлением и центральными ведомствами СССР осуществлялась, как правило, через Наркоминдел СССР. О политической обстановке в стране информировал Москву также аппарат политсоветника при командовании советскими войсками в Северной Корее¹³.

Советская военная власть оказывала всемерную помощь корейским коммунистам не только на севере, но и на юге Кореи.

В течение некоторого времени в Южной Корее сосуществовали две фракции Компартии: «группа реконструкции» (чэгонпха) и «Сталинская группа» (Чананпха, по названию здания, где располагался главный офис группы). Группа реконструкции во главе с Пак Хонёном занимала позицию с установкой на буржуазно-демократический характер революции в стране. В отличие от нее, «Сталинская группа» во главе с Ли Ёном считала вторую мировую войну классовою, то есть войной между социализмом и капитализмом. Члены данной группы утверждали, что Корея может сразу перейти к пролетарской революции, и Коммунистическая партия должна находиться на нелегальном положении¹⁴.

Советское военное руководство без особых колебаний признало ЦК Компартии Кореи во главе с Пак Хонёном единственным органом, осуществлявшим руководство коммунистическими организациями всей Кореи. Штыков указал Пак Хонёну укрепить свой аппарат наиболее опытными и проверенными партийными кадрами, а также оставить местом пребывания ЦК Компартии Кореи Сеул¹⁵. В свою очередь, ЦК Компартии Кореи просил советское руководство урегулировать с американским командованием вопрос о легализации работы ККП в Южной Корее и дать указания о том, как вести работу, чтобы не вызвать осложнений между СССР и США¹⁶.

С точки зрения советской стороны, в деятельности коммунистов Северной Кореи имелось много недостатков. Им не хватало четкой программы партии и подготовленных руководящих партийных кадров. При этом некоторые коммунисты механически копировали тактику большевистской партии без учета реальной обстановки в Корее.

По словам Штыкова, ошибочная линия коммунистов Северной Кореи привела к тому, что до последнего времени компартия была единственной легальной партией, а демократические группы ушли в подполье ¹⁷.

Как Советское руководство относилось к Ким Ир Сену, служившему в Советской армии во время второй мировой войны? На самом деле, как командир корейского партизанского отряда в Маньчжурии, Ким Ир Сен пользовался известностью в широких слоях корейского народа, и это дало ему возможность занять руководящий пост в освобожденной Корее. С 1941 по 1945 г. он был командиром батальона 88-й Особой бригады Советской армии в районе Хабаровска. Согласно мемуарам Ким Ир Сена, еще до вступления СССР в войну с Японией он контактировал с К.А. Мерецковым (командующим 1-м Дальневосточным фронтом), Штыковым и другими, а непосредственно накануне войны посетил Москву, где встретился с самим А.А. Ждановым ¹⁸. Признавая популярность Ким Ир Сена среди народных масс, советская сторона сразу решила опереться на него для реализации своей политики в Корее. При этом советское руководство считало его самым надежным деятелем, способным защищать интересы СССР после ухода Советской армии из Северной Кореи. Американцы в противовес Ким Ир Сену привезли с Гавайских островов известного корейского эмигранта Ли Сын Мана ¹⁹.

Советское руководство активно поддержало создание Северо-корейского Оргбюро ЦК Компартии, в которое вошли Ким Ир Сен и другие политические лидеры (Ким Енбом, О Гисеп). 13 октября 1945 г. в Пхеньяне состоялось заседание оргкомитета Компартии провинций Северной Кореи, на котором было избрано Оргбюро из 17 человек с подчинением ЦК Компартии Кореи в Сеуле ²⁰. На первых порах Оргбюро выполняло распоряжения и указания с Юга, но по мере изменения ситуации в Корее стало практически самостоятельной коммунистической организацией Северной Кореи.

Какими были отношения между корейскими коммунистами и Советским Союзом? Были ли корейские коммунисты всего лишь советскими ставленниками, как это обычно утверждается в западной литературе? Мы можем привести один пример, чтобы объяснить это. 14 ноября 1945 г. Штыков встретился с Ким Ир Сенем. В беседе тот потребовал от Штыкова решить следующие вопросы: 1) разрешить выехать в Москву одному стороннику Пак Хонёна и двум представителям Северной Кореи для консультации с ЦК ВПК(б) о будущем страны и задачах коммунистов в сложившейся обстановке; 2) прислать из СССР 1500 человек корейцев, знающих корейский язык, для оказания помощи в работе Коммунистической партии и народным комитетам провинций; 3) разрешить образовать общество культурных связей с Советским Союзом; 4) разрешить организовать при уездных комитетах компартии молодежные политические школы, в которых бы изучалось военное дело ²¹. Ким Ир Сен сослался на то, что американцы в Сеуле создали для корейцев офицерскую школу ²².

После освобождения Кореи находившийся в Пхеньяне видный корейский националист Чо Мансик занял пост председателя Народно-политического комитета (Народного комитета) провинции Южная Пхёнан. Руководство Советской армии отнеслось к Чо Мансику отрицательно. Начальник 7-го отдела Политуправления 1-го Дальне-

восточного фронта подполковник Меклер отмечал, что перед капитуляцией Японии для местных органов самоуправления были подобраны прояпонски настроенные люди, среди которых был и председатель Народного комитета Чо Мансик²³. Он представлял собой самую влиятельную фигуру в политической сфере Северной Кореи, без которой сложно было бы представить реализацию буржуазно-демократической революции.

8—12 октября 1945 г. командование 25-й армии созвало совещание представителей народных комитетов провинций Северной Кореи для обсуждения мер по налаживанию политической и экономической жизни страны²⁴. Командующий 25-й армией И.М. Чистяков повторил содержание директивы Сталина, заверив присутствовавших, что Советская армия «окажет вам помощь в создании буржуазно-демократической власти, выражающей интересы и чаяния всего корейского народа». Далее он отметил, что и корейский крестьянин, и помещик, и рабочий, и промышленник, и купец — все должны пользоваться правом обсуждения вопросов строительства нового корейского государства²⁵. Упоминание Чистяковым промышленников и землевладельцев подтверждало твердость намерения советской стороны следовать буржуазно-демократической линии. В конце совещания было подчеркнуто, что Красная армия не преследует цели введения советских порядков в Корею и захвата корейской территории²⁶.

Надо отметить, что после этого совещания советская сторона пыталась образовать центральный орган власти в Северной Корею. С точки зрения Советского Союза, укрепление политической системы в Северной Корею было необходимо для того, чтобы добиться лучших позиций в конкуренции с США по созданию корейского государства. К концу октября 1945 г. сотрудник НКВД Я.А. Малик просил «санкционировать создание в Пхеньяне временного корейского центрального органа гражданского самоуправления шестью провинциями Северной Кореи»²⁷. Очевидно, что советское руководство предусматривало выдвижение Чо Мансика в качестве председателя центрального органа власти. Но он отказался занять этот пост, выступая за образование единого независимого правительства в масштабах всей страны²⁸. В результате советская сторона смогла организовать лишь 10 административных департаментов, осуществлявших в рамках своих полномочий функции органов центральной власти без их председателя.

Между тем, 19 октября 1945 г. состоялось организационное собрание по созданию Демократической партии под руководством Чо Мансика. Следует отметить, что в нем участвовали Ким Ир Сен и его близкий коллега Ким Чхэк. На собрании было принято название Демократическая партия Кореи (Чосон минджу дан) по предложению Ким Ир Сена и Чо Ман Сика²⁹. Ким Чхэк вошел в комиссию по составлению программы, устава и декларации партии. Это свидетельствует о том, что коммунистическая сторона играла важную роль в образовании партии националистов — Демократической партии. 3 ноября 1945 г. на собрании выступил представитель Компартии Лим Чхунху с речью, в которой подчеркнул, что Компартия вместе с Демократической партией работает над будущим демократическим устройством Кореи³⁰. Чхве Ёнгон, соратник Ким Ир Сена, стал заместителем председателя партии.

Таким образом, в течение первых нескольких месяцев после освобождения Кореи сохранялось сотрудничество между северокорейскими коммунистами и националистами, хотя некоторые сторонники Чо Мансика были не согласны с политикой поддержки коммунистов и, как следствие, бежали на Юг.

25 декабря начальник Главного политического управления Красной армии генерал-полковник И. Шикин отметил сложность ситуации в Северной Корее. Указав, что «линия, рассчитанная на создание в Северной Корее буржуазно-демократической власти, проводилась недостаточно решительно», Шикин обратил внимание на необходимость централизации власти на территории Северной Кореи и передачи ее в руки корейских демократических деятелей, проведения в ближайшее время аграрной реформы и т.д. Шикин также доложил о корейских национальных кадрах, таких как Ким Ир Сен, Пак Хонён и Чо Мансик, указывая при этом, что политическая позиция Чо Мансика по отношению к СССР еще не определена³¹. Это означало, что на тот момент времени кандидатура лидера Северной Кореи не была окончательно определена. Хотя Чо Мансик практически не сотрудничал с советской стороной, в целях усиления единого фронта, развития связей с американской оккупационной зоной выдвижение его на роль лидера Северной Кореи было крайне желательно.

Советская сторона составляла характеристики на корейских политических деятелей. Следует отметить, что их отношение к коммунизму не всегда был преобладающим критерием оценки: главным считалось мнение о Советском Союзе.

Еще до освобождения Кореи Соединенные Штаты планировали применение к ней режима международной опеки. Сталин согласился с таким планом при условии участия в нем СССР. Между тем, для Советского Союза лучше было бы быстрее восстановление национальной независимости страны, поскольку на тот момент левые силы превосходили правые и речь могла идти о создании просоветского правительства в Корее, обеспечивавшего интересы Советского Союза на Дальнем Востоке.

Еще до Московского совещания, принявшего решение по Корее, предусматривающее введение режима опеки, советское руководство получило информацию о том, что «все партии, в том числе и коммунистическая, через печать и листовки проводят агитацию среди населения за быстрее воссоединение Кореи в единое целое, создание самостоятельного корейского правительства и недопущение опеки над Кореей со стороны других государств»³².

27 декабря 1945 г. на Московском совещании министров иностранных дел СССР, США и Великобритании было достигнуто соглашение по вопросу о Корее, по которому в стране должно было быть создано Временное корейское демократическое правительство. Для содействия его образованию предусматривалось учредить Советско-американскую совместную комиссию. На совещании также было принято решение о введении опеки над Кореей на срок до 5 лет³³.

Во время Московского совещания советская сторона выдвинула ряд своих предложений по Корее. Главный тезис состоял в том, чтобы сформировать Временное корейское демократическое правительство. Советское руководство полагало, что, в первую очередь, это со-

здаст благоприятные условия для обеспечения государственных интересов СССР.

После сообщения о решениях Московского совещания по Корее левые силы страны выступили против введения режима опеки. Однако чуть позже, видимо, убежденные советской стороной, они заявили следующее: «Мы должны правильно разъяснить всему корейскому народу истинный смысл решения Московского Совещания трех министров иностранных дел, которое имеет безусловно прогрессивный характер ...Если мы добьемся установления полного национального единства в деле строительства государства, то этот срок может быть даже сокращен, следовательно, это зависит от нас самих»³⁴. Слово «опека» левые понимали как помощь со стороны могущественных государств, прежде всего СССР и США.

Правые силы во всей Корее выступили резко против опеки и пытались укрепить свои силы путем организации движения борьбы с опекой среди населения. Его возглавили известные националистические деятели Юга Ли Сын Ман и Ким Гу, стремившиеся консолидировать правые силы и приобрести массовую политическую поддержку.

В Северной Корее руководство Демократической партии также не поддержало решение Московского совещания, сохранив сотрудничество по вопросу опеки с южнокорейскими националистическими силами. Известно, что коммунистическая сторона не раз пыталась убедить Чо Мансика в необходимости пересмотра его взглядов на опеку и решение Московского совещания, но он отказался³⁵. Когда Чо Мансик промолчал о Московском решении, советская сторона резко изменила свое отношение к нему. «Убежденный корейский националист Чо Мансик — настроен антикоммунистически. Внешне поддерживает советское командование, а на деле проводит скрытый саботаж против расширения и укрепления связей и дружбы корейского народа с Советском Союзом. Не заслуживает нашего доверия»³⁶, — такая позиция советского военного руководства, очевидно, стала основной причиной, по которой Чо Мансик вскоре после Московского совещания исчез с политической арены Северной Кореи³⁷.

Советские военные власти негативно восприняли действия корейцев, направленные против опеки, поскольку, во-первых, решение Московского совещания в его окончательном виде практически было составлено и принято на основе предложений Советского Союза. Во-вторых, СССР, по-видимому, надеялся, что выполнение решения совещания обеспечит благоприятные условия для достижения его стратегических целей на Корейском полуострове, включая установление дружественного к СССР правительства. В феврале 1946 г. заместитель Демократической партии Чхве Енгон стал председателем Демократической партии вместо Чо Мансика. Это было символическое событие, означавшее поражение националистических сил в Северной Корее.

После Московского совещания Советское руководство вынуждено было отойти от ранее провозглашенного курса на установление буржуазно-демократической власти в Корее. Причины изменения политической линии в отношении Северной Кореи были связаны с победой в Восточной Европе народно-демократической линии над

буржуазно-демократической³⁸. Обе эти линии выражали единый подход в вопросе сотрудничества коммунистов с националистами. Но если буржуазно-демократическая линия предусматривала формирование предельно широкого единого фронта с включением в него национальной буржуазии и иных имущих классов, то народно-демократическая подчеркивала гегемонию Коммунистической партии.

Сторонники борьбы с опекой и руководители правых сил, такие как Ли Сынман, Ким Гу и Чо Мансик, были объявлены анти-демократическими и фашистскими элементами. В прессе развертывались систематические кампании, направленные против них. Сложившаяся обстановка привела к монополии власти Компартии во главе с Ким Ир Сенем в политической и социальной жизни Северной Кореи.

Советская сторона считала, что введение опеки — это «меры помощи и содействия политическому, экономическому и социальному прогрессу корейского народа»³⁹, обеспечивающие условия быстрого национального возрождения и воссоздания независимого корейского государства на демократических началах. В проекте речи Штыкова, подготовленном к началу заседаний Совместной советско-американской комиссии отмечалось: «Опека, между прочим, нужна еще и для того, чтобы оградить корейский народ от происков такого рода людей, которые стремятся оставить корейский народ один на один с японскими элементами и их реакционными пособниками, имеющими своей целью сорвать дело создания и утверждения демократического строя в Корее»⁴⁰.

Цель Советского Союза в совместной советско-американской комиссии, образованной в феврале 1946 г., заключилась в создании Временного корейского демократического правительства, которое было бы просоветским. Введение опеки служило достижению этой цели.

В феврале 1946 г. коммунистическая сторона образовала центральный орган власти — Временный народный комитет Северной Кореи во главе с Ким Ир Сенем. Данный орган создавался для реализации радикальных реформ, имеющих целью укрепление «демократической базы» в Северной Корее и завоевание гегемонии левых сил во всей Корее.

В марте 1946 г. в Северной Корее была проведена земельная реформа, которая характеризовалась методом «безвозмездной конфискации и бесплатной раздачей земли».

В ноябре 1946 г. прошли выборы в народные комитеты. Каждой партии и общественной организации предоставлялось право выдвигать общего кандидата. Для сравнения скажем, что в странах Восточной Европы выборы проходили по принципу конкуренции между партиями.

В конечном счете, получилось, что политическая система Северной Кореи стала формироваться по советскому образцу, за который ратовали и северокорейские коммунисты. Помимо этого, следует указать на раскол левых и правых сил Кореи по вопросу об опеке как на одну из причин радикальных перемен в Северной Корее.

Конечно, Советский Союз и Компартия Северной Кореи не стремились к полному копированию советского образца во всех сферах жизни. Наоборот, реформы во многом проходили по капиталистическому образцу. Коммунистическая партия для достижения политичес-

кого лидерства на Корейском полуострове прикладывала немалые усилия, поддерживая идею единого фронта с националистами. Но несмотря на это, после того, как решение о Корее Московского совещания вызвало раскол правых и левых на юге Кореи, а в Северной Корее — отход от буржуазно-демократической линии в связи с распадом коалиции коммунистов и националистов во главе с Чо Мансином, народно-демократическая линия и перспектива утверждения социалистической системы стала главной направляющей развития Северной Кореи.

Примечания

1. ВАНИН Ю.В. Некоторые аспекты корректировки исследований по истории Кореи (1945—1955). — Проблемы Дальнего Востока. 1996, № 5, с. 116.
2. Освободительная миссия советских вооруженных сил во второй мировой войне. М. 1974, с. 436—447.
3. Центральный архив Министерства обороны (ЦА МО), ф. 32, оп. 11306, д. 605, л. 458—467.
4. Ради правильной линии. Сеул. 1945, с. 28—29.
5. ЦА МО, ф. 32, оп. 11 306, д. 692, л. 30.
6. Там же, ф. 148, оп. 3763, д. 111, л. 92—93. Кроме 1, 2 и 7-го пунктов остальные положения опубликованы в сборнике «Отношения Советского Союза с народной Кореей 1945—1980». М. 1981, с. 13.
7. ПВО — Приморский военный округ.
8. ЦА МО, ф. 32, оп. 11306, д. 687, л. 296.
9. Типичные случаи выдвижения прояпонских элементов — назначение Чон Джун Тхэка начальником Управления промышленности при Десятом административном управлении Северной Кореи и Хан Хи Джина — начальником Управления транспорта. При японском господстве Чон Джун Тхэк работал на ответственной должности в одной из компаний, а Хан Хи Джин служил начальником Железнодорожного управления г. Хамхына.
10. Во имя дружбы с народом Кореи. Воспоминания и статьи. М. 1965, с. 35—36.
11. О политических ролях и функциях СВАГ в Восточной Германией см.: СЕМИРЯГА М.И. Как мы управляли Германией. М. 1995, с. 22—101.
12. Освобождение Кореи. Воспоминания и статьи. М. 1976, с. 79.
13. ПЕТУХОВ В.И. У истоков борьбы за единство и независимость Кореи. М. 1987, с. 13.
14. ЦА МО, ф. 172, оп. 614 631, д. 23, л. 10.
15. Там же, л. 25.
16. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 17, оп. 128, д. 47, л. 20.
17. ЦА МО, ф. 172, оп. 614 631, д. 23, л. 22.
18. КИМ ИР СЕН. В водовороте века. Т. 8. Пхеньян. 1998, с. 448—455.
19. ЦА МО, ф. 172, оп. 614 631, д. 23, л. 23.
20. РГАСПИ, ф. 17, оп. 128, д. 1119, л. 216.
21. ЦА МО, ф. 172, оп. 614 631, д. 23, л. 4—5. Остальные требования Ким Ир Сена заключались в следующем: выделить из числа трофеев 3 самолета для обучения молодежи авиационному делу и передать группу работников из редакции газеты на корейском языке для работы в газете оргкомитета Компартии северных провинций Кореи.
22. Там же, ф. 172, оп. 614 631, д. 23, л. 5.
23. Там же, ф. 32, оп. 11 306, д. 687, л. 295.
24. Там же, ф. УСГАСК, оп. 433 847С, д. 1, л. 1—2.
25. Там же, ф. 32, оп. 11 306, д. 581, л. 588—589.

26. Там же, ф. 379, оп. 11 034, д. 22, л. 96.
27. Там же, ф. УСГАСК, оп. 433 847С, д. 1, л. 85.
28. ЧО ЕН АМ. Годан Чо Ман Сик. Сеул. 1953, с. 59—60.
29. ЦА МО, ф. 172, оп. 614 632, д. 25, л. 251.
30. Там же, ф. УСГАСК, оп. 433 847С, д. 1, л. 126.
31. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), ф. 013, оп. 7, п. 4, д. 46, л. 3—13.
32. РГАСПИ, ф. 17, оп. 128, д. 47, л. 24.
33. Советский Союз и корейский вопрос (Документы). М. 1948, с. 5—7.
34. РГАСПИ, ф. 17, оп. 128, д. 205, л. 3—4.
35. ХОН СОН ЧЖУН. Годан Чо Ман Сик. Сеул. 1966, с. 236—239.
36. ЦА МО, ф. 172, оп. 614 631, д. 43, л. 19—20.
37. ХОН СОН ЧЖУН. Ук. соч., с. 239—243. Многие его соратники, в том числе Ли Юн Ён, ушли на Юг и организовали там свою Демократическую партию Кореи.
38. В то время в Северной Корее народную демократию именовали «прогрессивной демократией» или на китайский манер «новой демократией». Корейские коммунисты стали использовать термин «народная демократия» без анализа разницы между «буржуазной демократией» и «народной демократией».
39. Советский Союз и корейский вопрос (Документы), с. 6—7.
40. АВП РФ, ф. 06, оп. 8, п. 39, д. 637, л. 8.

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

Семён Абрамович Туровский

А.А. Гуляев, С.Е. Лазарев

Имя Семёна Абрамовича Туровского находится на слуху у военных историков: видный деятель революционного движения, герой гражданской войны, один из организаторов и руководителей 1-го конного корпуса Червоного казачества, разработчик плана Больших Киевских маневров 1935 г., «правая рука» командарма И.Э. Якира, один из авторов Временного полевого устава Рабоче-Крестьянской Красной армии (РККА) 1936 года. С.А. Туровский одним из первых представителей советской военной элиты подвергся репрессиям в годы «Большого террора». Все это делает его личность интересной для изучения.

Между тем, написано о нем до обидного мало. Имеются обрывочные воспоминания соратников по Червоному казачеству¹ и скудные справочные сведения в отдельных изданиях². Научной же биографии Туровского не написано по сей день.

Семён Абрамович Туровский родился 15 января 1895 г. в г. Чернигове в семье «крупного буржуа-предпринимателя»³. Егот отец, А.Я. Туровский, служил в чаеразвесочной фирме, был состоятельным человеком, имел кирпичный и винокуренный заводы, построил в родном городе кинотеатр⁴.

По воспоминаниям родственников, С.А. Туровский «был талантлив от рождения и еще в гимназии читал истории всех войн с самых древних времен»⁵. Революционные события в России 1905—1907 гг. нарушили тихую, размеренную жизнь семьи. Старший брат Наум и сестра Хана стали участниками революционного движения. Квартира Туровских при «попустительстве» родителей часто использовалась для тайных собраний. В октябре 1905 г. Наум Туровский был повешен черносотенцами перед окнами родительского дома за организацию дружины против еврейских погромов. Его похороны превратились в многолюдную демонстрацию протеста против царского режима. Пос-

Гуляев Алексей Александрович — историк; *Лазарев Сергей Евгеньевич* — кандидат исторических наук. Орловская область.

ле этого родители отправили Хану учиться на медицинский факультет в Женеву ⁶.

«Нужна была глубокая убежденность, незаурядная сила воли, чтобы юношей выйти из-под семейного влияния и отдать себя целиком революционному долгу», — писал о Туровском один из ветеранов Червоного казачества, генерал-лейтенант Е.П. Журавлёв ⁷. Будучи черниговским гимназистом, Семён в 1911 г. вступил в политическую организацию «без особого партийного направления», объединявшую учащихся всего Чернигова (до 180 человек). Состояла она из нескольких кружков. Здесь молодой человек познакомился с другим будущим червоным казаком — Михаилом Осиповичем Нехамкиным. Через некоторое время этот кружок вместе с двумя другими организовал так называемую «школу красноречия» для подготовки работы с массами. «Ученики» в этой «школе» упражнялись в риторике, изучали работы Ж. Жореса, Ф. Лассаля, К. Маркса и других социалистов ⁸. Здесь же «учился» Виталий Маркович Примаков. По признанию Журавлёва, «Семён Абрамович Туровский — давнишний друг Виталия Примакова по черниговскому революционному подполью. Участь в одной гимназии, они состояли в нелегальном кружке, вели пропаганду ленинских идей среди рабочих и солдат Чернигова... Семён был в ту пору политическим вожаком юного Виталия...» ⁹ В 1912 г. Туровский вступил в местную организацию Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) ¹⁰, в 1914 г. закончил черниговскую гимназию ¹¹.

В этот период сформировалось мировоззрение будущего красного командира. В ближнем кругу Туровский говорил, что он не верует «ни в бога и ни в папу», а верит в коммунизм. «Одна вера ведет из мира действительности в мир фантазий, а другая — из мира фантазий в действительный мир!», — утверждал он. О религии Туровский говорил, что «она сама стала разрушать себя с тех пор, как из прибежища угнетенных превратилась в оружие угнетателей», и, в конце концов, большевики «уничтожили ее» ¹².

В связи с началом первой мировой войны члены местной организации РСДРП разделились на «оборонцев» (сторонников войны) и «пораженцев» (сторонников превращения империалистической войны в гражданскую). Туровский разделял взгляды последних, вел соответствующую пропаганду среди рабочих, распространял прокламации Центрального Комитета (ЦК) РСДРП среди солдат, дислоцировавшихся в Чернигове. Осенью 1914 г. он был арестован и осужден вместе с друзьями по организации М. Нехамкиным и М. Буниным к высылке в Нолинский уезд Вятской губернии. (В феврале 1915 г. за агитацию против войны был приговорен к ссылке в Сибирь и Примаков) ¹³.

В Вятской губернии дружба между Туровским и Нехамкиным окрепла. Впоследствии Михаил Осипович вспоминал, «как под тюремными юрцами (место для сна, кровать. — А.Г., С.Л.) отогревал его своим бушлатом» ¹⁴. В 1916 г. Туровский прямо из ссылки был призван в армию и направлен рядовым в понтонный батальон, который располагался в Саратове ¹⁵. В Российской императорской армии он дослужился до звания младшего унтер-офицера ¹⁶. После Февральской революции 1917 г. вернулся в Чернигов, но остался в армии на партийной работе.

В это же время из ссылки вернулся Нехамкин, взявший себе партийный псевдоним «Зюк». Оба большевика в те месяцы стали на-

столько известны в городе, что когда пришла власть Центральной Рады, Туровскому и Зюку пришлось переехать в Киев из-за опасения преследований¹⁷.

В дальнейшем Туровский принимал активное участие в борьбе за установление советской власти на Украине. В январе 1918 г. он командовал красногвардейским отрядом сербов-интернационалистов в восстании против Центральной Рады в Киеве¹⁸. Восстание потерпело поражение, но через несколько недель Киев был взят большевистскими войсками под командованием М.А. Муравьева.

Одновременно в декабре 1917 г. в г. Харькове молодой большевик Примаков из добровольцев-солдат, студентов и рабочих сформировал 1-й полк Червоного казачества, участвовавший в боях против Центральной Рады¹⁹. Полк пополнялся в течение всей гражданской войны исключительно добровольцами и отличался высокой дисциплиной²⁰. Это был первый полк регулярного типа на Украине.

После подписания 3 марта 1918 г. Брестского мира почти всю Украину оккупировали немецкие и австро-венгерские войска. Центральная Рада стала марионеткой в их руках. Большевики в соответствии с Брестским мирным договором покинули территорию Украины.

5 июля 1918 г. в Москве Туровский принял участие в работе I съезда Коммунистической партии (большевиков) Украины. Здесь была разработана четкая программа действий: создание повсюду на местах революционных комитетов и повстанческих штабов, вовлечение в вооруженную борьбу с врагом широких масс рабочих и крестьян. С оружием в руках, совместно со всеми делегатами I съезда Коммунистической партии (большевиков) Украины, Туровский участвовал в подавлении восстания левых эсеров²¹.

29 апреля 1918 г. германское командование разогнало Центральную Раду и заменило ее правительством украинского помещика-монархиста гетмана П.П. Скоропадского.

Летом 1918 г. Всеукраинский Центральный военно-революционный комитет направил в 1-й полк Червоного казачества группу большевиков, имевших значительный опыт политической и военной работы, в их числе — Туровского и Нехамкина (Зюка)²². Они прибыли в район Унеча 15 августа 1918 г., и всю последующую гражданскую войну провели в рядах червоных казаков. Давний однокашник Туровского Примаков сразу назначил его на должность помощника атамана полка²³. С этого момента Туровский и Нехамкин (Зюк) стали «верной опорой молодого командира»²⁴, его деятельными помощниками.

По признанию Журавлёва, «в червоном казачестве полной мерой развернулись его (С.А. Туровского. — *А.Г., С.Л.*) организаторские способности и военное дарование. Начав заместителем командира полка, он был в дальнейшем начальником штаба бригады, дивизии, корпуса и в отсутствие Примакова принимал на себя всю полноту ответственности за войска»²⁵.

22 сентября 1918 г. Всеукраинский Центральный военно-революционный комитет отдал приказ о сведении красных партизанских отрядов и частей, дислоцировавшихся в «нейтральной зоне», в 1-ю и 2-ю дивизии²⁶. Сначала 1-й полк Червоного казачества вошел в состав 1-й дивизии, а в декабре 1918 г. был передан во 2-ю дивизию²⁷. С 13 августа по декабрь 1918 г. червоны совместно с другими парти-

занами вступали в отдельные бои с немцами: сначала в районе Новгород-Северска, а затем — Мариуполя ²⁸.

В конце 1918 г. режим гетмана Скоропадского пал. Страна оказалась в руках Директории и войск С.В. Петлюры. В первые дни 1919 г. красные развернули активные действия по освобождению Украины, в ходе которых в январе-апреле 1919 г. войска Директории были почти полностью разгромлены.

В это время в своей должности Туровский выполнял различные поручения. Так, в начале января 1919 г. сотня интернационалистов под его началом участвовала в неудачно начатом бою за станцию Люботин (Харьковская область) ²⁹. Положительный исход боя определил подошедший 5-й Советский полк Д.А. Шмидта. Так завязалось знакомство Туровского с этим легендарным красным командиром, позже переросшее в крепкую дружбу.

Весной 1919 г. наступление на Украину начали Вооруженные силы Юга России под командованием генерала А.И. Деникина. В мае-сентябре 1919 г. червонные казаки во взаимодействии с пехотными частями Красной армии вели борьбу с превосходящими силами деникинцев на территории Донбасса, Харьковской, Полтавской и Черниговской губерний ³⁰.

Ветеран Червонного казачества полковник М.С. Медянский вспоминал: «Я был еще недостаточно грамотным в военных вопросах, и меня иногда возмущало обязательное дублирование всеми способами связи приказов частям и подразделениям — и ночью, и в непогоду. Туровский делал это непременно, и все приказы штаба доходили быстро и точно до исполнителей. Мы роптали тогда на беспокойного начальника штаба, не понимая, что Туровский своим требованием не раз помог полку или бригаде обеспечить себя от неожиданного нападения противника. В 1919 г. во время первой встречи с деникинцами под Барвенковом, когда полк, который только что покинул эшелон, не знал обстановки, не имел связи с другими частями, а противник был где-то близко, рядом, Туровский сам выехал на паровозе в разведку на Славянск, чтобы уточнить обстановку» ³¹.

Несмотря на кажущуюся добродушную внешность, Туровский был человеком твердым, а по обстоятельствам мог проявлять жесткость. Во время переброски на Деникинский фронт в мае 1919 г. полком Червонного казачества временно командовал он сам. При проходе через г. Лубны у красноармейцев-червонцев возник резкий конфликт с местными чекистам, вызванный подозрениями со стороны последних в причастности червонцев к бандитам атамана Н.А. Григорьева. В результате, «десятка три всадников... в пешем строю напали на Чека, разогнали ее, разграбили оружие, главным образом револьверы. ...Туровский... расстрелял свыше десяти участников этого грабежа, после чего политработники провели ряд митингов по сотням. Каждая сотня произвела у себя “чистку”, выгнав из своего состава замеченных в бандитизме казаков. Это оздоровило полк, и на новый фронт он прибыл в прекрасном боевом состоянии». В середине августа 1919 г. полк был развернут в 1-ю Червонную казачью бригаду. В сентябре она в течение двух недель героически обороняла Черниговский плацдарм ³².

В конце сентября Червонная казачья бригада была перебросена на Южный фронт под Орёл в состав ударной группы 14-й армии И.П.

Уборевича для предотвращения взятия Москвы Деникиным. В начале ноября была образована конная группа (бригада Червоного казачества вошла в ее состав) во главе с Примаковым. Вскоре группа была преобразована в 8-ю кавалерийскую дивизию Червоного казачества. Туровский стал начальником штаба дивизии. «Разумеется, ни одно войско не может обойтись без отважных рубак, без отчаянных смельчаков, но побеждают лишь армии, богатые не только исполнителями, но и мыслителями», — писал о нем ветеран Червоного казачества, полковник И.В. Дубинский³³.

В ноябре 1919 г. дивизия провела два рейда по глубоким тылам деникинцев — на Фатеж-Поныри и Льгов. Эти первые в истории Красной армии рейды способствовали переходу в стремительное наступление против войск Деникина, которые вынуждены были отступить на Юг. Уполномоченный Реввоенсовета Южного фронта при Ударной группе Г.К. Орджоникидзе сообщал в штаб фронта и В.И. Ленину: «Червоные казаки действуют выше всякой похвалы...»³⁴

Как отмечает историк Червоного казачества П.Д. Гурьянов, идея этих рейдов принадлежала Примакову и Туровскому³⁵. Один из червоновцев вспоминал о разработке детального плана первого рейда: «Начальник штаба С.А. Туровский и его сотрудники с утра до поздней ночи занимались подготовкой к предстоящей операции. Все нужно было продумать — наиболее выгодный маршрут, необходимое вооружение, провиант, фураж»³⁶. В этих операциях Туровский принимал непосредственное участие, за что 13 февраля 1920 г. был удостоен ордена Красного Знамени. В приказе о награждении говорилось: «находясь во время рейдов на Поныри, Фатеж, Льгов, Суджу и Готню в полевом штабе дивизии, он проявил энергию и храбрость при операциях в тылу у противника, искусно выполнив возлагавшиеся на него отдельные поручения. Личным примером увлекал казаков на подвиги, результатом коих было занятие указанных пунктов»³⁷.

В результате общего успешного наступления Южного и Юго-Западного фронтов Вооруженные силы Юга России были рассечены на две части, которые были вынуждены отступить на Кавказ и в Крым. Червоны преследовали группировку деникинцев, отступившую в Крым. В составе 13-й армии в период с 1 по 25 января 1920 г. 8-я кавалерийская дивизия вела бои под селами Чонгар и Юшунь, а с 25 января по 20 мая того же года — под Перекопом.

В связи с изменением общей военной обстановки, к середине июня 1920 г. 8-я дивизия Червоного казачества была перебросена на Юго-Западный фронт для борьбы с поляками. Ее вновь включили в состав 14-й армии Уборевича. Здесь червоны участвовали в общем наступлении фронта и Львовской операции. Война с поляками носила крайне напряженный характер, шла с переменным успехом для обеих сторон.

В этот период советско-польской кампании зародилось соперничество червоных казаков с конармейцами, переросшее в устойчивую личную неприязнь. Позже на посту народного комиссара по военным и морским делам (народного комиссара обороны) К.Е. Ворошилов делал все возможное, чтобы принизить роль червоных казаков в гражданской войне, а самим им не доставалось высоких должностей в армии. В одном из частных разговоров с И.В. Дубинс-

ким, произошедшем весной 1936 г., Туровский высказался в том духе, что нарком вообще червонных казаков «не терпит. Еще с гражданской войны. В 1920 году, под Бродами (город на Украине, расположенный на северо-востоке Львовской области. — *А.Г., С.Л.*), адъютанты Ворошилова и Будённого явились к нам. Звали Примакова в штаб Конной армии. А он сдуру, конечно, ляпнул: “Если им нужно, пусть едут ко мне!”»³⁸

Неприятное отношение было у Примакова и Туровского к Г.И. Котовскому, в котором они также видели конкурента, «чужака», несмотря на то, что с 31 декабря 1920 г. по 24 апреля 1921 г. Григорий Иванович командовал 17-й кавалерийской дивизией Червонного казачества. Антагонизм этот разжигал сам Якир, который покровительствовал червонцам, и всегда стремился замолчать, смазать заслуги Котовского в гражданской войне³⁹.

Корни этих противоречий, возможно, упирались в события 1918 г., когда Туровский принял активное участие в подавлении восстания левых эсеров, а Котовский сочувствовал им и не исключено, что сам участвовал в восстании (свое вступление в партию большевиков он оформил лишь весной 1920 г.)⁴⁰

Советско-польская война для большевиков окончилась неудачно. После успешных наступательных действий в мае-июле и упорных боев августа в середине сентября 1920 г. червонцы вынуждены были отступать вместе с войсками всего Юго-Западного фронта. 18 октября с Польшей было заключено перемирие.

26 октября 1920 г. 8-я и 17-я кавалерийские дивизии были объединены в 1-й Конный корпус Червонного казачества. Туровский был назначен начальником его штаба⁴¹. 13 декабря 1920 г. по ходатайству Киевского губревкома Реввоенсовет Республики присвоил Червонно-казачьему корпусу наименование «Киевский». Это событие сопровождалось вручением Красного знамени и специальной грамоты, в которой председатель губревкома Я.Б. Гамарник отмечал кровную связь червонцев с киевским пролетариатом. В августе 1921 г. «за особые заслуги перед рабоче-крестьянской властью в героической борьбе с врагами революции» по приказу Реввоенсовета Республики 1-му конному корпусу Червонного казачества было присвоено почетное имя Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета⁴².

Бывший помощник начальника штаба бригады и дивизии Червонного казачества С.Л. Шильман писал: «Туровский как начальник штаба мастерски разрабатывал планы боевых операций Червонного казачества и боролся за их подготовку и претворение в жизнь. Руководители Червонного казачества Примаков и Туровский не имели военного образования, но, несмотря на это, исторические рейды червонных казаков в тылы противника могут служить образцом военного искусства»⁴³.

Командующий войсками Украины и Крыма М.В. Фрунзе отмечал: «У нас в Красной армии немало частей, составивших себе и громкую боевую репутацию, и славное революционное имя. Но немного найдется таких, которые могли бы стать вровень с Червонным корпусом»⁴⁴.

За период гражданской войны Туровский был ранен в ногу и контужен. Помимо ордена Красного Знамени, его наградили золо-

тыми часами ⁴⁵. После окончания гражданской войны он еще около трех лет возглавлял штаб корпуса Червоного казачества на Украине.

Генерал Журавлёв вспоминал: «Про начальника штаба С.А. Туровского не зря говорили: «наш мозг». Все боевые операции и маршруты дальних переходов, которые провела украинская конница за три года гражданской войны, все оперативно-тактические учения в мирное время разрабатывались штабом с неизменной тщательностью, продумывались до мельчайших деталей. Туровский и Примаков, революционные соратники еще с гимназической поры, понимали друг друга с полуслова, во всем доверяли друг другу. И каким бы сложным и дерзким не казался замысел командира — а дерзать приходилось часто, — начальник штаба умел претворить его в четкий план действий. А ведь был он тогда совсем еще молодым» ⁴⁶.

В 1922 г. Туровский окончил Высшие военно-академические курсы при Военной академии РККА ⁴⁷, а 9 декабря 1923 г. его перевели 3-м помощником начальника штаба Украинского военного округа ⁴⁸. Этому перемещению способствовал Якир, который в начале 1920-х гг. занимал в Вооруженных силах Украины и Крыма (Украинский военный округ входил в их состав) ответственные должности ⁴⁹ и хорошо знал своих подчиненных.

Впрочем, довольно скоро их пути разошлись: Якира перевели в Москву на должность начальника Главного управления военно-учебных заведений РККА, а Туровского 9 июня 1924 г. назначили начальником и военным комиссаром 2-й кавалерийской Борисоглебско-Ленинградской командной школы ⁵⁰. В период службы в Ленинградском военном округе он принял активное участие в борьбе с троцкистско-зиновьевской оппозицией. Причем бороться приходилось в буквальном смысле: в одной из стычек с политическими оппонентами Туровскому сломали ребро. Сам он позже вспоминал: «[Шел] двадцать седьмой год. Сколотил я из курсантов крепкую группу... Ленинград назвал нас — “летучий отряд Туровского”. Где сильнее были зиновьевцы — туда летели мы. Но мы их давили не копытами наших боевых коней, а силой боевого ленинского слова...» ⁵¹ Стоит добавить, что в 1926 г. Семён Абрамович два месяца находился в служебной командировке в Германии, а 13 мая 1927 г. он возглавил 11-ю Ленинградскую стрелковую дивизию ⁵².

За время службы в Ленинграде у Туровского сложились дружеские отношения с первым секретарем обкома партии С.М. Кировым. После отъезда Семёна Абрамовича из Ленинграда они переписывались ⁵³.

В январе 1931 г. Туровского перевели командиром 12-го стрелкового корпуса в Приволжский военный округ ⁵⁴. Здесь, в Саратове, произошло знакомство Туровского с Верой Константиновной Прибытковой, которая разделит с ним его судьбу. Вера родилась в семье сельского фельдшера в Воронежской губернии. После смерти матери не ужилась с мачехой и переехала в Саратов, где работала в библиотеке. По признанию сестры Александры, «Верочка была очень красива: блондинка, изящная, обаятельная, на щеках у нее были симпатичные ямочки... Где бы она ни появилась, все внимание сосредотачивалось на ней». Они познакомились на улице, а когда 3 февраля 1932 г. Туровский перевелся на должность командира и военного комиссара 14-го стрелкового корпуса Украинского военного округа ⁵⁵,

Вера последовала за ним. Этому назначению, безусловно, способствовал командующий округом Якир, который не забыл своего старого товарища.

Вскоре к Вере в Киев переехала ее младшая сестра Александра, которую Туровский по-отечески опекал. «Несмотря на двадцатилетнюю разницу в возрасте и на мое положение родственницы, материально зависимой от Туровского, — вспоминала Александра Константиновна, — я так же, как и все, называла его “Ёнька” и говорила ему “ты”. И если я что-либо не хотела делать, он никогда не заставлял, не показывал своего превосходства, а говорил: “Тоже мне, друг называется”»⁵⁶.

Весной 1933 г. комкор познакомил Александру Прибыткову со своим боевым соратником Шмидтом, образовалась вторая семья. Таким образом, Туровский и Шмидт породнились: теперь они были женаты на родных сестрах.

«Какие они разные были со Шмидтом! — вспоминала Александра Константиновна Шмидт. — Ссорились бесконечно. Вначале мне казалось, что после очередной ссоры они больше никогда не смогут разговаривать друг с другом. [Но] через несколько минут возникала другая тема, и говорили, как ни в чем не бывало». «Туровский гордился, что он никогда не был в оппозиции, — продолжает А.К. Шмидт. — Д.А. (Дмитрий Аркадьевич. — *А.Г., С.Л.*) говорил ему, что если человек завоевывал Советскую власть, то и охранять ее он должен, как считает нужным. Он часто высказывал Туровскому сожаление, что люди не могут понять, что у Сталина не личные отношения к Шмидту и его другу Охотникову (также поддержал Левую оппозицию в 1920-е гг. — *А.Г., С.Л.*), что политика Сталина коснется всех... Но Туровский не всегда соглашался с ним»⁵⁷.

В 1933 г. у Туровских родился долгожданный сын Степан.

Зимой 1933 г. Семён Абрамович в составе украинского правительства ездил в Москву по вопросу голода на Украине. Ему ответили: «Занимайтесь своим делом». Вернувшись из Москвы, он, по признанию родственников, ходил, осунувшийся, похудевший и долго молчал⁵⁸.

«Характер у Туровского был нехитрый, — пишет А.К. Шмидт — Он не умел врать и не понимал, когда ему врут. Он никогда никого не осуждал. А ругался только одним словом: “жлобы”»⁵⁹.

Множество фактов свидетельствует об «особом положении» Туровского как в Украинском военном округе, так и вообще в РККА. По воспоминаниям И.В. Дубинского, «всем бросалась в глаза не только служебная, но и личная близость между Якиром и Туровским. Их связывали и прошлая дружба, и общие интересы по подготовке страны к обороне, и то, что они оба не пошли за оппозицией, а остались не только верными делу партии, но и активно боролись за него»⁶⁰. В отличие от своих соратников по Червонному казачеству В.А. Кушакова, Нехамкина (Зюка), Примакова, Шмидта, в 1920-е гг. поддержавших троцкистскую оппозицию, Туровский остался верен генеральной линии партии.

Семён Абрамович сделался публичной персоной, ему неоднократно поручалось принимать иностранных военных гостей. Так, 14 сентября 1933 г. он находился в составе делегации, встречавшей прилетевшего в Киев министра авиации Франции П. Кота⁶¹. А 7 сентяб-

ря 1934 г. он встречал турецкую военную делегацию, прибывшую в г. Харьков, и «вечером... устроил в честь турецких гостей банкет»⁶².

Вообще, Туровский часто организовывал различные банкеты, как официальные, так и неофициальные. Командир одной из дивизий 14-го стрелкового корпуса комдив В.Н. Львов свидетельствовал: «Руководящий нач[альствующий] состав корпуса “сплачивался”... Туровским путем “банкетов” у него на квартире и в штабе корпуса в Киеве. Эти банкеты вошли в традицию 14[-го] корпуса, они устраивались обычно после военных игр или других занятий... На них приглашались командиры и военкомы (помполиты) дивизий и ответственные работники штаба, иногда командиры частей, особенно Киевского гарнизона, а также представители ОО (особого отдела. — *А.Г., С.Л.*) и обязательно комендант города. “Тамадой” на этих банкетах был сам... Туровский... Эта банкетная традиция усиленно прививалась Туровским и в дивизиях»⁶³.

Вероятно, под официальные и неофициальные банкеты Туровский получал дополнительные средства от своего руководства. Возможно, не всегда легально. В некоторых документах утверждается, что за ним имелись хозяйственные преступления⁶⁴.

21 ноября 1934 г. был образован Военный совет при народном комиссаре обороны СССР — совещательный коллегиальный орган, заседания которого проводились ежегодно. Туровский был утвержден его членом в числе 80 других высокопоставленных командиров РККА⁶⁵. Причем командиров корпусов среди них было лишь трое, включая самого Туровского. Можно предположить, что и здесь Якир постарался продвинуть «своего человека».

Помимо карьерных достижений в армии, рос партийный и общественный авторитет Туровского. Он избирался делегатом XII съезда КП (б) Украины, XV, XVI и XVII съездов ВКП (б), состоял членом ЦК КП (б) Украины, членом Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета и Центрального Исполнительного Комитета СССР⁶⁶. Дубинский совершенно справедливо писал о Туровском: «У него были большие заслуги, которые нельзя было обойти, и очевидная для всех [партийная] преданность, которую нельзя было не заметить»⁶⁷.

В мае 1935 г. Украинский военный округ был разделен на Киевский и Харьковский. Якир возражал против этого, но воспрепятствовать не смог⁶⁸. Сам он стал командующим Киевским военным округом; в Харьков поехал его заместитель И.Н. Дубовой. Многие представители руководящего состава Украинского военного округа были «поделены» между образовавшимися округами. Видимо, желая хоть как-то удерживать свою власть над войсками второго округа, Якир сумел провести назначение своего протеже Туровского на должность заместителя командующего войсками Харьковского военного округа⁶⁹. Впоследствии Дубовой жаловался военному руководству, что Якир «подсаживает» к нему «своих людей»: Нехамкина (Зюка), Туровского и др. Причем Семён Абрамович, по признанию Дубового, считал его «недалеким человеком»⁷⁰.

Согласно воспоминаниям современников, в Харьковском военном округе «заместитель был сильнее командующего» и буквально водил его «за руку». Например, Туровский не обо всем докладывал

командующему. В результате Дубовой даже вынужден был обратиться к нему со словами: «Семён Абрамович, Вы хотя бы ставили меня в известность о том, что Вы делаете»⁷¹.

В новой должности Туровский продолжал оставаться на «военном олимпе». Он участвовал в разработке плана, организации и проведении знаменитых Киевских маневров 12—17 сентября 1935 г., командуя группировкой «красных», в состав которой входили 6 корпусов: пять стрелковых и один механизированный. Туровский специально был вызван из Харькова Якиром, осуществлявшим руководство маневрами, и постоянно находился рядом с ним. По свидетельствам современников, в последнюю неделю «они даже не ложились спать»⁷².

В числе других организаторов маневров за хорошо проделанную работу нарком обороны Ворошилов объявил Туровскому благодарность⁷³. По единодушному признанию современников, «таких маневров в Советском Союзе еще не было»⁷⁴.

Историк И.И. Минц (в годы гражданской войны находился на политической работе в корпусе Червоного казачества) восхищался: «Сколько творческой энергии, сколько усилий, наконец, материальных расходов понесла Советская власть, чтобы создать армию, превосходство которой признавали современники даже враждебных нам государств. Когда читаешь описание гигантского труда, положенного на создание и овладение новой боевой техникой, когда следишь за ходом знаменитых украинских маневров 1935 г., о целой десантной дивизии парашютистов, которая была обрушена на голову наблюдателей, то невольно проникаешься еще большим уважением к нашим полководцам и военным деятелям — Якиру, Тухачевскому, Примакову, Туровскому и многим, многим другим, самоотверженно и честно выполнившим свой долг перед Родиной»⁷⁵.

Вместе с тем, маневры эти были во многом парадными и заранее отрепетированными, причем установки на «показушность», в первую очередь перед иностранными представителями, исходили от самого наркома обороны. Ворошилов считал такое явление «допустимым и полезным» ввиду масштабности театра военных действий и привлечения большого числа войск.

В сентябре 1935 г. в РККА были введены персональные военные звания для командного и начальствующего состава. 20 ноября 1935 г. Туровскому было присвоено звание «комкор»⁷⁶. Однако сам Туровский был недоволен: до введения персональных военных званий он носил четыре ромба в петлице и претендовал на получение звания командарма. В личной беседе с полковником Дубинским он заявил: «Удивляетесь — три ромба вместо четырех? После девальвации я получил прочное звание комкора... Я что? Потерял ромб, а иным вместо четырех ромбов дали три шпалы — полковника. Ворошилов говорит: “Чересчур много у нас развелось генералов”. Вот и режут. Обиженные сунулись к наркому, а он им: “Вы знаете, какой чин Бека? Чин полковника. А он премьер-министр Польши! Так что не жалуйтесь. Поработайте, может, и дослужитесь до генерала”». Интересны рассуждения Туровского по поводу присвоения высших, маршалских званий. Он признавал, что маршалов «Климу (Ворошилову. — А.Г., С.Л.) дали за пост, Будённому — за славное прошлое, хотя чаще он брал числом, нежели умением, Тухачевскому и Егорову — за талант.

У Блюхера — Перекоп. Ничего не скажешь»⁷⁷. Таким образом, он отказывал некоторым всесильным конармейцам в военных талантах.

По признанию Шмидта, Туровский «скучал» оттого, что «его знания и умение работать не реализовывались полностью в тех условиях», и чувствовал себя недооцененным⁷⁸.

Когда в декабре 1935 г. по просьбе трудящихся Украины решался вопрос о награждении Червоного казачества орденом Ленина, Ворошилов сказал: «Не давать этим башибузукам». Орджоникидзе ему ответил: «Зря, Клим! Не понимаешь ты национальной политики. Орден Ленина надо дать!» И 3 декабря газета «Правда» в редакционной статье написала: «Червоные казаки — это могучая вооруженная сила революции»⁷⁹.

Заместитель наркома обороны по авиации Я.И. Алкснис относил бывших червонцев Кушакова, Примакова, Туровского к «группировке Тухачевского», его ближнему кругу, который постоянно навязывал Алкснису новых заместителей: «Я знал, что существует такая армейская группировка Тухачевского... Видел, что... если Тухачевский что-нибудь сказал, то и из Белоруссии, и с Украины сразу выдвигают те же самые мероприятия. И попытайся иногда противодействовать — ничего не выйдет, по шее получишь.... Разве не было известно, что собираются по квартирам, пьянствуют? Это все было известно... Я... не мог раскусить, почему с такой настойчивостью всегда выдвигались мне заместители из этой группировки. [Например] Туровского трижды предлагали мне в заместители. Я не хотел, потому что знал, что это из компании Кушакова (в 1930-е гг. руководил Качинской школой военных летчиков и авиацией Белорусского военного округа, умер в начале 1937 г. — *А.Г., С.Л.*). А Кушакова я очень хорошо знал и с большими неприятностями выбросил из Воздушного флота...»⁸⁰

Туровский оказался среди тех, кому начальник Генерального штаба А.И. Егоров в 1935 г. поручил написание Полевого устава РККА⁸¹. Проекты нового устава поручено было представить Тухачевскому, Мерцкову (в 1934—1936 гг. начальник штаба Особой Краснознаменной Дальневосточной армии) и Туровскому, каждому — свой⁸². Перед составителями Полевого устава ставилась задача в значительно большей мере, чем прежде, отразить изменения в действиях войск, вызванные бурным развитием новых боевых средств.

«Зашиваюсь! — говорил Семён Абрамович Дубинскому весной 1936 г. — Вот это зашивка! Ну, прямо сажусь в лужу. Москва торопит с проектом Полевого устава, а я, видно, в срок не уложусь. Не оправдываю надежды наркома, Военного совета. Будто Тухачевский и Мерцков свои проекты заканчивают, а я застрял». Туровский указал на ворох исписанной бумаги, на кипы книг, загромождавших его рабочее место и длинный стол, стоявший у стены: «Вот это надо было изучить, — он достал и бросил на стол одну, другую, третью книгу. Все, начиная с “Уложения царя Алексея Михайловича о ратных хитростях пехотных людей” и кончая новым английским Полевым уставом»⁸³.

Хорошо зная литературные способности Дубинского, Туровский предложил ему написать для Полевого устава разделы по коннице и бронетанковым войскам, пообещав «в достатке» обеспечить исходным материалом. Вопрос о привлечении Дубинского к работе над уставом Туровский предварительно согласовал с Дубовым. Мотиви-

ровал это вот чем: «А вы знаете, кто писал уставы Фридриху Великому? Шиллер! Вот кто! Пусть хоть часть нашего устава напишет литератор». На что Дубинский скептически заметил, что Туровский явно льстит себе сравнением с Фридрихом Великим⁸⁴.

Полевой устав РККА был рожден в длительных обсуждениях, введен в действие приказом наркома обороны № 245 от 30 декабря 1936 г. и получил приставку «временный». В варианте Туровского в пункте, где говорилось о том, что красноармеец обязан выполнять все приказания вышестоящего командования, была сделана поправка: «кроме преступных»⁸⁵.

Позже на заседании Военного совета при наркоме обороны 1—4 июня 1937 г. Ворошилов рассказывал: «Полевой устав 1936 г. писался людьми, которые были назначены Александром Ильичом (Егоровым. — *А.Г., С.Л.*). Эти люди — Примаков, Путна, Туровский, Петерсон, Вакулич — все [были] арестованы, за исключением двух. Но я должен сказать, что все-таки эти люди были, во-первых, грамотные. Во-вторых, устав — это не такой документ, который можно написать и положить в карман.... Да, там каждый старался навязать свою точку зрения... Устав... редактировался специальной большой группой людей, в которую входил Тухачевский, входили представители всех родов войск, в т. ч. просматривал устав начальник Генерального штаба... Тухачевский настаивал на том, чтобы выпустить устав как устав. Я на это не согласился, и мы его выпустили как Временный устав... Самой недостаточно разработанной стороной в уставе было взаимодействие танковых частей с конницей и со стрелковыми войсками... Там (в уставе. — *А.Г., С.Л.*) могут быть ошибки, безусловно. Есть ли там прямое вредительство? Я это отрицаю. Прямого вредительства не может быть, потому что почти все командующие этот устав читали, и... хуже, — дали свои надписи... Устав был дан на общearмейское обсуждение...»⁸⁶

При работе над уставом Туровский использовал и «свежее» Итальянское наставление, написанное на основе опыта абиссинской войны 1935—1936 годов. Неожиданно для итальянцев в Эфиопии они встретились с отчаянным сопротивлением безоружного, мирного по своей сути, народа. Пришлось заново переобучать войска. Так и появился на свет этот «катехизис». «Посмотрите сюда, видите, кто написал предисловие? — удивлялся Туровский. — Сам Муссолини! Он, конечно, сволочь, фашист, отец фашизма, а отнять нельзя — пером владеет в совершенстве. Ничего не скажешь — в прошлом бойкий и опытный публицист. А у нас — кто сможет написать такое сугубо военное предисловие. Сталин, Ворошилов?»⁸⁷

Дубинский объяснял столь резкую перемену отношения комкора к руководству страны тем, что с течением времени, находясь на ответственных должностях, Туровский сумел трезво оценить руководителей, «с которыми ему пришлось поближе столкнуться. Ведь можно, болея за дело, за партию, сожалеть, что во главе ее стоят люди, которым не по силам ее огромные задачи»⁸⁸.

Туровский выражал недовольство установившимся культом вождя и прославлением его заслуг в гражданской войне. По этому поводу в ближнем кругу он говорил: «Поверьте — это не нужно ни партии, ни Сталину, ни нам с вами. Это нужно лишь подхалимам... Поверь-

те, я чту и уважаю нашего Генерального секретаря, как деятеля, как человека. Но — как бога?»⁸⁹

«Разве Ленин допускал, чтобы его так славословили? — продолжал Туровский. — Вспоминаю девятый съезд (имеется ввиду IX съезд РКП (б), состоявшийся в Москве 29 марта — 5 апреля 1920 г. — А.Г., С.Л.). Ленин не позволил отмечать свое пятидесятилетие. А тут Каганович, Ежов при каждом удобном и неудобном случае при упоминании имени Сталина бросаются в бараний восторг. Разве это нужно партии, нужно народу, нужно самому Сталину? Нет, это нужно им — Кагановичу, Молотову, Ежову. Этим они укрепляют свои позиции, а кое-кого в партии развращают! Затыкают всем рты. Партия, естественно, не дискуссионный клуб, но и не дисциплинарный батальон! Разве так было при Ленине? Я воевал, подставлял свои ребра за ленинскую линию, а не за посты Ежова и Кагановича»⁹⁰.

Комкор возмущался, что сталинской иконой советским людям «заслоняют образ Ленина». «Нам иконы и боги не нужны, — говорил он. — Народ верит в ленинское слово больше, чем в “иконы”. Очень просто так докатиться и до советского Цезаря...»⁹¹ Критично относился Туровский и к наркому обороны Ворошилову. Своими тревогами по поводу сворачивания партийной демократии и целесообразности пребывания Ворошилова на высшем военном посту Семён Абрамович собирался поделиться открыто, на ближайшем съезде Коммунистической партии⁹².

В июле 1936 г. встал вопрос о смене заместителя командующего войсками Харьковского военного округа. На эту должность предполагалось назначить комдива К.Ф. Квятека, «щорсовца» и старого соратника Дубового. Предлогом для замены Туровского могла стать утеря им партийных документов⁹³.

Против этой замены возражал Якир, опасавшийся, что Харьковский военный округ теперь окажется полностью в руках «щорсовской группировки», которой он, в отличие от червонцев, не доверял. Однако таково было намерение вышестоящего руководства. Тогда Якир добился перевода Туровского обратно в Киевский военный округ: 29 июля 1936 г. его назначили на должность армейского инспектора округа⁹⁴. Одновременно Якир ставил вопрос о назначении Примакова заместителем командующего войсками Киевского военного округа по коннице⁹⁵. Такое «собирание украинской группировки» стало вызывать подозрения у властей.

В июле-августе 1936 г. начались аресты среди высшего командного состава РККА. 6 июля 1936 г. был арестован командир и военком 8-й отдельной механизированной бригады Киевского военного округа Шмидт.

«Недели через две после ареста Д.А. я виделась с Туровским, — вспоминала А.К. Шмидт. — Он не приехал, как раньше, в Вышгород, а позвонил мне и сказал, чтобы я приехала к нему в гостиницу “Континенталь”. Он рассказывал мне, как все были удивлены телеграммой: “На арест комдива Шмидта даю свое согласие. Маршал Ворошилов”. Еще Туровский не советовал мне ехать в Москву. Говорил, что я там ничего не добьюсь. Сказал: “Будем ждать суда, а потом я заберу вас к себе”»⁹⁶.

Начальник политуправления Харьковского военного округа С.Н. Кожевников советовал Туровскому прекратить связь с женой «врага

народа», то есть с А.К. Шмидт, на что Семён Абрамович ответил: «Не говорите глупостей, я сам воспитывал эту девчонку»⁹⁷.

Этим дело не закончилось. 14 августа 1936 г. арестовали заместителя командующего Ленинградским военным округом Примакова, а 15 августа 1936 г. — командира и военкома 25-й Чапаевской Краснознаменной стрелковой дивизии Нехамкина (Зюка)⁹⁸.

2 сентября 1936 г. Туровский отправился в Народный комиссариат внутренних дел протестовать против ареста старых друзей. По воспоминаниям Дубинского, «Туровский заявил Г.Г. Ягоде и Н.И. Ежову: “Зюк такой же террорист и агент гестапо, как и я. Мы с ним провели годы на царской каторге бок о бок. Даю за него свою голову на отсечение. Меня знает вся партия по 1927 году”»⁹⁹. В результате 2 сентября 1936 г. Туровский сам был арестован¹⁰⁰ (по другим сведениям, это произошло 4 сентября)¹⁰¹.

Он долго настаивал на своей невиновности и неучастии в каких-либо контрреволюционных организациях. Показания о принадлежности Туровского к «троцкистской контрреволюционной организации» дали старые оппозиционеры Е.А. Дрейцер и Р.В. Пикель¹⁰². Они были подкреплены 22 августа 1936 г. признаниями комдива Шмидта, показавшего, что Дрейцером «поддерживалась организационная связь» с Туровским¹⁰³.

4 октября 1936 г. Туровскому была организована очная ставка со Шмидтом, который на ней уличал комкора как участника контрреволюционной троцкистской организации, возглавляемой Дрейцером. В ответ Семён Абрамович уверенно заявил: «Нет, это исключительная клевета. Я действительно беседовал со Шмидтом о Дрейцере, но она велась о работе Дрейцера, о моих с ним взаимоотношениях. Однако никогда я Шмидту не говорил, что Дрейцер меня посвятил о существовании троцкистской организации»¹⁰⁴.

По признанию комкора Н.Н. Криворучко, после ареста Нехамкина (Зюка), Туровского, Шмидта он пришел к Якиру «и просил рассказать, в чем дело. Я два раза специально приезжал в округ, заходил к Якиру и просил: “Проинформируй меня об этом деле, что собой представляли Туровский и Шмидт”. Мы знали, что Туровский — старый троцкист, а Шмидт все равно что клоун: и туда, и сюда... Я стал расспрашивать у Якира по этому поводу, а он мне говорит: “Нечего этим интересоваться, это сукины сыны, враги, предатели, троцкисты”. Я говорю, что хочу знать более подробно, потому что некоторые командиры меня об этом спрашивают. Якир отвечает: “Ни к чему тебе знать, потом узнаешь”»¹⁰⁵.

В данном отрывке усматривается тенденция приписать Туровского к «троцкистам», поскольку именно такую связь вменяло ему в вину следствие, а также пренебрежительное отношение некоторых сослуживцев к Шмидту, который за свой веселый, неунывающий нрав считался недоброжелателями «клоуном». Но главное — это то, что Якир откестился от бывших соратников. «В 1930-е годы я видела Якира уже сломленным, страдающим человеком, твердо решившим любой ценой уцелеть», — пишет А.К. Шмидт¹⁰⁶.

Первые «генеральские аресты» произошли в абсолютной тишине: за арестованных никто не вступился. Высокопоставленный политработник А.И. Мезис признавался: «Вообще, каких-либо совещаний

после того, как были произведены первые аресты Шмидта, Туровского, не было. Мы пришли к Клименту Ефремовичу для того, чтобы выяснить, в чем дело, а Гамарник нам ничего не сказал»¹⁰⁷.

Нехамкина (Зюка), Примакова, Туровского, Шмидта обвинили в принадлежности к троцкистской террористической организации, подготовке свержения Советской власти путем вооруженного восстания и поражения СССР в будущей войне. «Замыслы» репрессированных Ворошилов объяснил так: «План этих предателей столь же прост, сколь и мерзок. С одной стороны — готовить террористические акты над членами ЦК и правительства и, если представится случай, приводить их в исполнение, с другой стороны — ждать войны, ждать наиболее острого момента для государства, чтобы потом путем измены, подлого предательства и провокации помогать врагу против своей Родины и армии»¹⁰⁸.

К концу февраля 1937 г. Туровский продолжал «упорствовать», ни в чем не сознаваясь¹⁰⁹. По признанию А.К. Шмидт, «он никогда не был в оппозиции не потому, что был со всем согласен, а потому, что понимал, что никакая оппозиция в той ситуации была невозможна»¹¹⁰.

Своим недоумением по поводу ареста соратников с товарищами по червонному казачеству делился полковник Дубинский: «Мы держались как-то вместе, [но] нет-нет и заговаривали о беде, постигшей лучших вожakov червонного казачества — Примакова, Туровского, Шмидта, Зюку. Допускали разное, но никто из нас не мог согласиться, что это агенты Гитлера. Надеялись, что скоро все выяснится, и мы услышим правдивую весть об этих выдающихся героях гражданской войны». И продолжал: «Тут же возникали в голове и иные думы. Ну, допустим, у Шмидта были колебания, он считал себя обиженным (его не удовлетворяло звание комдива и должность командира мехбригады. — *А.Г., С.Л.*). А Якир, Туровский, Уборевич, Корк, Эйдеман? Они всегда и прочно стояли за генеральную линию партии, боролись за нее против Троцкого, против иных оппозиций. Никто их не обижал»¹¹¹.

В 1937 г. сам Илья Владимирович Дубинский был уволен с военной службы, исключен из партии и арестован, в том числе и за «контакты с заговорщиком Туровским»¹¹². (Ему удалось выжить).

Следователи все же смогли «сломать» Семёна Абрамовича, и он дал показания о принадлежности его и других людей к «военно-фашистскому заговору». Однако на суде, состоявшемся 1 июля 1937 г., Туровский отказался от своих признаний, назвав их своим самым большим преступлением в жизни. Но Военная коллегия Верховного суда признала его виновным в том, что он с 1933 г. являлся активным участником «военно-фашистской террористической организации», «вел вредительскую работу в РККА, вербовал в организацию антисоветски настроенных военнослужащих», и приговорил к расстрелу. В тот же день приговор был приведен в исполнение¹¹³.

Показания комкора Примакова от 14 мая 1937 г. о том, что «группа Туровского — Зюка» отвечала за успех «военно-фашистского заговора» на Украине¹¹⁴, позволили развернуть масштабные репрессии в Киевском и Харьковском военных округах. Возглавлял же «антисоветский военный заговор» на Украине, по замыслу следователей, Якир, который тоже был арестован и погиб¹¹⁵.

29 сентября 1956 г. определением Военной коллегии Верховного суда «по вновь открывшимся обстоятельствам» приговор комкору С.А. Туровскому был отменен, а сам он полностью реабилитирован ¹¹⁶.

Примечания

1. ЖУРАВЛЁВ Е.П. В бурные годы (К 50-летию Великого Октября). — Деснянская правда. 12.11.1965, с. 3; Червонное казачество. Воспоминания ветеранов. 1969; ДУБИНСКИЙ И.В. У самого синего моря. В кн.: Портреты и силуэты: Очерки; Документальная повесть. Киев. 1982, с. 182—188; ЕГО ЖЕ. Особый счет. (Военные мемуары). М. 1989.
2. Червонное казачество. Сб. материалов по истории Червоного казачества. 1918—1923. Харьков. 1923, с. 179; Командарм Уборевич. Воспоминания друзей и соратников. 1964, с. 259—260; ЧЕРУШЕВ Н.С., ЧЕРУШЕВ Ю.Н. Расстрелянная элита РККА (командармы 1-го и 2-го рангов, комкору, комдивы и им равные): 1937—1941. Биографический словарь. М. 2012, с. 116.
3. Российский государственный военный архив (РГВА), ф. 40 895. Учетно-послужная карта Туровского Семёна Абрамовича.
4. ШМИДТ А.К. Воспоминания. Из семейного архива Анатолия Владимировича Токаря. Киев, с. 2.
5. Там же, с. 6.
6. Там же, с. 2.
7. ЖУРАВЛЁВ Е.П. Не померкнет никогда. В кн.: Червонное казачество. Воспоминания ветеранов, с. 27—28.
8. КАСИМЕНКО В. В.М. Примаков. В кн.: Червонное казачество. Сб. материалов..., с. 169—170.
9. ЖУРАВЛЁВ Е.П. Не померкнет никогда, с. 27—28.
10. Червонное казачество. Сб. материалов..., с. 179.
11. РГВА, ф. 40 895.
12. ДУБИНСКИЙ И.В. Особый счет, с. 48—49.
13. КАСИМЕНКО В. Ук. соч., с. 170.
14. ДУБИНСКИЙ И.В. Особый счет, с. 108.
15. Червонное казачество. Сб. материалов..., с. 179.
16. РГВА, ф. 40 895.
17. Из семейного архива Верхованцевых.
18. Червонное казачество. Сб. материалов..., с. 179.
19. ПРИМАКОВ В.М. Страницы жизни и борьбы (Автобиография). В кн.: Червонное казачество. Воспоминания ветеранов, с. 8.
20. Биография В.М. Примакова, краткая справка о его работе за рубежом, список печатных трудов В.М. Примакова и литературы о нем и другие записи Ю.В. Примакова об отце. 1970—1997 гг. РГВА, ф. 30767 (личный фонд комкора В.М. Примакова), оп. 2, д. 16, л. 2.
21. Воспоминания А.И. Тилиса о С.А. Туровском. Из семейного архива Анатолия Владимировича Токаря. Киев.
22. ДУБИНСКИЙ И.В., ШЕВЧУК Г.М. Червонное казачество. Киев. 1987, с. 46.
23. Червонное казачество. Сб. материалов..., с. 179.
24. ЖУРАВЛЁВ Е.П. Не померкнет никогда, с. 27.
25. Там же, с. 27—28.
26. Гражданская война на Украине. 1918—1920. Сб. документов и материалов. Т. 1. Кн. 1. Киев. 1967, с. 343—345.
27. ГУРЬЯНОВ П.Д. Червонное казачество Украины в борьбе с иностранной военной интервенцией и внутренней контрреволюцией (январь 1918 — ноябрь 1920 гг.): Автореф. дисс. канд. ист. наук. Киев. 1964, с. 15.
28. Червонное казачество. Сб. материалов ..., с. 37—41.
29. Гражданская война на Украине, с. 546.

30. ГУРЬЯНОВ П.Д. Ук. соч., с. 16.
31. Цит. по: ШМИДТ А.К. Ук. соч., с. 4.
32. Червоное казачество. Сб. материалов..., с. 52—53, 59.
33. ДУБИНСКИЙ И.В. Красный витязь. В кн.: Червонное казачество. Воспоминания ветеранов, с. 16.
34. ЕГО ЖЕ. Особый счет, с. 3—4.
35. ГУРЬЯНОВ П.Д. Ук. соч., с. 17—18.
36. МЕДЯНСКИЙ М.С. Решающее сражение. В кн.: Червонное казачество. Воспоминания ветеранов, с. 121.
37. Приказ РВСР по личному составу № 68. 1920 г. Подлинник. РГВА, ф. 4, оп. 3, д. 103, л. 75—75об.
38. ДУБИНСКИЙ И.В. Особый счет, с. 108.
39. Показания арестованного И.Н. Дубового. В кн.: Лубянка. Советская элита на сталинской голгофе. 1937—1938. Архив Сталина: Документы и комментарии. 2011, с. 387.
40. Г.И. Котовский. Документы и материалы. К истории гражданской войны в СССР. Кишинев. 1956, с. 31.
41. РГВА, ф. 40 895.
42. ЖУРАВЛЁВ Е.П. Не померкнет никогда, с. 43.
43. Цит. по: ШМИДТ А.К. Ук. соч., с. 3—4.
44. ФРУНЗЕ М.В. Привет червонцам. В кн.: Червонное казачество. Воспоминания ветеранов, с. 4.
45. РГВА, ф. 40 895.
46. ЖУРАВЛЁВ Е.П. Не померкнет никогда, с. 46.
47. РГВА, ф. 40 895.
48. Приказ РВС СССР по личному составу № 196. 1923 г. В кн.: Приказы РВС СССР по личному составу армии. № 194—203. 1923 г. М. 1923, с. 2.
49. РГВА, ф. 37 976, оп. 1, д. 96, личное дело Якира И.Э. (7 июня 1921 г. — 12 февраля 1957 г.).
50. Приказ РВС СССР по личному составу № 146. 1924 г., с. 1—2.
51. ДУБИНСКИЙ И.В. Особый счет, с. 74, 114—115.
52. Приказ РВС СССР по личному составу № 111. 1927 г., с. 495.
53. ШМИДТ А.К. Ук. соч., с. 8.
54. ЧЕРУШЕВ Н.С., ЧЕРУШЕВ Ю.Н. Ук. соч., с. 116.
55. Приказ РВС СССР по личному составу № 45. 1932 г., с. 4.
56. Воспоминания А.К. Шмидт о С.А. Туровском. Киев.
57. Там же.
58. ШМИДТ А.К. Ук. соч., с. 13.
59. Воспоминания А.К. Шмидт о С.А. Туровском.
60. ДУБИНСКИЙ И.В. Особый счет, с. 58.
61. Правда. 14.IX.1933, № 254 (5780), с. 1.
62. Там же. 8.IX.1934, № 248 (6134), с. 1.
63. Заявление комдива В.Н. Львова в Военный совет Киевского военного округа. 10 июня 1937 г. Машинопись. РГВА, ф. 25 880, оп. 5, д. 3, л. 185.
64. ЧЕРУШЕВ Н.С. 1937 год: элита Красной армии на Голгофе. М. 2003, с. 103.
65. Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Декабрь 1934 г.: Документы и материалы. 2007, с. 28.
66. СУВЕНИРОВ О.Ф. Трагедия РККА 1937—1938. М. 1998, с. 157.
67. ДУБИНСКИЙ И.В. Особый счет, с. 74.
68. МИНАКОВ С.Т. 1937. Заговор был! М. 2010, с. 241.
69. Протокол № 26 (особая папка) заседания Политбюро ЦК ВКП (б) от 1 июня 1935 г. Пункт 35. Копия. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 17, оп. 162, д. 18, л. 39.
70. Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. 1—4 июня 1937 г. Документы и материалы. 2008, с. 151.
71. ШМИДТ А.К. Ук. соч., с. 16.
72. Там же, с. 19.

73. Краснознаменный Киевский: История Краснознаменного Киевского военного округа 1919—1979. Киев. 1979, с. 92—95.
74. ДУБИНСКИЙ И.В. Особый счет, с. 65.
75. Там же, с. 7—8.
76. Приказ НКО СССР по личному составу № 2395. 1935 г. Красная звезда. 22.XI.1935, № 269 (3214), с. 4.
77. ДУБИНСКИЙ И.В. Особый счет, с. 71.
78. ШМИДТ А.К. Ук. соч., с. 13.
79. ДУБИНСКИЙ И.В. Особый счет, с. 108.
80. Военный совет при народном комиссаре обороны СССР, с. 203—204.
81. Там же, с. 348.
82. ДУБИНСКИЙ И.В. Особый счет, с. 73.
83. Там же, с. 109.
84. Там же, с. 109—110.
85. Цит. по: ШМИДТ А.К. Ук. соч., с. 5.
86. Боевой совет при народном комиссаре обороны СССР, с. 348—349.
87. ДУБИНСКИЙ И.В. Особый счет, с. 110.
88. Там же, с. 110—111.
89. Там же, с. 110.
90. Там же, с. 114.
91. Там же, с. 115.
92. Там же, с. 72, 114.
93. ЧЕРУШЕВ Н.С. Ук. соч., с. 99.
94. Совершенно секретный приказ Народного комиссариата обороны СССР по личному составу № 00588. 1936 г. Подлинник. РГВА, ф. 37 837, оп. 4, д. 118, л. 30.
95. Показания арестованного И.Н. Дубового. В кн.: Лубянка. Советская элита на сталинской голгофе, с. 387.
96. ШМИДТ А.К. Воспоминания о С.А. Туровском.
97. Там же.
98. СУВЕНИРОВ О.Ф. Трагедия РККА 1937—1938. М. 1998, с. 405.
99. ДУБИНСКИЙ И.В. Особый счет, с. 154—155.
100. СУВЕНИРОВ О.Ф. Ук. соч., с. 380.
101. Расстрельные списки. Москва, 1935—1953. Донское кладбище (Донской крематорий). Книга памяти жертв политических репрессий. 2005, с. 462.
102. САМУЭЛЬСОН Л., ХАУСТОВ В.Н. Сталин, НКВД и репрессии 1936—1938 гг. М. 2010, с. 107.
103. Без строку давності. До 60-річчя «викриття» органами НКВС так званої «Військово-фашистської змови в Червоній Армії». З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. 1997, № 1/2 (4/5), с. 148.
104. Там же. № 1/2 (6/7), с. 154—155.
105. Военный совет при народном комиссаре обороны СССР, с. 182.
106. ШМИДТ А.К. Воспоминания, с. 18.
107. Военный совет при народном комиссаре обороны СССР, с. 125.
108. Стенограмма февральско-мартовского пленума ЦК ВКП (б) (23 февраля — 5 марта 1937 г.). — Военно-исторический журнал. 1993, № 1, с. 61.
109. Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП (б) 1937 года. — Вопросы истории. 1994, № 8, с. 6.
110. ШМИДТ А.К. Воспоминания, с. 13.
111. ДУБИНСКИЙ И.В. Особый счет, с. 184, 208.
112. Там же, с. 249.
113. СУВЕНИРОВ О.Ф. Ук. соч., с. 157, 269—270.
114. ЧЕРУШЕВ Н.С. Удар по своим. Красная армия: 1938—1941. М. 2003, с. 225.
115. Показания арестованного И.Н. Дубового. В кн.: Лубянка. Советская элита на сталинской голгофе, с. 109.
116. СУВЕНИРОВ О.Ф. Ук. соч., с. 157.

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

Эвакуация больных и раненых во время Русско-японской войны 1904—1905 гг.

А.А. Макичян

Предмет настоящей работы — эвакуация больных и раненых во время Русско-японской войны 1904—1905 годов. Учитывая отдаленность театра боевых действий, эвакуация оказалась наиболее острой проблемой. Что касается исследований данной темы, то их немного, и появились они в основном сразу после войны ¹.

Эвакуацию больных и раненых можно разделить на три этапа: помощь на театре боевых действий, транспортировка в тыл и перемещение внутрь страны. Для эвакуации были созданы две главные эвакуационные комиссии: Главная полевая в районе действий Маньчжурских армий, подчиненная главному начальнику санитарной службы при главнокомандующем всеми сухопутными и морскими силами, Главная тыловая и три тыловых (в Харбине, Никольске-Уссурийском и Чите), а также Петербургская и Московская внутренние эвакуационные комиссии. Полевая эвакуационная комиссия была основана в апреле 1904 г., а к июлю 1904 г. были учреждены три тыловые эвакуационные комиссии ². То есть эвакуационная комиссия стала работать лишь через 4 месяца после начала войны. Комиссии должны были располагаться так, чтобы через эвакуационные сборные пункты проходили все больные и раненые. Подразумевалось, что эвакуация должна была начинаться от боевых линий, хотя закон не устанавливал четко границы эвакуационных районов ³.

Рассмотрим сначала, как происходила эвакуация на театре боевых действий. Поле сражения начиналось от линии огня и заканчивалось полевыми госпиталями. На этом пространстве располагались передовые (полковые) и главные (дивизионные) перевязочные пункты. Эвакуация раненых с линии огня должна была выполняться полковыми носильщиками, а при их недостатке — ротами носильщиков дивизионных лазаретов. Зачастую санитары не справлялись с выносом раненых, приходилось использовать строевые нижние чины, что приводило к ослаблению боеспособности частей войск ⁴. В связи с этим было дано категорическое приказание по армии: «Вынос раненых разрешается производить исключительно только упомянутым выше 128 санитарам на полк. Кроме этих санитаров отлучаться из строя под предлогом выноса раненых,

Макичян Армине Артуровна — аспирант Исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

безусловно, никому не разрешать под ответственностью начальствующих лиц»⁵. На передовые перевязочные пункты раненые доставлялись на носилках, а при их нехватке — на палаточных полотнищах, шинелях или на руках. При отступлении носилки, как и другое имущество, часто бросали⁶. Нехватка перевозочных средств раскрылась лишь во время самой войны, так как в мирное время не была осуществлена серьезная подготовка. Транспорт, предназначенный для перевозки раненых, был плохо приспособлен для этих целей. Количество санитаров и носильщиков не было верно рассчитано⁷. Не были учтены условия ведения войны, а именно, постоянные отступления, вследствие чего на поле боя в огромном количестве были брошены раненые, большинство из которых так и осталось числиться среди без вести пропавших. Таким образом, уже на самом начальном этапе оказания помощи раненым имелись существенные недостатки.

На передовых перевязочных пунктах раненые оставались только до первой возможности дальнейшей их транспортировки. Следующим пунктом следования раненых был главный перевязочный пункт. При его удаленности на 4 и более километров, при хороших дорогах, 12—16 полковых лазаретных двуколок успевали сделать до 6 оборотов и, следовательно, могли вывести максимум 70 чел., а иногда накапливались сотни раненых, которые оказывались брошенными в случае срочной эвакуации⁸. Случалось, что главный перевязочный пункт задерживал двуколки, пользуясь ими для дальнейшей транспортировки раненых в госпитали вопреки п. 33 положения о носильщиках, согласно которому полковые лазаретные линейки ни в коем случае не должны были использоваться для дальнейшей перевозки раненых с главного перевязочного пункта в лечебные заведения⁹. Но были и такие случаи, когда не находилось никаких перевозочных средств: «Теперь и нам представлялось обдумать: отступить ли или остаться в плену? Эвакуировать тяжелораненых было не на чем. Я решил, что правильнее будет отступить, несмотря на то, что оставшиеся в плену врачи как-то более отличались высшим начальством и щедро награждались»¹⁰.

Главный перевязочный пункт эвакуировал раненых при помощи своего штатного обоза и военно-санитарных транспортных средств. Многие раненые были брошены на произвол судьбы: «Начальник штаба дивизии посоветовал нам, в случае отступления, оставить раненых под покровительством неприятеля, но, слава Богу, дивизионный врач, доктор Косач прислал носилок, чтобы забрать наших тяжелораненых и нести их к северу. Как нужны были в это время перевозочные средства! Многие тысячи людей не достались бы в плен врагу»¹¹. Этим фактом можно объяснить и большое число «без вести пропавших» в годы войны. Достаточно упомянуть, что в сражении на р. Шахэ таких насчитывалось: 35 офицеров и 4834 нижних чина; а под Мукденом эта цифра дошла до 280 офицеров и 27 929 нижних чинов. Цифра эта была бы меньше, если бы, согласно существовавшим законоположениям, во время сражений на помощь раненым был направлен транспорт армий и частей войск. Так, например, число перевезенных больных и раненых за весь период Мукденских сражений составляет 4200. Если принять во внимание, что бои под Мукденом длились 14—16 дней, то цифра 4200 больных и раненых, перевезенных за это время транспортом армии, покажется незначительной¹².

Дальнейшая эвакуация с перевязочных пунктов в полевые госпитали и на санитарные поезда производилась при помощи специально формируемых военно-санитарных транспортных средств. Во время Русско-японской войны были сформированы и действовали: 1) санитарные повозки частей войск, полковые санитарные обозы — из 16 повозок каждый; 2) санитарные обозы дивизионных лазаретов — из 32 двуколок в каждом; 3) военно-санитарный транспорт и

полутранспорт. Транспорт был рассчитан на 200, полутранспорт — на 100 раненых ¹³.

Но перевозка на подобных транспортных средствах оказывалась очень неудобной для раненых: «Все раненые в один голос заявляли, что ужасны не столько раны, сколько перевозка в этих адских двуколках и теплушках. Больные с полостными ранами гибли от них, как мухи. Счастлив был тот раненный в живот, который дня три-четыре провалялся на поле сражения неподобным: он лежал там беспомощный и одинокий, жаждал и мерзнул, его каждую минуту могли загрызть стаи голодных собак, — но у него был столь нужный для него покой; когда его подобрала, брюшные раны до известной степени уже склеились, и он был вне опасности. Нарушая прямые приказы начальства, врачи мукденских барачков на свой риск отделили часть барака под полостных раненых и не эвакуировали их. Результат получился поразительный: в-се они, двадцать четыре человека, выздоровели» ¹⁴.

Санитарные обозы полков и дивизионных лазаретов прибывали на войну вместе со своими частями. Военно-санитарный транспорт частично формировался на театре войны, частично прибывал из России и Сибири уже в ходе военных действий. В начале войны Маньчжурская армия имела очень небольшое количество перевозочных средств: двуколки — 5, полутранспорт — 2. Этого было недостаточно даже для первого периода Русско-японской войны. В июле 1904 г. перед Лаоянскими боями численность полутранспортных средств увеличилась на четыре, то есть можно было обслужить 1600 раненых, хотя их число после боя на Шахэ составило около 30 000. К Мукденским боям число санитарных транспортных средств составляло 25 и могло служить для 3000 раненых, в то время, как в Мукденских сражениях было ранено до 50 000 человек. После боев под Мукденом армия располагала 5 транспортными средствами и 34 полутранспортными ¹⁵. Вывоз раненых с перевязочных пунктов затруднялся еще и тем, что во время больших боев далеко не все полевые госпитали открывались для их приема. Вследствие этого очень часто раненые направлялись с перевязочных пунктов непосредственно в ближайший тыл или к линии железной дороги, приходилось делать большие рейсы, удаляться на десятки километров в тыл, что отнимало много времени на перевозку ¹⁶.

Таким образом, при эвакуации с перевязочных пунктов возникало огромное количество проблем. Войскам было сложно освобождать свои районы от больных и раненых — несмотря на то, что санитарное управление имело средства помощи, вследствие отсутствия связи оно ее не оказывало. Особенно беспорядочной и спешной была эвакуация во время боев, когда почти каждое сражение заставляло эвакуационную систему врасплох ¹⁷. Запасов обоза было крайне мало, что приводило к основной проблеме в организации эвакуации с передовых позиций — недостатку перевозочных средств. Для действия в Маньчжурии подходили только двуколки и вьюки, но двуколок было мало, а вьюков сначала не было совсем. Многие повозки были устаревшего типа. Так, не были доставлены рессорные коляски, приобретенные на благотворительные средства, а безрессорные повозки, имевшиеся в действующей армии, приводили к дополнительным травмам и причиняли урон раненым ¹⁸.

Следующим этапом эвакуации являлась транспортировка в тыл. Для вывоза по грунтовым дорогам действовал санитарный транспорт, для эвакуации по железным дорогам — санитарный поезд. Иногда приходилось прибегать к содействию транспорта, перевозившего продовольствие ¹⁹. Основным путем передачи раненых в тыл были Китайско-Восточная железная дорога и Транссибирская магистраль ²⁰. По существовавшим законоположениям, комиссии для эвакуации больных и раненых по железным дорогам могли пользоваться: а) типовыми военно-санитарными поездами, б) временными военно-санитарными поездами

и в) обратными воинскими, товарными и пассажирскими поездами²¹. Устройство и организация военно-санитарных поездов были определены специальным положением от 27 февраля 1904 г., согласно которому во главе поезда стоял комендант-офицер²². Ему подчинялись медицинская и санитарная части. Медицинский и санитарный персонал должен был состоять из старшего и двух младших врачей, 5 фельдшеров, 5 сестер милосердия и 25 санитаров. Но очень часто наблюдался некомплект медицинского персонала²³.

Если вагоны для офицеров соответствовали всем нормам, то вагоны для солдат быстро переполнялись большим количеством раненых²⁴. В каждом таком вагоне на полках, установленных в два яруса, помещалось 32 больных, иногда устраивался даже третий ярус. Для увеличения числа мест в вагоне использовались и боковые скамейки, а для защиты от холода окно прикрывалось щитом. Перевязочная была оборудована операционным столом, шкафчиком для инструментов, стерилизатором и цинковым сундуком для хранения белья и посуды. По положению, поезд должен был перевозить не менее 250 человек²⁵.

На практике подъемная сила поездов, сформированных в начале кампании, колебалась от 160 до 250 больных, в зависимости от количества вагонов. Но данного числа мест не хватало, и принимали больше раненых: «По их словам, поезд был битком набит; вместо полагаемых по штату 200 человек, было принято более 500... По крайней мере, треть из этого числа лежала в лежку: о подаче своевременной медицинской помощи и думать было нечего; в пору было только напоить, накормить и, пожалуй, спать уложить... Персонал поезда с ног сбился, ухаживая за ранеными, — работали без усталы, не покладая рук»²⁶. Из недостатков типовых поездов исследователи отмечали малое содержание воздуха в вагоне при недостаточной вентиляции, но эта проблема была не самой серьезной: «...вы говорите о кубическом содержании воздуха в вагонах для раненых... А вот неудобно ли: раненые, ехавшие сюда из Мукдена, три дня ничего не ели. Останавливаетесь на таких станциях, где нечем было кормить их...»²⁷

Учитывая тот факт, что раненым не всегда выдавали пищу на перевязочных пунктах, а иногда даже в госпиталях, для них было очень важно получить горячую еду хотя бы в санитарном поезде, в котором им предстояло провести не один день. В вагонах для легкораненых скамейки, поставленные у стенки по длине вагона, были неудобными: раненый, занимавший такое место, лежал под окном вдоль стены, которая при сибирских морозах так охлаждалась, что за ночь одеяло примерзало к стене, несмотря на вполне приемлемую температуру внутри вагона. Общим недостатком для всех поездов была медленная скорость²⁸. Но все эти недочеты оказывались несущественными в сравнении с теми проблемами, которые наблюдались в поездах, состоящих из товарных вагонов: «Откатывались двери, раненых с трудом втаскивали в высокие, без всяких лестничек, вагоны и клали на пол, только что очищенный от навоза. Не было печей, не было отхожих мест; в вагонах стояли холод и вонь. Тяжелые больные ходили под себя; те, кто мог, вылезал из вагона и ковылял к отхожему месту станции. Поезд давал свисток и, дернув изо всей силы вагоны, начинал двигаться. Раненые тряслись на полу, корчились, стонали и проклинали. Сообщения между вагонами не было; если открывалось кровотечение, раненый истекал кровью раньше, чем на остановке к нему мог попасть врач поезда»²⁹. Такой контраст между средствами для эвакуации, являлся опять же следствием неподготовленности военного министерства и подведомственных ему учреждений к военным действиям.

Поезда, формировавшиеся во второй половине войны, имели уже большую подъемную силу: так, были составы, рассчитанные на 400 больных, что достигалось прицепкой 10 и более вагонов-теплушек, названных так из-за установленных в них печек³⁰. Временные санитарные поезда должны были формироваться лишь на короткое время массовой эвакуации раненых и больных

(после больших сражений, либо при вспышке эпидемий)³¹. Учитывая спешную эвакуацию, не всегда находились средства и время, чтобы привести товарные вагоны в порядок в соответствии с санитарными нормами: «Хотя и говорили, что теплушечные вагоны каждый раз тщательно дезинфицируются, но это, я думаю, было скорее на словах, чем на деле»³².

В сентябре 1905 г. в распоряжении эвакуационных комиссий района военных действий имелось 38 типовых санитарных поездов. В среднем каждый из поездов за все время войны функционировал 488 дней, из которых 200 приходились на перевозку больных и раненых и 54 — на ремонт. Каждый поезд, в среднем, перевез 7600 чел., из них 80% больных и 20% раненых. Продолжительность рейсов с больными в один конец составляла от 2 до 18 дней³³. Но данного количества поездов было недостаточно: «Санитарные поезда... Это капля в море... Вывезут в них три, четыре, ну пять тысяч, а всех раненых чуть ли не пятьдесят тысяч»³⁴.

Деятельность санитарных поездов в районе военных действий протекала следующим образом. Составы направлялись в действующую армию из Харбина, по прибытии на место назначения в них производилась посадка больных и раненых или со сборного пункта, или же, что бывало чаще, прямо из госпиталей, иногда даже прямо с транспортных средств. Для посадки давалось зачастую очень мало времени (час-два), чего было недостаточно ввиду того, что необходимо было оборудовать прицепляемые к поезду теплушки. При спешной посадке больных и раненых никакого порядка не было. Вот что рассказывает в «Русском Враче» доктор Б. Козловский об эвакуации раненых во время боя на Шахе: «Эвакуируемые жестоко страдали от холода, тем более, что они также не были еще снабжены никакой теплой одеждой... Чтобы согреться, эвакуируемые в некоторых вагонах раскладывали костры (подложив кирпичи и т.п.); но это, разумеется, было исключением. Поезда большею частью отправлялись совершенно необорудованные, без кухонь, без свечей, без всякой сортировки больных и почти без медицинского персонала. Так, один поезд пришел в Харбин только с комендантом (офицером) и одной сестрой. Были поезда, шедшие все ночи во мраке вследствие недостатка свечей и следовавшие несколько станций без всякого медицинского персонала, который назначен был только в Телине. Не лучше было и с питанием больных. Приходилось кормить эвакуируемых в пути на военно-продовольственных пунктах, но здесь происходил целый ряд недоразумений: то неопытный комендант не отправлял вовремя телеграммы, то поезд опаздывал на много часов, а в результате больные нередко по двое суток не получали горячей пищи и голодали в холодных, нетопленных вагонах. Чем ближе к Харбину, тем больше усиливалась закупорка пути и тем больше мерзли и голодали эвакуируемые»³⁵.

Стоит особо отметить неудачное распределение больных между санитарными и теплушечными поездами, что зависело, по словам доктора Коварского, от того, кто заведовал посадкой, — если это был не врач, а строевой офицер, то он руководствовался, главным образом, одним: «чтобы посадка была сделана возможно скорее». При этом нередко десяток больных дизентерией или тифом, размещались в 8—10 вагонах и заражали весь поезд³⁶. Не лучше обстояло дело с дезинфекцией после заразных больных. Доктор Коварский приводит следующий пример: «на ст. Дальняя Чита появился подозрительный случай сыпного тифа в эшелоне. Чтобы дезинфицировать вагон, врач санитарной комиссии обратился за дезинфекционными средствами в центральный склад в Чите и получил нужные средства ... через 2 месяца, так как требование должно было пройти через Харбин»³⁷. Приняв больных, часть поездов отправлялась обратно в Харбин, а другая часть проходила далее в тыл и в Приамурье. Сдача больных первоначально, до устройства сборных пунктов, производилась беспорядочно,

они передавались в несколько госпиталей по мере того, как в них освобождались места, поэтому сдача затягивалась на несколько дней. В периоды усиленной эвакуации (во время и после боев под Ляояном и на р. Шахэ) в Харбине накапливалось большое количество санитарных поездов и им до разгрузки приходилось стоять на станции с больными и ранеными по несколько дней ³⁸.

Хотя главная роль санитарных поездов состояла в перевозке больных и раненых, не малое значение они играли и в качестве госпиталей: санитарные поезда прибывали с больными на большие станции (Харбин, Чита) и, разгружаясь, долго стояли, исполняя роль запасных госпиталей. Кроме того, военно-санитарные поезда, как в периоды между боями, так и во время сражений, продвигались вперед к позициям, где они брали на себя функции отчасти подвижных госпиталей, отчасти главных перевязочных и сборных пунктов. Многие поезда подвергались обстрелу ³⁹.

Какие меры предпринимались для урегулирования проблем, связанных с эвакуацией? Собирались заседания специалистов, озвучивались различные способы решения этого вопроса, но военно-медицинское управление никак не реагировало на проблемы. Например, заседание Общества врачей на Дальнем Востоке 28 августа 1904 г. постановило, что для правильной организации эвакуации необходимо усилить личный состав эвакуационной комиссии, но постановление это никаких изменений не вызвало ⁴⁰. Стоит обозначить и такую проблему, как некомпетентность военного начальства. Вот, что об этом писал доктор Вересаев: «Несомненно, большие подъемные и прогонные деньги — вещь весьма привлекательная, а на жирные оклады таких высоких должностей, как должность председателя эвакуационной комиссии, разгораются глаза и аппетиты многих; но это, мне кажется, не может еще служить основанием для назначения на эти должности» ⁴¹.

Следующей ступенью в пути раненого воина была эвакуация из учреждений тыла вглубь страны. Предварительно разработанного плана эвакуации больных и раненых на случай войны на Дальнем Востоке не имелось, а общий план эвакуации стал намечаться только после объявления войны ⁴². А масштабы эвакуации были огромными. Так, из Харбинского сводного № 4 госпиталя было вывезено 12 911 чел. (из общего числа 26 316), из них солдат — примерно 50%, а офицеров — 20% ⁴³.

Что касается эвакуационной комиссии в Харбине, то многие отмечают не совсем удовлетворительно организованную работу этого учреждения, так как заполнялись, прежде всего, военно-медицинские учреждения города, а затем — все остальные, из-за чего харбинские госпитали оказывались переполненными, а другие лечебные заведения тыла пустовали ⁴⁴. Кроме того, спешная эвакуация раненых и больных из Маньчжурии отрицательно сказывалась на самих эвакуируемых. Значительное число раненых умирало в вагонах в пути при отсутствии соответствующей помощи ⁴⁵. Сами врачи отмечали, что эвакуация была слишком бессистемной, причем тыловая эвакуационная комиссия не заботилась о том, чтобы эвакуация шла согласно действительной надобности госпиталей: «Деятельность этой комиссии была такова, как будто госпиталя существовали для нее, а не наоборот». Так, главный врач 4-го сводного Харбинского госпиталя отмечал: «Часто 4 госпиталь молил о немедленной эвакуации, и этого не делалось; наоборот, бывали дни, когда при наличии свободных мест, комиссия требовала “спешно” большого числа больных для эвакуации» ⁴⁶. Частая эвакуация мешала правильному лечению больных и раненых. Учитывая то, что в госпиталь ежедневно поступало до 60—100 чел., а через несколько дней нужно было уже эвакуировать больных, ординаторы занимались скорее не лечением, а сортированием больных и написанием скорбных листков: «У врачей опускались руки, и они сознавали, что при таких условиях правильное

лечение невозможно». Солдаты, отправленные в госпитали внутри страны, часто выписывались и поступали обратно в Харбин, что приводило к большому скоплению больных⁴⁷. Зачастую тыловая эвакуационная комиссия не считалась с наличием свободных мест в госпиталях, сразу направляя избыток больных и раненых в более дальние тыловые учреждения, вместо того, чтобы использовать харбинские госпитали как передаточный пункт.

Больные эвакуировались в двух направлениях: на запад, в Иркутск, а оттуда — в Европейскую Россию; либо на восток, в госпитали, расположенные в Никольск-Уссурийском и в Хабаровске. На запад отправлялись больные с хроническими заболеваниями, не поддававшиеся госпитальному лечению, а на восток — те, кто требовал лечения в течение 4—6 недель при постоянно переполненных госпиталях⁴⁸. Для эвакуации больных из Харбина в Иркутск имелось определенное количество санитарных поездов. В конце войны временных поездов было 42, а санитарных — около 25⁴⁹.

Выбор больных для эвакуации был предоставлен главным врачам госпиталей, а роль эвакуационной комиссии ограничивалась назначением времени отбытия поезда и уведомлением об этом главных врачей, с указанием числа больных, которых могли принять на поезд. Здесь особый интерес представляют свидетельства об эвакуации, выдававшиеся сводными харбинскими госпиталями. Согласно подобным свидетельствам, в большинстве случаев причиной эвакуации являлась необходимость «дальнейшего клинического лечения»⁵⁰. В основном, свидетельства выдавались тяжелораненым, требующим специальных операций, особого и длительного ухода. С течением времени список раненых, эвакуировавшихся из Харбина на запад, расширился. Но Иркутск мог не принимать больных, а за ним все лечебные заведения оставались пустыми⁵¹, так как не было согласованности между различными ведомствами и их руководителями, среди которых можно отметить председателя внутренней эвакуационной комиссии, Главноуполномоченного Красного Креста и начальника движения: «Мы посылали телеграфные запросы о посылке больных в Иркутске во все три инстанции, полагая, что эти ведомства сговорятся между собой; между тем мы нередко получали три исключаящих друг друга ответа, что ставило нас в крайне трудное положение. Что мог, например, сделать Иркутск, когда у него не было поездов...»⁵²

В 1904 г. из Харбина на север практиковалась также эвакуация по реке Сунгари до Хабаровска. Этот способ оказался менее удобным: так как реки в Сибири долгое время покрыты льдом, эвакуация по ним могла продолжаться лишь короткое время⁵³. В период навигации 1904 г. военным ведомством было отправлено из Харбина в Благовещенск 250 хронически больных нижних чинов на барже⁵⁴. Общие цифры эвакуируемых были следующие: в Приамурье с мая 1904 г. по октябрь 1905 г. из Харбина было перевезено больных и раненых: офицерских чинов 1817 и нижних чинов 94 915, а в Забайкалье за то же время — 603 офицерских и 51 812 нижних чинов. Во внутренние эвакуационные районы (на запад от озера Байкал) всего по 1 января 1906 г. было эвакуировано: раненых — 1150 офицерских и 35 746 нижних чинов и больных — 3264 офицерских и 101 095 нижних чинов⁵⁵.

Таким образом, наиболее острую проблему составляла эвакуация больных и раненых внутрь страны. Не хватало не только санитарных поездов, но и ясно составленной типовой инструкции, согласно которой следовало устраивать военно-санитарные поезда, в частности, во «Временном положении о военно-санитарных поездах» не было прописано, как следует оборудовать перевязочный пункт в вагоне. Если этим занимался врач, то недочетов практически не наблюдалось, чего нельзя сказать о военных чинах, привыкших делать все строго по уставу. Подобные пробелы в законодательстве приводили к двойственной трактовке многих положений, что было неприемлемо в условиях вой-

ны. Здесь стоит отметить, что в «Положении о военно-санитарных поездах» также не было полно и ясно изложено устройство временных военно-санитарных поездов, учреждаемых на случай массовой эвакуации. А ведь именно они функционировали в большом количестве во время Русско-японской войны практически без медицинского персонала, без соблюдения санитарных норм, без точного определения количества вагонов и т.д. Кроме того, в них не было элементарных условий для больных и раненых, многих приходилось устраивать на полу, особенно, если речь шла о товарных вагонах, которые в основном и использовались для эвакуации ввиду недостатка пассажирских вагонов. Очень условным было распределение отдельных групп больных: раненых и, к примеру, заразных больных. Не было в законодательных положениях разъяснено, сколько остановок должно было быть в пути и т.д.

В Русско-японскую войну 1904—1905 гг. в оказании медицинской помощи раненым превалировал принцип «эвакуация прежде всего». Не было практически никакой связи между различными ведомствами, заведовавшими эвакуацией на полях сражений, на перевязочных пунктах, в подвижных госпиталях и на транспорте — с одной стороны, и между самой эвакуационной комиссией с ее сборным пунктом, эвакуационным, санитарным и полевым управлениями — с другой. Наблюдались такие трудности, как отдаленность театра войны, слабая пропускная способность Сибирской магистрали, неподготовленность Дальневосточного округа к приему и размещению больных и раненых, непредвиденные масштабы эвакуации в последующие за крупными сражениями периоды.

Большой ошибкой, как отмечают многие исследователи, было назначение комендантов поездов из военных лиц с особыми привилегиями, что плохо сказывалось на организации эвакуации. Отрицательные последствия для эвакуационного дела имела и частая смена военно-медицинского персонала на теплушечных поездах, что мешало содержанию вагонов в должной чистоте и порядке. Сортировка больных была плохо организована. В районе полевой эвакуационной комиссии ее практически не было. При спешной посадке в поезд на север увозились как умирающие (от столбняка, брюшного тифа и других болезней), так и почти здоровые люди. Такой порядок привел, с одной стороны, к необходимости увеличения эвакуационных средств, а затем и к переполнению лечебных заведений ближайшего тыла (в частности, Харбина) тяжелобольными и ранеными; а, с другой стороны, — к переполнению лечебных заведений дальнего тыла почти здоровыми людьми, что наносило урон боеспособности армии. Следует учитывать и то обстоятельство, что эвакуация всех без разбора в тыл имела еще и деморализующее значение: солдаты, попадая в тыл, уже не хотели возвращаться обратно. Такая неправильная организация эвакуации была связана с отсутствием плана эвакуации. Во главе эвакуационной комиссии стояли лица, некомпетентные в вопросах медицины, и, конечно, большой проблемой была отдаленность театра боевых действий.

Примечания

1. МАКШЕЕВ Ф.А. Военно-санитарные поезда. — Русский инвалид. СПб. 1901, № 121, с. 129—150; КРЕЙНДЕЛЬ И.С. Эвакуация поля сражения и транспортировка раненых в Русско-Японскую войну. — Военно-медицинский журнал. СПб. 1908, № 11, с. 462—468; КОВАРСКИЙ Г.О. Эвакуация в Забайкалье больных и раненых в Русско-Японскую войну. — Там же. 1911, № 4, с. 709—742; ПОТИРАЛОВСКИЙ П.П. Эвакуация в современную войну. — Там же. 1908, № 5, с. 47—69.
2. ПАВЛОВ Е.В. На Дальнем Востоке в 1905 году. СПб. 1907, с. 40—41.
3. Положение о полевом управлении войск в военное время, с. 779—795.
4. ПАВЛОВ Е.В. Ук. соч., с. 349.

5. МАРТЫНОВ И.Е. Из печального опыта Русско-японской войны. СПб. 1906, с. 133—134.
6. Война с Японией 1904—1905 гг. Санитарно-статистический очерк. Пг. 1914, с. 59—60.
7. Положение о носильщиках. Приказы по военному ведомству за 1877 г., № 133.
8. Война с Японией 1904—1905 гг., с. 83.
9. Положение о носильщиках, № 133.
10. Д-В. А. Полковой перевязочный пункт во время боя в минувшей кампании. — Военно-медицинский журнал. 1908, № 2, с. 252.
11. ДЕНИСОВ А.С. Перевязочный пункт 148 пех. Каспийского полка в Мукденском бою. — Военно-медицинский журнал. 1908, № 11, с. 456—461.
12. КРЕЙНДЕЛЬ И.С. Ук. соч., с. 466.
13. Там же.
14. Там же.
15. Там же, с. 462—464.
16. Война с Японией 1904—1905 гг., с. 139.
17. ПОТИРАЛОВСКИЙ П.П. Эвакуация в современную войну. — Военно-медицинский журнал. 1908, № 5, с. 54.
18. Война с Японией 1904—1905 гг., с. 139.
19. Там же, с. 137—138.
20. Война с Японией 1904—1905 гг., с. 137—138.
21. Положение о полевом управлении войск в военное время, с. 779—795.
22. Приказы по военному ведомству за 1904 г., № 98.
23. ИВАНОВ И.Е. Впечатления раненого в русско-японскую войну. М. 1914, с. 39—40.
24. Там же, с. 35.
25. Приказы по военному ведомству за 1904 г., № 98.
26. ИВАНОВ И.Е. Ук. соч., с. 41.
27. БАЖЕНОВ В.П. Японская кампания. Тула. 1926, с. 10.
28. Война с Японией 1904—1905 гг., с. 150.
29. ВЕРЕСАЕВ В.В. Записки врача. На японской войне. М. 1986, с. 350—351.
30. Война с Японией 1904—1905 гг., с. 148.
31. Приказы по военному ведомству за 1904 г., № 98.
32. ПАВЛОВ Е.В. Ук. соч., с. 358.
33. Война с Японией 1904—1905 гг., с. 153.
34. БАЖЕНОВ В.П. Ук. соч., с. 11.
35. Письма с театра войны. Эвакуация после Мукденских боев (Шахэ). — Русский врач. СПб. 1905, № 5, с. 160.
36. КОВАРСКИЙ Г.О. Эвакуация в Забайкалье больных и раненых в Русско-Японскую войну. — Военно-медицинский журнал. 1911, № 4, с. 714.
37. Там же, с. 742—743.
38. Война с Японией 1904—1905 гг., с. 153.
39. Там же.
40. Письма с театра войны, с. 161.
41. ВЕРЕСАЕВ В.В. Ук. соч., с. 413.
42. Война с Японией 1904—1905 гг., с. 155.
43. ДЕМИЧ В.Ф. Харбинский сводный № 4 госпиталь. Его жизнь и деятельность в русско-японскую войну. — Военно-медицинский журнал. 1907, № 3, с. 539.
44. КОВАРСКИЙ Г.О. Ук. соч., с. 732.
45. ПАВЛОВ Е.В. Ук. соч., с. 345.
46. ДЕМИЧ В.Ф. Ук. соч., с. 539.
47. Там же, с. 540.
48. Там же, с. 538.
49. КОВАРСКИЙ Г.О. Ук. соч., № 5, с. 111.
50. Отчеты о движении больных в Харбинском сводном № 16 госпитале, сведения со списками раненых, выдача свидетельств после ранений. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 16 241, оп. 1, ед. хр. 11, л. 15—17.
51. Письма с театра войны, с. 162.
52. КОВАРСКИЙ Г.О. Ук. соч., № 4, с. 728.
53. ПАВЛОВ Е.В. Ук. соч., с. 360.
54. Война с Японией 1904—1905 гг., с. 154.
55. Там же, с. 127—129.

«Забытые голоса» первой мировой войны

В.Н. Денисов, А.Е. Загребин

Значимые юбилеи часто становятся поводом к возвращению, новому прочтению и, порой, переоценке прежних взглядов на ключевые даты истории. Одним из таких событий стала первая мировая война. Долго вынашиваемая в умах политиков и военных — война стала глобальным конфликтом, затронувшим интересы немалого числа государств, экономик, общественных институтов и конкретных людей, на долю которых выпала львиная доля лишений военного времени. Историки разных школ и направлений могут вполне аргументированно спорить о ее предпосылках, причинах и последствиях¹. Однако большинство из них сходится во мнении, что жизнь после «этой войны» стала иной, оставив в прошлом образы «долгого XIX века». Впервые на службу войне в таком количестве были поставлены идеологии, научные открытия, индустриальные прорывы и людские массы, ставшие невольными акторами вхождения мира в современность.

Модернизация как процесс качественных и количественных изменений основных параметров мироустройства, почти повсеместно затронувший Российскую империю накануне первой мировой войны, непосредственно отразился на сознании и поведении правящего класса, интеллигенции и многонационального крестьянства страны. Народам России пришлось в короткое время совершить переход от традиционалистских практик организации жизни к формам социальности, характерным для общества модерна.

Среди особенностей внутреннего содержания событий первой мировой войны активно заявил о себе так называемый «национальный фактор» — использование конфликтующими сторонами в своих целях межэтнических и профессиональных противоречий, имевших место в стане противника. Соответственно, растущую ценность приобретали этнографические сведения и специалисты в сфере этничности. Практическая роль науки о народах довольно скоро начала пониматься властями воюющих государств, к счастью, оставлявшими ученым известную свободу выбора.

Так, финно-угроведение, сложившееся на рубеже XIX—XX вв. в самостоятельное научное направление, в определенной степени связывало отечествен-

Денисов Виктор Николаевич — кандидат филологических наук, научный сотрудник; *Загребин Алексей Егорович* — доктор исторических наук, директор. Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН.

ную гуманитаристику с европейским народоведением. На протяжении почти двухсот лет результаты открытий, появляясь на страницах академических изданий, школьных учебников и популярной периодики, постепенно формировали чувство финно-угорского родства. Живой интерес к истории и культуре живущих в России родственных народов со стороны финских и венгерских интеллектуалов вел к интеграции их поисков с русскими исследователями, создавая дискуссионный контекст, столь необходимый для позитивного развития науки. Испытанием для профессионального сообщества стала первая мировая война, отказавшая финно-угроведам в праве пользования ранее апробированными механизмами получения и трансляции научного знания — полевыми экспедициями, музейными и университетскими стажировками². Кроме того, сам объект исследования, надев солдатские шинели, пришел в мобилизационное движение, оказавшись в рядах противоборствующих армий. В условиях войны ученые должны были искать нетривиальные формы научной работы.

На территориях воюющих стран, в том числе, в Австро-Венгрии и Германии, оказались сосредоточены невиданные прежде массы пленных разных национальностей, что создавало немалые трудности для военных ведомств, местных администраций и самих военнопленных. При большой концентрации заключенных нередко были случаи бытовых и межэтнических конфликтов. В некоторых лагерях практиковалось дифференцированное содержание военнопленных по этническому и конфессиональному признакам, велась сепаратистская пропаганда среди представителей национальных и религиозных меньшинств³. Например, украинцы, грузины, поляки и военнопленные-мусульмане имели больше привилегий, чем российские военнопленные других национальностей.

В числе оказавшихся в плену солдат и офицеров русской армии были выходцы и из финно-угорских регионов России, в том числе удмурты. Определить, сколько их было в странах Четверного союза, не представляется возможным, поскольку многие немецкие военные архивы серьезно пострадали во время бомбардировок и пожаров в конце второй мировой войны, а работы в Венском военном архиве в данном направлении только начались. Что касается учета с российской стороны по документам органов, ответственных за призыв, то сделать это также непросто. Дело в том, что исторически удмуртские селения располагались в нескольких губерниях — Вятской, Казанской, Уфимской, Пермской, Самарской. С началом первой мировой войны военнообязанные-удмурты призывались в армию из этих регионов, а, пройдя плен и в большинстве — гражданскую войну, возвращались уже во вновь созданные административно-территориальные образования.

Нахождением в лагерях множества военнопленных из разных стран раньше других заинтересовались немецкие, австрийские и венгерские ученые, решившие воспользоваться сложившейся ситуацией в научных целях, так как в условиях военного времени крайне сократились возможности проведения этнографических и антропологических экспедиций, включая фиксацию полевых материалов с применением звукозаписывающих аппаратов. В Австрии инициаторами изучения военнопленных выступили антрополог Рудольф Пёх и композитор Роберт Лах. На венгерских землях «лагерной этнографией» занимались Бернат Мункачи, Давид Рафаэль Фокош-Фукс, Эден Беке, Антал Клемм и Игнац Кунос. В Германии работу с пленными вел Вильгельм Дёген и другие члены Королевской Прусской Фонографической комиссии.

Чтобы глубже понять интерес ученых к таким изысканиям, необходимо вернуться к истории возникновения двух крупнейших европейских звуковых архивов, которые оказались в центре этих необычных для военного времени исследований.

Идея создания первого хранилища звуковых коллекций принадлежит австрийским ученым, членам Императорской академии наук физику Л. Болцманну и физиологу З. Экснеру. Датой основания Венского фонограммархива считается 27 апреля 1899 года. Он был создан именно как место хранения звуковых материалов, проведения систематических записей и использования их в научных целях. Возникновение подобного архива было далеко не случайным: прошло уже более двадцати лет с появления первого звукозаписывающего аппарата — фонографа, изобретенного в 1877 г. американским изобретателем Т. Эдисоном. За это время фонограф, а вслед за ним граммофон Э. Берлинера (1887 г.), приобрели большую популярность. Во время экспедиций, равно как и в студийных условиях, появилась возможность фиксации речи или песенных мелодий на механические носители — фонографические восковые валики и граммофонные пластинки, которые можно было многократно прослушивать, анализировать и расшифровывать.

Берлинский фонограммархив был основан в 1900 г. по инициативе профессора психологии Карла Штумпфа. С 1905 по 1933 гг. им руководил музыковед Эрих фон Хорнбостель. Под его руководством архив стал ведущим европейским звуковым хранилищем⁴. Хорнбостелю удалось наладить плодотворное сотрудничество с коллегами из Берлинского музея этнографии⁵. Постепенно сотрудники Фонограммархива смогли привлечь к записи звуковых материалов этнологов, лингвистов, географов, археологов, военных, медиков, миссионеров и даже коммерсантов.

Звуковые коллекции Фонограммархива Австрийской Академии наук уже давно привлекают внимание фольклористов и языковедов всего мира. Но для отечественных ученых особую ценность представляют записи русских военнопленных, сделанные в период с 1915 по 1918 г. под руководством Лаха и Пёха. Несмотря на военное время и скудное финансирование, они, в отличие от германских коллег, практически сразу после проведения записей приступали к подготовке публикаций. К расшифровке звукозаписей привлекались лучшие специалисты, в том числе, из Венгерской Академии наук.

Именно участие венгерских ученых в этом «невоенном» проекте повлияло на то, что из лагерей в Австро-Венгрии было привлечено к звукозаписи немало представителей финно-угорских народов Российской империи⁶. Записи еще продолжались, а из печати уже вышли два сборника, в которых был сделан предварительный анализ фольклорно-лингвистических материалов. В них вошли марийские, чувашские, эстонские, мордовские, коми-зырянские и коми-пермяцкие песни⁷. В результате значительная часть фольклорных записей была самым тщательным образом расшифрована, описана и издана.

Пожалуй, самая продуктивная научная работа с военнопленными-удмуртами шла в крупном лагере для военнопленных в местечке Кенермезе неподалеку от г. Эстергом на территории современной Венгрии. Как писал впоследствии профессор Д.Р. Фокош-Фукс: «Это стало для нас большой новостью, что уже в первый год мировой войны среди многочисленных русских военнопленных, размещенных преимущественно в лагере в Эстергоме, были солдаты, родной язык которых, как удалось установить, был одним из финно-угорских или тюркских. Таким образом, появилась возможность изучать языки военнопленных здесь на месте. Венгерская Академия наук сделала все возможное, чтобы использовать этот благоприятный случай для изучения финно-угорских и тюркских народов. К счастью военная администрация быстро пошла навстречу и предоставила в распоряжение лингвистов упомянутые категории военнопленных»⁸.

В Эстергомском лагере находилось 39 пленных солдат-удмуртов, из числа которых были подобраны информанты. Собственно сбор и расшифровку удмуртских записей, а также перевод их на немецкий язык осуществил венгерс-

кий лингвист и этнограф Б. Мункачи. Еще в 1885 г. в 25-летнем возрасте он впервые побывал с научной экспедицией в удмуртских селениях⁹. Вторично Мункачи приезжал к удмуртам в 1888 г., проверяя старые и делая новые записи. Годы спустя он писал: «С восторженным интересом следит венгерский взор за востоком Европы, за теми краями, где забрезжила заря его национального бытия, и где легенды древнего времени приобрели крылья. Посещение прежней родины и оторвавшихся братьев и сестер прельщает наши пылкие души, как волшебная картина, через многие столетия идея древнейшей истории как самая главная притягательная сила сказывалась в тех научных командировках новейшего времени, цель которых была одна — изучение родственных народов и языков»¹⁰.

Современники и исследователи научного творчества Мункачи отмечают теплое душевное отношение венгерского ученого к удмуртам. Знание языка, глубокий интерес к культуре родственного народа способствовали успеху его научной работы и помогли ему быстро преодолеть недоверчивость людей, лишенных свободы вдаль от дома. Сам Мункачи описал первую встречу с военнопленными так: «Волнение величайшей степени отразилось на их лицах. Я приветствовал их по-удмуртски “Зеч на-а!” (Как себя чувствуете), на что мне ответили: “Зеч!” (Хорошо). Настроение немного спало от нашей шумной речи. “Ребята, не бойтесь, — говорю, — ничего плохого с вами не будет!” — “Солдат не боится”, — прозвучал ответ одного из удмуртов. Затем я усадил их на скамью и начал с ними говорить. Рассказал им как в молодости ездил на их родину, и кто был тогда моими помощниками — мастерами удмуртского языка; расспросил, не знают ли они их. Затем показал свои удмуртские издания и прочитал из народно-поэтических собраний одну сказку и одну песню. Это произвело на удмуртов хорошее впечатление, они стали держаться уверенно, заявив, что тоже знают такие песни и сказки и готовы их рассказать»¹¹.

Около двух лет, с весны 1915 г. до весны 1917 г., продолжалась работа Мункачи с военнопленными-удмуртами, многие из которых стали его добрыми знакомыми. В его распоряжении оказалась «... колоссальная источниковая база, кажется, почти по всем группам удмуртов и отражающая едва ли не исчерпывающе духовную сферу жизнедеятельности удмуртского этноса конца XIX — начала XX века»¹². Финно-угроведа интересовало все: песни, сказки, мифы, легенды, предания, загадки, пословицы, приметы, поверья, заговоры, рассказы этнографического и бытового содержания. Богатый материал, собранный им за многие годы, включая записи военнопленных, нашел отражение в книге «Народные обычаи и народная поэзия удмуртов», опубликованной уже после второй мировой войны¹³. Заслуга в публикации столь значимого труда принадлежит ученику Мункачи Фокошу-Фуксу, который также входил в группу ученых Венгерской Академии наук, работавшую в лагерях. В сфере его ответственности были фольклорные тексты военнопленных-коми и коми-пермяков¹⁴. Позже эти сведения были объединены Лахом с удмуртскими и изданы отдельным томом¹⁵. Сопроводительные материалы к звукозаписям Фонограммархива Австрийской Академии наук показали, что кроме венгерских ученых записи удмуртов в Будапеште осенью 1917 г. вел также Пёх. Всего им было записано 8 восковых дисков, на которых звучит более 20 песен и коротких рассказов. Рукописи Пёха хорошо сохранились, но пока не опубликованы, а сами записи к настоящему времени уже переведены в цифровой формат.

При проведении записей австро-венгерские исследователи документировали весь процесс: на каждого военнопленного был заведен «сопроводительный лист», в котором указывали место рождения информанта, а также данные его родителей, национальность, профессию, уровень грамотности, религиозную принадлежность, дату записи, лагерь и жанр исполняемого произведения. Иногда

на этих же листах приводилась письменная расшифровка текста песни или рассказа. В тех случаях, когда информант был грамотным, он сам заранее писал текст, который предстояло зафиксировать. На основе анализа работ Лаха и Мункачи, а также рукописных материалов, имеющих отношение к записям Пёха, был составлен общий список военнопленных-удмуртов, участвовавших в 1915—1918 гг. в звукозаписях на территории Австро-Венгрии. Удалось также уточнить названия населенных пунктов, откуда призывались информанты, с их привязкой к современным муниципальным образованиям.

Сейчас трудно сказать, все ли они шли на контакт с учеными добровольно, но личное участие Мункачи в этом научном проекте, несомненно, повлияло на готовность военнопленных-удмуртов стать информантами. Об этом говорят сохранившиеся отзывы участников записей тех лет. В 1958—1960 гг. научный сотрудник Удмуртского НИИ истории, языка и литературы Г.А. Архипов вел переписку с земляками и родственниками некоторых информантов. Все воспоминания о венгерском ученом были в высшей степени положительными: участники записей высказывали ему глубокую благодарность за помощь и поддержку в трудное для них время ¹⁶. Мункачи помогал им получать дополнительное питание, добивался перевода на более легкие работы, что в условиях плена было немаловажно, а, самое главное, вселял в них веру в ценность их народной культуры и, в конечном счете, их собственной жизни и человеческого достоинства.

Таким образом, Мункачи, Лахом и Пёхом были собраны и большей частью опубликованы ценные фольклорно-лингвистические материалы, составляющие важную часть историко-культурного наследия удмуртского народа. Звуковые записи и рукописи, хранящиеся в Фонограммархиве Австрийской Академии наук, еще предстоит ввести в научный оборот отечественной науки, чтобы они действительно стали общим достоянием. Тем не менее, ясно одно: трудами австрийских и венгерских ученых собрана и сохранена подробная и достоверная информация об удмуртах — участниках записей в лагерях военнопленных во время первой мировой войны.

В звуковых архивах Берлина хранятся не менее значительные коллекции образцов речи и фольклора финно-угорских народов, в том числе, и удмуртские материалы. История их появления также связана с периодом первой мировой войны, когда в октябре 1915 г. по инициативе ряда немецких ученых — лингвистов, этнологов, антропологов, музыковедов и востоковедов — была создана Королевская Прусская Фонографическая комиссия, в задачу которой входила организация звукозаписи военнопленных в лагерях Германии с помощью технических возможностей и опыта Берлинского фонограммархива.

Члены комиссии провели большую предварительную работу по обследованию почти 70 лагерей военнопленных в Германии, но сами записи были сделаны только в 31 из них ¹⁷. В общей сложности ученым удалось собрать звуковые материалы по 250 языкам и диалектам народов разных частей мира, а количество записанных информантов доходило до 2 тысяч. Вместе с записью образцов речи и фольклора снимались антропологические параметры информантов, проводилось фотографирование некоторых из них, а иногда использовался фоторентген для фиксации работы речевых органов. Звуковые записи велись на фонографе Эдисона и граммофоне Берлинера. Результаты были зафиксированы на 1022 восковых валиках и 1651 шеллаковой пластинке. Длительность звучания на восковых валиках составляла примерно 2 мин., а на пластинках — до 4 минут. При этом языковые записи велись преимущественно на граммофонные пластинки, а музыкальные — на восковые валики. Сотрудники комиссии протоколировали весь процесс записи, указывая в специальных карточках место и дату рождения информанта, сведения о его родителях, профессию, знание языков, умение играть на музыкальных инструментах.

Такая подробная информация вносилась в карточки военнопленных при записи их на шеллаковые пластинки. К сожалению, при проведении фольклорных фонозаписей подробное описание не велось. Поэтому полных данных об информантах в рукописном отделе Берлинского фонограммархива найти невозможно. Сопроводительные материалы представляют собой листы небольшого формата, заполненные латиницей, чернилами или карандашом (иногда — химическим). Порой по этим записям трудно определить точное написание имен и фамилий информантов, поскольку они записывались на слух. К расшифровке начальных строк песен привлекались ученые-лингвисты Э. Леви и Г. Якобсон, которые, впрочем, не владели удмуртским языком, и полные расшифровки записей удмуртских информантов отсутствуют. В сводной таблице по военнопленным-удмуртам указаны лишь имена и фамилии исполнителей и исследователей, участвовавших в расшифровке, а также лагерь, в котором содержались информанты.

На сегодняшний день наиболее полные данные имеются только об одном информанте-удмурте — Кузьме Пушине из деревни Сяртчигурт Старо-Кый-лудской волости Сарапульского уезда Вятской губернии. На момент проведения записей 15 июля 1916 г. ему исполнилось 26 лет. На восковой валик он напел песню «Ой, мама моя, мама», а на шеллаковой пластинке записан его рассказ о Вумурте (дух воды, водяной в удмуртской мифологии).

Анализ материалов двух берлинских звуковых архивов показал, что в годы первой мировой войны в лагерях военнопленных в Германии было записано в общей сложности 17 информантов-удмуртов. Первая запись была проведена в июне 1916 г., а последняя датируется ноябрем 1918 года. И хотя сопроводительные справки к записям удмуртского фольклора, хранящиеся в Берлинском фонограммархиве, недостаточно информативны, материалы, собранные членами Прусской Королевской Фонографической комиссии, являются, несомненно, уникальными. Случилось так, что вскоре после завершения записи, звуковые коллекции были разделены. Значительная часть музыкальных записей на восковых валиках была передана в Берлинский фонограммархив, тогда как шеллаковые пластинки с образцами речи оказались в созданном в 1920 г. Лаутархиве Берлинского университета им. В. фон Гумбольдта. К 2006 г. звуковые коллекции Лаутархива и рукописи к ним были переведены в цифровой формат и сейчас доступны на его сайте¹⁸, а сам архив сегодня является частью университетского Института музыковедения.

Что касается коллекций Берлинского фонограммархива, то они еще ждут своего часа. Такая задержка связана с объективными трудностями, учитывая непростую историю этого звукового хранилища. В силу сложившихся обстоятельств, звуковые коллекции на восковых валиках хранились отдельно от рукописных материалов. После объединения Германии они вновь оказались в историческом здании Фонограммархива в районе Далем западной части Берлина. Сейчас этот звуковой архив, являющийся частью Этнологического музея, проводит большую работу по описанию своих коллекций¹⁹. Так, 985 валиков с записями военнопленных 1915—1918 гг. были объединены в коллекцию № 238 под названием «Phonographische Kommission». В ближайшее время завершится проект по их подробному описанию, но до его окончания вся информация, относящаяся к записям военнопленных, закрыта для ознакомления. Сами же исторические записи с восковых валиков в оцифрованном виде доступны при обращении в Фонограммархив.

В последние годы в России существенно возрос интерес к периоду первой мировой войны. Но чем дальше уходит от нас то время, тем ценнее оказывается все, что связано с ним. В этом смысле записи военнопленных, проведенные во время первой мировой войны учеными из Австро-Венгрии и Германии, спо-

способствуют сохранению историко-культурного наследия многих народов мира, в том числе удмуртов. Столь массовое привлечение военнопленных к научным исследованиям гуманитарного профиля было, пожалуй, единственным в своем роде случаем в истории войн.

Примечания

Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда. Проект № 14-18-03573 «Поля несуществующего»: неизвестные источники по истории и культуре финно-угорских народов России (поиск, публикация, популяризация).

1. См., например: Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. М. 1994; ПЕТРОВ Ю.А., ПАВЛОВ Д.Б. Первая мировая война: кто виноват? (Историкографический этюд). — Российская история. 2014, № 5, с. 3—13; СЕРГЕЕВ Е.Ю. Актуальные проблемы изучения Первой мировой войны. — Новая и новейшая история. 2014, № 2, с. 3—15.
2. WICHMANN Y. Wirkungen des Weltkriegs auf die finnisch-ugrische Völker und ihre wissenschaftliche Erforschung. — Journal de la Société Finno-Ougrienne. 1930, Vol. 44, S. 17—18.
3. NACHTIGAL R. Troops of Estonian origin among Russian POWs in Germany in 1914—1918. Encapsulated Voices: Estonian Sound Recordings from the German Prisoner-of-War Camps in 1916—1918. Cologne-Weimar-Vienna. 2011, p. 28—29.
4. ZIEGLER S. Die Wachsylinder des Berliner Phonogramm-Archivs. Berlin. 2006, S. 52.
5. KOCH L.-CH., WIEDEMANN A., ZIEGLER S. The Berlin Phonogramm-Archiv: A Treasury of sound recordings. — Acoustical Science and Technology. 2004, vol. 25, issue 4, p. 227—231.
6. BEKE Ö. Finnisch-ugrische Sprachstudien in ungarischen Kriegsgefangenenlagern. Helsinki. 1938.
7. LACH R. Gesänge russischer Kriegsgefangener im August und September 1916. Wien. 1917; EJUSD. Gesänge russischer Kriegsgefangener im August bis Oktober 1917. Wien. 1918.
8. Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken. Aus dem Nachlasse von Bernhard Munkácsi. Herausgegeben von D.R. Fuchs. — Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. 1952, Vol. 102, S. V.
9. КЕЛЬМАКОВ В.К. Слово о Бернате Мункачи, исследователе удмуртов. В кн.: Венгерские ученые и пермская филология. Устинов. 1987, с. 12—24.
10. MUNKÁCSI B. Jelentés az estergomi fogolytáborban végzett wotják nyelvi és néprajzi tanulmányairól. — Akadémiai Értesítő. 1916, Februar 15, ol. 61.
11. МУНКАЧИ Б. В лагере военнопленных в Эстергоме. В кн.: Подарок Мункачи. Песни и сказания. Ижевск. 1983, с. 72.
12. ВЛАДЫКИН В.Е. Бернат Мункачи и вопросы удмуртской этнографии. В кн.: Венгерские ученые и пермская филология. Устинов. 1987, с. 27—28.
13. Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken. Aus dem Nachlasse von Bernhard Munkácsi. Herausgegeben von D.R. Fuchs. Helsinki. 1952.
14. Fuchs Dávid Rafael dr. levele zürjén hadifogoly-tanulmányok ügyében. — Keleti Szemle. 1915/1916, Kt. XVI, ol. 261—262; Fuchs Dávid Rafael dr. levele zürjén hadifogluokkal való nyelvi tanulmányairól. — Keleti Szemle. 1916/1917, XVII, ol. 228—230.
15. LACH R. Gesänge russischer Kriegsgefangener. I B. Finnisch-ugrische Völker. 1. Abteilung. Wotjakische, syrjänische und permiakische Gesänge. Transkription und Übersetzung der wotjakischen Texte von Prof. Dr. Bernhard Munkácsi, der syrjänischen und permiakischen von Dr. Raphael Fuchs. Wien-Leipzig. 1926.
16. АРХИПОВ Г.А. О встречах с информантами Б. Мункачи, их родственниками и земляками. В кн.: Венгерские ученые и пермская филология. Устинов. 1987, с. 72—75.
17. ROOS J. On Estonian recordings made in German prisoner-of-war camps during World War I. In: Encapsulated Voices..., p. 45.
18. <http://www.sammlungen.hu-berlin.de>.
19. ZIEGLER S. Op. cit.

Формирование архивного фонда «Управление наместника Кавказского»

И.Н. Колесников

Государственное казенное архивное учреждение «Государственный архив Ставропольского края» (ГА СК) является одним из крупнейших архивов на Северном Кавказе. Здесь хранятся 4759 фондов, 9 коллекций документов, более 1 млн дел.

Государственный архив Ставропольского края располагает ценной источниковой базой для изучения истории Ставрополя и Северного Кавказа с конца XVIII века. Фонды местных государственных учреждений, суда, прокуратуры, военных и полицейских управлений, научных, культурно-просветительных, сословных, земских, общественных организаций отражают историю заселения и освоения территории Ставропольской губернии (до 24 июля 1822 г. — Кавказской губернии; до 2 мая 1847 г. — Кавказской области) с начала XVIII века ¹.

В числе особо ценных документов — жалованная грамота Павла I дербентовским армянам, герб князей Багратионов и родовое древо полковника князя Александра Ивановича Багратиона, грамота дворянке поручице Прасковье Ивановне Пущиной для составления дворянской родословной книги и родовое древо Пушиных, переписка и официальные донесения о пребывании на Кавказе и гибели на дуэли М.Ю. Лермонтова, чертежи и рисунки знаменитых зодчих Кавказских минеральных вод — архитекторов Джузеппе и Джованни Бернардацци и др.

В научно-справочной библиотеке архива около 19 500 томов печатных изданий, в том числе, 110 книжных памятников 1721—1830 гг., рукописные книги конца XVIII в. и старопечатные издания.

Среди наиболее полных комплексов архивных источников — фонды Ставропольского губернского правления, Канцелярии Ставропольского губернатора, Ставропольской духовной консистории, Ставропольской казенной палаты, Ставропольской палаты государственных имуществ, Ставропольского городничего.

Особое место в Государственном архиве Ставропольского края занимает фонд № 235 «Управление наместника Кавказского», являющийся одним из наиболее значимых в данном учреждении.

Документы фонда представляют интерес для изучения истории административно-территориального устройства Кавказской губернии, так как содержат

Колесников Илья Николаевич — кандидат исторических наук, старший преподаватель филиала Российского государственного социального университета. Кисловодск.

описания границ, списки крепостей и станиц, уездов и входящих в них сел. Документы могут быть использованы при изучении истории межнациональных отношений на Кавказе, политики Российского государства по отношению к коренным народам Кавказа. В документах имеются также сведения об истории казачества, межевании земель государственным крестьянам, состоянии торговли, развитии винокурения и по другим вопросам.

Как известно, в последней четверти XVIII в. правительство Екатерины II приступило к реформе местного управления, издав 7 ноября 1775 г. закон под названием «Учреждение для управления губерний Всероссийской империи»².

Первой отличительной особенностью вводимой системы местного управления было новое административно-территориальное деление страны на наместничества (губернии) и уезды.

Второй особенностью стало наделение главных должностных лиц местной администрации необычайно широкими полномочиями. Реформой предусматривалось отраслевое устройство местных учреждений. На местах создавалась развитая сеть административно-полицейских, судебных и финансово-хозяйственных учреждений, поставленных под общий надзор и руководство главной местной администрации.

Губернии с новым аппаратом получили наименование наместничеств³. Наместники, в отличие от губернаторов были наделены очень широкими полномочиями и большой самостоятельностью. Они могли присутствовать в Сенате с правом голоса наравне с прочими сенаторами. Наместники отвечали за деятельность всех местных учреждений, ведали назначением, перемещением и поощрением чиновников (кроме членов наместнического управления и лиц, занимающих прокурорские должности). В непосредственном распоряжении наместников находились местные войска и полиция.

Наместнические правления были созданы для общего руководства отраслевыми местными учреждениями, а также для надзора за ними. В обязанности наместнического правления входило доведение до подведомственных ему учреждений всех законов и распоряжений правительства, контроль за их исполнением и содействие всей текущей деятельности местных учреждений. При наместническом правлении функционировала канцелярия. Отдельно существовала канцелярия наместника.

Кавказское наместническое правление начало свою деятельность 18 января 1786 года⁴. Исполняющий должность Саратовского и Кавказского генерал-губернатора генерал-поручик Павел Сергеевич Потёмкин одновременно с открытием действий наместнического правления открыл по обряду отраслевые местные учреждения: Казенную Палату, Палаты уголовного и гражданского судов, Совестный суд, Приказ общественного призрения, Верхний земский суд (из двух департаментов), губернский магистрат (из двух департаментов), Верхнюю расправу (из двух департаментов).

Территория наместничества имела в своем составе 7 уездов. Его центром стал губернский город Екатериноград, бывший также центром одноименного уезда. Кроме него в составе наместничества было 6 уездных городов: Александров (Александровск), Астрахань, Георгиевск, Кизляр, Моздок и Ставрополь.

Во всех уездных городах также состоялись торжественные открытия присутственных мест, которые проводили направленные из наместнического правления чиновники. Уездные суды и дворянские опеки были открыты в Моздоке и Георгиевске, нижние земские суды и городовые магистраты — во всех уездных городах, нижние расправы — в Кизляре, Екатеринограде и Ставрополе. В Кизляре и Моздоке были учреждены должности комендантов, в остальных уездных городах — городничих⁵.

Одним из первых мероприятий наместнического правления стало снабжение всех присутственных мест в губернском и уездных городах текстами зако-

нов Российской империи, инструкциями, канцелярскими принадлежностями, деньгами на расходы.

22 августа 1790 г. был принят указ Сената о переводе центра Кавказского наместничества из Екатеринограда в Астрахань. Город Екатериноград получил статус станицы, Екатериноградский уезд был упразднен, его населенные пункты распределены между Александровским, Георгиевским и Моздокским уездами ⁶.

В связи с тем, что Екатериноград потерял статус города, представители городского сословия — купцы и мещане — стали переселяться в Астрахань или другие города наместничества по выбору.

В 1796 г. в связи с изменениями в системе местных органов государственного управления были упразднены должности наместников ⁷. Управление губерниями целиком перешло в руки губернаторов. Наместнические правления были упразднены, а главным административным учреждением губернии стало губернское правление.

Как уже говорилось, Кавказское наместническое правление было открыто в январе 1786 года. В составе фонда «Управление наместника Кавказского» имеются документы за более ранний период времени, которые не являются документами наместнического правления. В частности, это инструкция генерала Левашова командующему Тенгинским пехотным полком полковнику Красногородскому об устройстве зимнего лагеря, обычаях горских народов, отношениях с ними, устройстве караулов и по другим вопросам от 12 июля 1735 г. (д. 3); копия указа Правительствующего Сената об учреждении карантинной стражи от 20 октября 1832 г. (д. 79), копия указа о торговле с горскими народами от 9 октября 1759 г. (д. 1); документы об отношениях с инородцами — архивные копии, истребованные Ставропольским губернским правлением из Ставропольского губернского архива в 1861 году (д. 99).

В самом начале своей деятельности Кавказское наместническое правление сделало запросы в центральные органы государственного управления об обеспечении всех присутственных мест текстами законов. Копии этих документов были получены и оставлены в делопроизводстве всех присутственных мест.

Документы Кавказского наместнического правления за 1786—1796 гг. предположительно попали в Георгиевск в 1803—1804 гг. в составе документов Астраханского губернского правления, когда незаконченные делопроизводством дела передавались в Кавказское губернское правление в связи с выделением Кавказской губернии из Астраханской. 15 ноября 1802 г. был издан указ о разделении Астраханской губернии на собственно Астраханскую и Кавказскую с центром в Георгиевске ⁸. Непосредственно после образования Кавказской губернии туда из общего архива Астраханского губернского правления были отправлены документы, относящиеся к территории, вошедшей в состав новой губернии. Впоследствии, в 1824 г., документы фонда были переданы в Ставрополь, куда был перемещен центр Кавказской области (с 1847 г. — Ставропольской губернии).

В процессе разбора документов отдела дореволюционных фондов после освобождения города от немецко-фашистской оккупации, архивный фонд наместнического правления был признан утраченным и снят с учета. Однако в 1946 г. документы наместнического правления были выявлены в россыпи, фонд был снова сформирован и взят на учет. Позднее, в 1949, 1952 и 1953 гг., к фонду были ошибочно присоединены приказы по Управлению наместника Кавказского по личному составу подведомственных учреждений за 1848—1881 гг., присланные для сведения в Ставропольское губернское правление из Тифлиса.

В начале 1993 г. проводился комплекс работ по усовершенствованию описей фонда. Полностью отредактированы заголовки дел. Уточнены крайние даты деятельности Кавказского наместнического правления. Проведена каталогиза-

ция документов. Дела в фонде были сгруппированы по хронологическому признаку, этот принцип сохранен. В ряде случаев хронологическая последовательность нарушалась, но пересистематизация дел не проводилась, так как документы фонда широко использовались в научных изданиях и исследованиях. По этой же причине дела за 1848—1881 гг. — приказы по Управлению наместника Кавказского — фактически относящиеся к фонду Ставропольского губернского правления, оставлены в настоящем фонде.

В феврале 1993 г. документы фонда полностью микрофильмированы.

Примечания

1. Историческая справка о государственном архиве Ставропольского края: URL: <http://www.stavarhiv.ru/about/istoricheskaya-spravka.html>.
2. ЕРОШКИН Н.П. История государственных учреждений России до Великой Октябрьской социалистической революции. М. 1965, с. 115.
3. Наряду с термином «наместничество» в законодательстве того времени и в делопроизводстве учреждений сохранялся прежний термин «губерния».
4. Государственный архив Ставропольского края (ГА СК), ф. 235, оп. 1, д. 76, л. 1.
5. Там же, л. 36.
6. Там же, д. 48, л. 4; д. 56, л. 1—8.
7. ЕРОШКИН Н.П. Ук. соч., с. 125.
8. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Т. XXVII. СПб. 1830, № 20 511, с. 363.

Джарские офицеры царской армии

З.А. Халаев

После распада Советского Союза, в результате социально-экономического и политического развития на всем постсоветском пространстве произошли значительные изменения в сознании людей. В силу исторических обстоятельств неизмеримо возрос интерес к истории, причем не только среди специалистов, но и среди самых широких слоев населения. В конце XX в. по инициативе имама сельской мечети с. Джар Закатальского района Азербайджанской Республики при мечети был создан специальный фонд с целью изучения и выявления арабоязычного духовного наследия предков. Джарцы откликнулись на призыв имама и начали приносить различные древние манускрипты. Сегодня этот фонд представляет собой хранилище документов по религиозной тематике, материалов по земельным отношениям в джарском обществе сельских общин, документов Закатальской сословно-поземельной комиссии, составленных на арабском языке, частной и деловой переписки, судебных делопроизводств, которые в основном можно отнести к началу XX века. Однако имеются документы и более раннего периода — середины XIX столетия.

Во время сбора полевого материала в 2012 г. в фонде при мечети в с. Джар нами были обнаружены материалы разнообразного характера: наградные документы, грамоты царского времени, произведения эпистолярного жанра, которые дают возможность глубже изучить политическую историю и социально-экономическое прошлое народов, проживающих на южном склоне Кавказских гор. Часть исследованных нами материалов была подвергнута первичному описанию, в процессе которого открылись ранее неизвестные документы.

Особое место занимают документы офицеров царской армии, среди которых «Послужной список» прапорщика милиции из Закатальского округа, офицера царской армии Ц.Б. Кашталова из Джара, составленный 12 августа 1877 года. Согласно «Послужному списку», Кашталов родился в 1854 году. В 1871 г. поступил на службу, а в августе 1873 г. по Высочайшему повелению был переведен в 3-й взвод (лезгин) Кавказского эскадрона Собственного Его Императорского Величества Конвоя (СЕИВК). В 1836 г. Конвой Его Величества пополнился национальным подразделением, куда входили знатнейшие горцы

Халаев Захид Алиевич — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского Научного Центра РАН. Махачкала.

из Джарской области. Первоначально оно включало в себя 15 чел., в том числе: из рода Нухиевых — 4 чел., Чапарал — 4 чел., Чумчаял — 3 человека ¹.

Кроме Кашталова в разные времена в СЕИВК проходили службу и другие джарцы. Следует уточнить, что данный послужной список составлен в 1877 г., когда Кашталов был произведен в юнкера. Из его биографии мы узнаем, что в последующие годы он был начальником Закатальской земской стражи. Согласно «Своду статистических данных о Закатальском округе», Кашталов был смотрящим Закатальской окружной тюрьмы, а в 1899 г. стал начальником дистанционной земской стражи ².

Он был видным представителем известного джарского рода Каштазулал (Каштаевы), потомком Ших-Шабана, который, в свою очередь, являлся представителем голодинского рода Нухиял. По данным Ш. Хапизова, «Ших-Шабановская фамилия» представляет собой ветвь рода Нухиял. Согласно данным посемейного списка 1863 г., он насчитывал 83 семьи ³.

Следующие документы также касаются Кашталова. Это грамоты о вручении ему Императорского Царского ордена Станислава 3-й степени от 24 ноября 1899 г. и Святой Анны 3-й степени от 3 мая 1913 г. с формулировкой: «за усердную службу». Орденом Святого Станислава мог быть награжден любой подданный Российской империи или Царства Польского, который преуспел в христианских добродетелях или отличился ревностным отношением к службе на военном или гражданском поприще, или же в частной жизни совершил какой-либо подвиг на пользу человечества, общества или края.

Среди исследованных нами документов важное место занимает «Письмо Управляющего Бежтинским округом, капитана Джурджазе на имя прапорщика, наиба Джурмутского округа Б.М. Али. В документе капитан Джурджазе пишет: «Я повелеваю вам, чтобы вы отправили Али — сына Умара из Гебгуда с посланием к наibu Белоканского округа прапорщику Халаджеву, чтобы тот отправился к голодинцам, если у него есть возможность. День его отправки (имеется ввиду Али — сын Умара. — З.Х.) сообщить мне письменно. Вассалам. Управляющий Бежтинского округа капитан, князь Джурджазе, 10 день месяца рабиул ахир. 1282 г. Бежта. 1282/1864» ⁴.

В 1853 г. имам Шамиль после смерти наиба Омара назначил Али наибом Антль Ратля. Он стал единственным наибом Имама из Джаро-Белоканской области. По преданию, Али был хорошим организатором и предводителем. На южных склонах Кавказского хребта имеются боевые позиции — укрепленные места под названием «Бакракил сангарал» ⁵. На период его наибства выпало небольшое число столкновений горцев с царскими войсками на южных отрогах Главного Кавказского Хребта. Очевидно поэтому по завершении Кавказской войны царские власти назначили его управляющим Джурмутским округом ⁶.

В январе 2012 г. в с. Катех Белоканского района нами была обнаружена стела на его могиле с надписью: «Сказал Абдурахман Гумуки в своем “Тазкирате” (сочинение «Воспоминание Абдурахмана Казикумухского». — З.Х.), — это могила наиба имама Шамиля в области Антль Ратль Бакрак Мухаммада Али Катехи (Белокани) из Закатальского округа. Он пользовался авторитетом среди наибов. Имам уважал его, а Бакрак Али отвечал ему искренней дружбой».

В «Своде статистических данных о Закатальском округе» отмечается, что сын Али, Чеэрчи Афанди, с 1903 по 1914 г. был начальником Закатальского окружного сословного суда ⁷. Исследователь Ш. Хапизов отмечает, что род Бакрак — это ответвление рода Чапарал, а последние, в свою очередь, являются представителями известного в прошлом в Джаро-Белоканах рода Чапарал ⁸.

Среди документов из Джарского фонда был обнаружен «Приказ № 155 от 16 марта 1865 г.» вышеупомянутого управляющего Бежтинским округом капитана Джурджазе. В документе капитан Джурджазе разъясняет Джурмутскому

наибу Али «Положение о правах Кавказских туземцев, поступающих по добровольному желанию на службу в регулярные войска». Среди выявленных нами документов имеются и документы дагестанского происхождения, к примеру, «Увольнительное заявление» на имя жителя с. Герел Гунибского округа Абдуллы — сына Магомы Али, от 5 ноября 1898 года. Джарский фонд изобилует многочисленными рукописями и сочинениями, переписанными выходцами не только из Закатальского округа, но и из прилегающих районов. Среди них сочинения по мусульманскому праву «Китаб ал Хадаикъ», «Китаб ал Вакф», переписанные Давудил (Мухаммад) Афанди.

Интересно, что почти все выявленные нами документы в Закатальском районе относятся к истории бывшего Закатальского округа — особой административной единицы Российской империи. Этот период характеризовался вооруженными стычками качакских (абрекских) отрядов. По словам начальника Кавказской полиции, до тех пор, пока в Закатальском округе и Шекинском уезде не будут уничтожены крестьянские отряды, «невозможно будет установить спокойствие в Дагестанской области»⁹.

Царская администрация пыталась решить социально-экономические проблемы населения региона. В 1908 г. канцелярия наместника составила проект «О прекращении зависимых отношений поселян к бекам и кешкелевладельцам Дагестанской области и Закатальского округа», который был одобрен Думой и утвержден Николаем II. 21 июня 1913 г. на заседании Государственной думы рассматривался законопроект о прекращении зависимых отношений в Дагестанской области и Закатальском округе¹⁰. Законопроект был принят без прений, а 22 июня 1913 г. утвержден в окончательной редакции. 7 июля 1913 г. закон был подписан императором¹¹. Реформы, проводимые царской администрацией, не улучшили положения народов региона. Земельные, национальные вопросы привели к росту социальной напряженности, совпавшему с кризисом власти в Российской империи.

Исследованные нами археографические документы позволяют уточнить и дополнить новыми фактами и аргументами построения предыдущих исследователей, либо взглянуть на ряд вопросы по-новому.

Примечания

Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 15-31-01217 «Взаимодействие Джаро-Белоканских вольных обществ и администрации Российской империи на Кавказе в 1783—1860 годах: проблемы и итоги».

1. ТАХНАЕВА П. И. Они были первыми — офицеры гвардии СЕИВК. — Новое дело. 20. III. 2009, № 11 (895), с. 14.
2. Кавказский календарь на 1899 год. 1903, с. 186.
3. ХАПИЗОВ Ш. М. Поселения Джарского общества (историко-географическое и этнографическое описание микрорегиона в Восточном Закавказье). Махачкала. 2011, с. 83—86.
4. Текст этого документа перевел младший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН М. Г. Шейхмагомедов.
5. Ныне потомки Бакрака Мухаммада Али (профессор Дагестанского государственного педагогического университета М. Ч. Чеэрчиев и др.) проживают в Махачкале, в Белоканском районе (с. Катех), в Закатальском районе (с. Джар). Дети джарца Каштаева Мухаммада по материнской линии являются потомками Бакрака Мухаммада Али.
6. ОМАРОВ М. М. Антльратль (Семиземелье). Записки краеведа из Камилуха. Махачкала. 2006, с. 167.
7. Кавказский календарь на 1903 год, с. 235.
8. ХАПИЗОВ Ш. М. Ук. соч., с. 86.
9. Simal-Qerbi Azerbaýsan tarixi («История Северо-Западного Азербайджана»). Bakı. 2011, s. 309.
10. ИБРАГИМОВ З. Революция 1905—1907 гг. в Азербайджане. Баку. 1955, с. 76.
11. Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографический отчет 1913 года. Сессия 1. Ч. II. СПб. 1913.

Лингвистические аспекты этнокультурных контактов Китая с народами Центральной Азии в древности

Е.Б. Баринава

Важный вопрос для исследователей составляют лингвистические связи китайского языка с языками запада Евразийского континента. Сходство отдельных слов древнекитайского языка с индоевропейскими корнями было отмечено еще в XIX в., но планомерный академический поиск индоевропейских и древнекитайских языковых соответствий начался лишь в 60-х гг. XX века. В 1967 г. Я. Уленброк опубликовал статью, в которой утверждал, что количество китайско-индоевропейских соответствий настолько велико, что наступила пора говорить об их языковом родстве¹, а народы культуры крашеной керамики говорили на индоевропейских языках и пришли на территорию современной провинции Ганьсу с запада между 3000 и 2500 гг. до н.э.² В 1969 г. теорию Уленброка поддержали Т. Улвинг и Л.С. Васильев. Однако в целом взгляды Уленброка не встретили одобрения лингвистов, работающих в области истории китайского языка. В научном обосновании китайско-индоевропейского родства далее всех продвинулся Э. Пулиблэнк. Он отметил, что современные исследователи древнейшего состояния индоевропейских языков реконструируют такой этап их развития, когда основные морфемы в этих языках были чисто слоговыми. В этой древнейшей односложной форме они уже могут быть сравнимы с древнекитайскими словами³.

Южная часть Восточной Азии населена народами, языки которых впервые были использованы в типологической классификации языков Терьеном де Лакуперье⁴. Классификация языков В. Шмидта также основывается на многих типологических критериях⁵. Шмидт выделял в ареале Восточной Азии китайско-тибетские языки, к которым он причислял также и енисейские, считая их крайними северными языками этой группы.

Лексические параллели сами по себе еще не могут быть доказательством древнего родства, но они приобретают доказательную силу, если отражают единую культурно-историческую эпоху, идентичную или очень сходную природную нишу, в которой складывалась культура и протекала историческая миграция соответствующих этносов. Например, исследования последних лет в области лингвистики, в частности работы Э. Вайды, доказывают наличие древних

Баринава Елена Борисовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Этнографического научно-образовательного центра Института этнологии и антропологии РАН.

родственных связей между дене-индейцами и енисейцами. Впервые убедительно доказана действительно имевшая место миграция древнего населения из районов Центральной Азии в Северную Америку ⁶.

Происхождение общей лексики в протоевропейском и древнекитайском языках, с точки зрения лингвистов, может быть объяснено через заимствование. По степени распространения заимствованных слов можно судить об их относительной древности. По этому критерию установлено, что енисейская лексика входила в сино-тибетскую еще в период сино-тибетского единства. В этот же период происходило и проникновение протоевропейской лексики в сино-тибетскую. Когда ностратические заимствования встречаются только в китайском, и не встречаются в других сино-тибетских языках, это означает, что они были заимствованы в более позднее время — после разрушения сино-тибетского языкового единства.

С.А. Старостин, один из отечественных ученых, развивавших положения, выдвинутые создателем ностратического сравнительного языкознания В.М. Илличем-Свитычем ⁷, вместе с С.Л. Николаевым создал реконструкцию северокавказской семьи (продолжая работу, начатую в свое время Н.С. Трубецким). Он открыл и обосновал сино-кавказскую генетическую общность, включающую в себя северо-кавказские, енисейские и сино-тибетские языки — вторую макросемью языков Евразии ⁸. Эта теория была поддержана и развита рядом ученых ⁹. Исследователи, предложившие и наиболее активно разрабатывавшие саму идею сино-кавказской языковой общности, предлагали локализовать ее в западных областях Передней Азии, возможно даже, в Анатолии ¹⁰. После распада этой макросемьи, по их мнению, сино-тибетцы и кеты двинулись на восток. Ряд исследователей, основываясь на анализе культурной лексики сино-кавказского языка и данных палеоботаники и археологии, считает напротив местом формирования сино-кавказской языковой общности Восточную Азию ¹¹.

В вопросе об этнокультурном взаимодействии Китая с народами Центральной Азии в древности важной составляющей является тохарская проблема. Хотя мы непосредственно не касаемся вопросов, связанных с контактами народов на территории Синьцзяна, однако тохарский вопрос затрагивает большую часть населения территории Центральной Азии ¹². Исследования письменного тохарского наследия шли в течение всего XX в. и продолжаются до сих пор ¹³. Во-первых, важно определить место тохарских языков в индоевропейской семье ¹⁴. Во-вторых, исследуется вопрос о пути прихода этого индоевропейского народа в оазисы Синьцзяна ¹⁵. В-третьих, особого внимания заслуживает вопрос об определении археологической культуры, которая могла бы являться демографической средой для развития и распространения тохарских языков. Так, в 1963 г. Б.В. Горнунг связал носителей тохарских языков с абашевской культурой Среднего Поволжья. В западноевропейской литературе к рубежу веков сложилось представление, что носителями тохарских языков было население афанасьевской и, возможно, андроновской культур ¹⁶. В 2000 г. Л.С. Клейн обосновал точку зрения о происхождении тохарских языков из движущихся на восток групп фатьяновско-балановской культуры, соединившейся с карасукской культурой ¹⁷. Принимая во внимание материалы с середины I тыс. до н.э., происходящие из Синьцзяна и Центральной Азии, исследователи говорят о наличии раннего движения населения обратно — с востока на запад ¹⁸. Однако в самом археологическом материале признаки, указывающие на использование индоевропейской речи в тех или иных культурах, выявить при современном состоянии разработки этнокультурной проблематики невозможно. Но исследования, проведенные в последние десятилетия в самом Синьцзяне, показывают, что скифо-сакский компонент в местных культурах в конце бронзового и начале железного веков проявлялся с наибольшей интенсивностью ¹⁹. На дан-

ный момент является очевидным, что синьцзянский комплекс в I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. не был гомогенным. Но для того, чтобы сказать с уверенностью, какие именно компоненты культуры доисторических археологических комплексов должны соответствовать этнокультурной специфике популяции, говорящей на тохарских языках, в настоящий момент не хватает данных²⁰.

Таким образом, сопоставление результатов исследований российских и европейских ученых дает нам возможность говорить о существовании активных регулярных контактов, которые способствовали распространению культурных достижений в Центральной и Восточной Азии в древности.

Примечания

1. ULENBROOK J. Einige Übereinstimmungen zwischen dem Chinesischen und dem Indogermanischen (Vorläufiger Bericht). — *Anthropos*. 1967, Vol. 62, № 3—4.
2. EJUSD. Zum Chinesischen Wort hüe für «Blut». — *Ibid.* 1968—1969, Vol. 65, № 1—2; EJUSD. Zum Chinesischen Wort ti. — *Ibid.* 1970, Vol. 65, № 3—4.
3. PULLEYBLANK E. Prehistoric East-West Contacts Across Eurasia. — *Pacific Affairs*. 1975, vol. 47, № 4, p. 503—504.
4. LACOUPERIE T. de. *The Languages of China before the Chinese*. L. 1887. (Reprint. 1970).
5. SCHMIDT W. *Die Sprachfamilien und Sprachenkreise der Erde*. Heidelberg. 1926.
6. VAJDA ED.J. A Siberian Link with Na-Dene Languages. The Dene-Yeniseian Connection. — *Anthropological Papers of the University of Alaska*. Vol. 5. New Series, 1—2. 2010, p. 33—99; EJUSD. Yeniseian, Na-Dene and Historical Linguistics. The Dene-Yeniseian Connection. — *Ibid.*, p. 100—118.
7. ИЛЛИЧ-СВИТЫЧ В.М. Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь. М. 2003.
8. СТАРОСТИН С.А. Праенисейская реконструкция и внешние связи енисейских языков. В кн.: *Кетский сборник*. Л. 1982, с. 144—237; ЕГО ЖЕ. Гипотеза о генетических связях сино-тибетских языков с енисейскими и северокавказскими языками. В кн.: *Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока*. Ч. 4. *Древнейшая языковая ситуация в Восточной Азии*. М. 1984, с. 19—38.
9. МИЛИТАРЕВ А.Ю., СТАРОСТИН С.А. Общая афразийско-северокавказская культурная лексика. В кн.: *Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока*. Ч. 3. *Языковая ситуация в Передней Азии в X—IV тыс. до н.э.* М. 1984, с. 34—43; НИКОЛАЕВ С.Л., СТАРОСТИН С.А. Северокавказские языки и их место среди других языковых семей Передней Азии. В кн.: *Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока*, ч. 3, с. 26—34.
10. ПЕЙРОС И.И. О языковых сближениях между сино-тибетскими и дравидийскими языками. В кн.: *Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока*, ч. 1, с. 80—82; ЕГО ЖЕ. Австро-тайская гипотеза и контакты между сино-тибетскими и австронезийскими языками. В кн.: *Древний Восток. Этнокультурные связи*. М. 1988. с. 321.
11. РОМАНЧУК А.А. Юев народ и его прародина. Четвертые Торчиновские чтения. *Философия, религия и культура стран Востока: Материалы научной конференции*. СПб. 7—10 февраля 2007 г. СПб. 2007. с. 465—472.
12. Китайские летописи знакомы с тохарским населением с первых веков новой эры. С этого времени упоминается «царство» Тухоло. Однако наиболее подробные сведения о Тухоло восходят к «Запискам о западном крае» буддийского паломника Сюань Цзана, совершившего путешествие через Центральную Азию в Индию для обретения оригиналов священных буддийских книг в 629—641 годах. К тому времени государство Духоло в Западном крае не существовало. Население этого района подверглось тюркизации, и Сюань Цзян фактически наблюдал только следы заброшенных тохарских городов в Средней Азии и Синьцзяне. См.: *Фрагменты уйгурской версии биографии Сюань-цзана*. М. 1980; ТУГУШЕВА Л.Ю. *Уйгурская версия биографии Сюань-цзана*. М. 1991, с. 201—204; *Восточный Туркестан в древ-*

- ности и средневековье: очерки истории. М. 1988; Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос, языки, религии. М. 1992; АЛЕКСАНДРОВА Н.В. Путь и текст: китайские паломники в Индии. М. 2008.
13. КОВАЛЁВ А.А. Древнейшая миграция из Загроса в Китай и проблема прародины тохаров. В кн.: Археолог: детектив и мыслитель. СПб. 2004, с. 249—292.
 14. Тохарские языки оказались более близки к западным индоевропейским, чем к языкам восточных индоевропейцев, в окружении которых они находились в исторический период.
 15. ГАМКРЕЛИДЗЕ Т.В., ИВАНОВ В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы: реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Т. I. Тбилиси. 1984; ADAMS D.Q. Position of Tocharian among the other Indo-European Languages. — *Journal of the American Oriental Society*. 1984, vol. 104, p. 395—402; Tocharian Languages. In: *Encyclopedia of Indo-European Culture*. L.-Chicago. 1997, vol. 3, p. 591—594.
 16. Qawrighul culture. Indo-European languages. In: *Encyclopedia of Indo-European Culture*. L.-Chicago. 1997, vol. 2, p. 300—303.
 17. КЛЕЙН Л.С. Миграция тохаров в свете археологии. — *Stratum*. Кишинев. 2000, № 2, с. 78—87.
 18. БОТАЛОВ С.Г. Туркестан как единое геокультурное пространство в эпоху раннего железа. В кн.: Алтае-Саянская горная страна и соседние территории в древности. Новосибирск. 2007, с. 61—83; ХУДЯКОВ Ю.С., КОМИССАРОВ С.А. Кочевая цивилизация Восточного Туркестана. Новосибирск. 2002. Идею о движении с востока групп карасукского населения, которое одно время ассоциировалось с северокайскими динлинами, рассматривали на антропологических и археологических данных Г.Ф. Дебец и С.В. Киселёв. Однако археологический материал не подтвердил эту гипотезу.
 19. DMITRIEV S., HOLOTOVA-SZINEK J. La vallée de Ganshigou: note sur enquête archéologique et ethnographique. — *Ars Asiaticae*. 2007, vol. 62, p. 146—151.
 20. Дж. Мэллори и В. Мэйр совместили распространение известных археологических комплексов с находками памятников тохарской письменности. См.: MALLORY J.P., MAIR V.H. The Tarim Mummies. *Ancient China and the Mystery of the Earliest Peoples from the West*. L. 2000, p. 301, fig. 160. Даже с учетом хронологического разрыва до написания первых тохарских текстов можно ясно видеть, что ареал распространения тохарских А и В языков (Куча, Карашар, Турфан) абсолютно совпадает с областью «культуры расписной керамики». В то же время «культура серой керамики» точно так же соответствует области государства Крайная с его субстратным тохарским языком. Не менее интересный результат получается при обзоре распространения антропологических типов древнего населения Синьцзяна. См.: Там же, с. 240, рис. 138. В ареале культуры «серой керамики» преимущественно был распространен восточно-средиземноморский (индо-афганский) расовый тип. В могильниках «культуры расписной керамики» зафиксированы все физические типы европейской расы, а также немалый процент представителей монголоидной расы. Генетические исследования китайских биологов показали начало проникновения генных признаков, присущих восточноазиатскому (монголоидному) населению, в оазисы Таримского бассейна только со II в. до н.э. См.: MAIR V.H. Genes, Geography, and Glottochronology: The Tarim Basin during Late Prehistory and History. *Proceedings of the Sixteenth Annual UCLA Indo-European Conference*. Los Angeles. 5—6.XI.2004. — *Journal of Indo-European Monograph Series*, № 50. Institute for the Study of Man. Washington. 2005, p. 24—25. Это полностью согласуется с данными китайских письменных источников. В. Мэйр склонен считать, что мумии Тарима следует идентифицировать с носителями тохарских языков. См.: *Op. cit.*, p. 32—33. С археологической точки зрения не видится никаких противоречий в предположении о тохарской атрибуции культурно-исторической общности лепной расписной керамики эпохи поздней бронзы — раннего железа. См.: СВЕРЧКОВ Л. «Тохарская проблема» и культура расписной керамики эпохи раннего железа. В кн.: *Традиции Востока и Запада в античной культуре Средней Азии*. Сборник статей в честь Поля Бернара. Самарканд. 2012, с. 176—197.

Отношения России со Святым Престолом в XIX в.

О.В. Серова

2 апреля 1897 г. между Россией и Св. Престолом было подписано соглашение об упорядочении в Минской губернии положения римско-католических приходов с обязательным употреблением русского языка в дополнительном богослужении. При проведении его в жизнь однако неожиданно возникли серьезные затруднения, нашедшие свое отражение в так называемом деле епископа Франциска Сымона. У вопроса, составлявшего предмет соглашения, была продолжительная предыстория, к которой необходимо обратиться, чтобы лучше понять позицию сторон в этом деле.

Обсуждение вопроса о введении русского языка в дополнительное богослужение в западных областях Империи заняло одно из центральных мест на переговорах С.-Петербурга с Римом в 70—90-х гг. XIX века. Начало ему положило издание специального указа императора Александра II от 6 января 1870 (25 декабря 1869) г., отменявшего введенный еще в 1848 г., в царствование Николая I, запрет католическому духовенству произносить проповеди на русском языке, который распространялся на все другие иностранные исповедания; он относился также к торжественным службам католического обряда, для которых допускались все иностранные языки за исключением, собственно говоря, мессы, служившейся всегда на латыни.

Всеподданнейшим докладом от 29 (9) июля 1848 г. министр внутренних дел Л.А. Перовский сообщил о полученном им известии от председателя римско-католической Духовной коллегии Дмоховского о том, что настоятель царскосельской латинской церкви доминиканин отец Богуслав Онихимовский с недавнего времени начал произносить проповеди в праздничные дни на русском языке. Учитывая, что до этого в России лишь священнослужителям православной церкви разрешалось проповедовать по-русски, и что «подобное посягательство» его «на права духовенства господствующей Церкви может иметь вредные последствия», министр испросил повеления императора по этому случаю, которое было собственноручно начертано Николаем I на докладе министра: «по-русски запретить; может говорить проповеди на всех иностранных языках»¹.

Серова Ольга Васильевна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

После польского восстания 1860-х гг. в Западном крае среди виленских деятелей распространилась идея, что вместо обращения католических масс в православие, к которому прибегли тогда, лучше было бы стремиться к разъединению католицизма и полонизма путем введения в нелитургическое, дополнительное богослужение католиков русской народности вместо польского языка — русского. Ее поддержала печать, а затем и правительственные сферы. Генерал-губернаторы Северо-западного и Юго-западного края А.Л. Потапов и А.М. Дондуков-Корсаков нашли целесообразным, исходя из местных условий, отменить запрещение 1848 г. и, тем самым, разъединить религиозный и национальный вопрос и «убедить католическое население нашей западной окраины, что можно быть русским, оставаясь католиком»².

Для рассмотрения этого вопроса в конце 1869 г. был образован Особый комитет во главе с председателем кабинета министров П.П. Гагариным. В его состав вошли: министр внутренних дел А.Е. Тимашёв, шеф корпуса жандармов и начальник третьего отделения Его Императорского Величества канцелярии П.А. Шувалов, главноуправляющий вторым отделением той же канцелярии С.Н. Урусов, обер-прокурор Св. Синода Д.А. Толстой, директор департамента духовных дел иностранных исповеданий министерства внутренних дел Э.К. Сиверс, а также Потапов и Дондуков-Корсаков.

В основу обсуждения был положен всеподданнейший доклад Тимашёва от 3 декабря (21 ноября), в котором тот ссылаясь на поступившие от Потапова сведения о постоянном увеличении в минской и гродненской губерниях числа заявлений от римско-католического духовенства в пользу введения русского языка в богослужение и о часто совершаемых им молитвословиях и произнесении поучений на русском языке.

Затем министр сообщил, что в последнее десятилетие «совершенно изменился» взгляд самого министерства в отношении употребления русского языка в иностранном исповедании. Поставив своей задачей «разобшение религиозного католического элемента от национального польского», оно сочло необходимым ввести в римско-католическое духовенство, кроме поляков, лиц немецкого происхождения и языка. И, «не считая себя еще вправе открыть римско-католические костелы для русского языка», оно воспользовалось саратовской семинарией, чтобы дать образование таким лицам, выписав для этого священников из Баварии. А с 1865 г. в дополнение к прежнему стремлению разделить эти два элемента в министерстве пришли к убеждению в необходимости обрусения Западного края. В связи с этим было признано полезным распространить преподавание Закона Божия римско-католического исповедания на русском языке на все вообще учебные заведения в Западном крае. Чтобы осуществление этого стало возможным, министерство сочло нужным испросить разрешение к напечатанию сначала пространного, а затем и краткого катехизиса на русском языке.

Преподавание католикам Закона Божия на русском языке и введение в употребление катехизиса на русском языке встретили сопротивление части духовенства. Особенно решительно против этой меры возражал луцко-житомирский епископ Гаспар Боровский. Он ссылаясь на то, что «введение русского языка, почитаемого в том крае исключительно православным, возбудит опасения католиков и будет считаться заодно с принятием православия, что требование преподавания Закона Божия на русском языке противоречит повелению 1848 г. о запрете проповедовать римско-католическую веру на русском языке».

В то же самое время некоторые ксендзы, особенно законоучители, по собственному почину начали совершать молебствия и произносить поучения воспитанникам на русском языке.

Во всем этом министр видел «подготовительную меру», а поднятый Потаповым вопрос, полагал он, «закключал в себе окончательную меру к достиже-

нию сего результата и осуществлению системы, противоположной прежнему в этом отношении взгляду и направлению»³.

Участники совещания исходили из того, что отмена существующего запрета «имела целью устранить вред, проистекающий от отождествления какой-либо иноверческой религии с какою-либо определенной национальностью, вред, проявившийся столь положительно в Западном крае». Они считали необходимым при решении этого вопроса иметь в виду государственную пользу, а значит «взвесить, от чего для государства более пользы или более вреда, от воспрещения иностранным исповеданиям употреблять в делах их религии язык русский, или же от снятия такого запрещения».

За отмену высказался обер-прокурор Синода Толстой, несмотря на то, что осознавал негативные последствия такого решения. Он был убежден, «что, хотя допущение употребления русского языка в иноверческих церквях и есть меч обоюдоострый, но... польза, которую можно и должно ожидать для государства от разъединения вопросов религиозного и национального, так велика, что не следует останавливаться опасениями, будто такое разрешение послужит средством к иноверческой, а, в особенности, римско-католической пропаганде». Такие опасения ему представлялись «в сравнении с тою пользою ничтожными». Мотивируя свою позицию, он также признал недостатки существующего порядка устранения иноверческих исповеданий от употребления в делах религии русского языка, ибо он повел к тому, что в Западном крае «сделаться русским, значит то же, что переменить свою веру». Между тем, было «желательно, чтобы напротив того, вошло в сознание тамошнего населения, что можно быть католиком и вместе с тем русским».

Разделяя такие соображения, Комитет единогласно высказался в пользу отмены распоряжения 1848 г., «не делая, однако, русского языка в иностранных исповеданиях обязательным» (подчеркнуто в тексте. — *О.С.*). Что касалось католической Церкви, отмечалось, что, поскольку ее литургическим языком являлся латинский, он должен оставаться неприкосновенным, а допущение русского языка относится только к дополнительному богослужению и, вообще, к случаям, когда вместо латыни уже употреблялись различные местные наречия. При этом при применении на практике этого положения администрации предлагалось считаться «с действительными потребностями населения в разных частях государства и с местными условиями».

Памятуя, что запрещение 1848 г. было объявлено в административном порядке, было решено ограничиться им же и на этот раз⁴.

Выработанное Комитетом положение и было утверждено 6 января 1870 г. (25 декабря 1869 г.) Александром II.

Об этом указе П.А. Капнист⁵ узнал из газет. Отдавая себе отчет в том, насколько полезной была бы поддержка этой меры Св. Престолом, он попытался прозондировать почву еще до получения указаний из С.-Петербурга на этот счет.

В первых числах января он спросил у монсеньора Марино Марини, помощника государственного секретаря и секретаря конгрегации Чрезвычайных духовных дел, существуют ли канонические препятствия употреблению русского языка в католическом богослужении, разумеется, в той мере, в какой употребляются другие современные языки, например, польский.

Преднамеренная постановка вопроса дипломатом таким образом, чтобы лишить собеседника возможности ответить «в противоположность видов императорского правительства», не помогла. Марини уклонился от категорического ответа, сославшись на то, что вопрос следовало предварительно изучить, учитывая связанные с ним особые обстоятельства. Правда, он не отрицал, что употребление русского языка в той же мере, что других языков, не может иметь ничего антиканонического.

После этого Капнист передал ему эти вопросы в письменной форме, с просьбой после изучения вопроса дать ответ. Спустя два месяца, он поинтересовался судьбой своей записки. Последовал уклончивый ответ: теоретически нет никакого препятствия употреблению русского языка, но Св. Престол не может одобрить эту меру, принимая во внимание практические обстоятельства ее принятия. Следовало выяснить, в какой степени русский язык был распространен среди населения областей, о которых шла речь, и достаточно ли само духовенство знает русский язык, чтобы согласиться с намерением правительства; наконец, нужно было вынести суждение о качестве перевода на русский язык церковных книг. Марини в весьма расплывчатой форме добавил, что ему представлялось неуместным заниматься этим в данное время, поскольку вопрос уже решен.

Узнав, что Марини передал рассмотрение этого вопроса иезуитам, Капнист понял, что рассчитывать на поддержку Св. Престола не приходится. К тому же, все внимание Св. Престола было поглощено проходившим в Риме Ватиканским собором. Возможность начать действовать он относил ко времени, когда разрешится спровоцированный собором кризис. Пока же следовало добиться от Св. Престола заверений в поддержке введения русского языка и использовать все средства, чтобы доказать пользу спонтанного демарша, с его стороны, для латинской Церкви в России и самого Св. Престола. Он видел два пути действий для достижения этой цели: обсудить этот вопрос с папским государственным секретарем кардиналом Антонелли и постараться оказать влияние на настроения папы, действуя прямо через его доверенных лиц (например, помощника государственного секретаря Франки) или косвенно — через подчиненных лиц, принадлежащих к иезуитам.

«Мы можем иметь в виду предложенный Капнистом план, но в данный момент ничего нельзя сделать», — решил Александр II по прочтении этого донесения от 1 июня (20 мая) 1870 года ⁶. Он оказался прав.

Попытки Капниста, в соответствии со своим планом, привлечь Антонелли к рассмотрению этого вопроса и спровоцировать его на заявление о том, что употребление русского языка не имеет ничего антиканонического во время беседы 11 июня, не дали результата. На донесении Капниста от 1 июля (19 июня) 1870 г., подводящем столь неутешительный итог его усилий, император написал: «Я именно это предвидел» ⁷.

Между тем, в Западном крае исполнение указа встретилось с большими трудностями. Вот как писал о них Сиверс Капнисту 1 января 1872 (20 декабря 1871) г.: та часть духовенства, которая особенно дорожила связью с Римом, аргументировала отказ исполнять его тем, что, поскольку русский язык в костелах не употреблялся до этого, то для его введения было необходимо разрешение папы. После его получения оно не видело бы никакого препятствия. Вторая часть духовенства, антиправительственно настроенная, ссылаясь также на этот аргумент. Но она вовсе не хотела достижения соглашения С.-Петербурга с Римом по этому вопросу из опасения, «что эта мера уничтожит окончательно возможность смешения польских революционных стремлений с религией, возможность прикрывать первые интересами последней и придавать предпринимаемым правительством против первых мерам вид и характер преследования римско-католической Церкви».

Для правительства стало очевидно, что, запретив в прежнее время употребление русского языка римско-католическим населением в Империи в делах его религии «единственно из-за опасения римско-католической пропаганды в России», оно допустило серьезную ошибку, содействуя отождествлению польского вопроса с религиозным. Поэтому было решено снять запрет на употребление русского языка католиками в Западном крае и в Империи. При этом прави-

тельство объявило, «что, преследуя антиправительственные польские стремления, оно не намерено смешивать их с религией, признает за римско-католическими своими подданными право следовать вероучению римско-католической Церкви и не считает их поляками, потому что они исповедуют римско-католическую веру». Этим правительство надеялось «окончательно умиротворить Западный край и оградить его от польских революционных козней безо всякого при том посягательства на римско-католическое вероучение, ибо оно, напротив того, ограждает вместе с тем и Церковь сию от солидарности с польской революцией».

Со своей стороны, поляки, писал Сиверс, «преследуя свои революционные виды и желая ополячить русское население Западного края посредством религии, искажают эту меру, придавая ей характер преследования римско-католической веры». Польская эмиграция «в распространяемых ею тайных воззваниях старается побудить духовенство к сопротивлению» введению русского языка, видя в этой мере «окончательный удар для польской революции и не заботясь о настоящих интересах римско-католической у нас Церкви».

«Не лежит ли на Святейшем Отце, — ставил вопрос Сиверс, — обязанность содействовать российскому правительству в благих его намерениях, объявлением, что разрешение государем императором всем своим подданным, какого бы они ни были исповедания, употреблять в делах их веры язык русский, должно быть принято католиками с благодарностью, что духовенство должно содействовать к тому, чтобы население Западного края воспользовалось сим разрешением». При этом оно должно следить за тем, чтобы преподавание на русском языке этого вероучения соответствовало догматам, переводы молитв и песнопений были точны и верны, а церковные обряды соблюдались во всей чистоте. Не будет ли это более содействовать интересам римско-католической Церкви в России, «чем тайное содействие подстрекательствам поляков к сопротивлению благим намерениям правительства?»⁸

Тем временем, в условиях разрыва дипломатических отношений, произошедшего в 1866 г., обе стороны испытывали потребность в их восстановлении. После того, как Св. Престол принял на себя инициативу начала переговоров по решению Секретного католического комитета, одобренному императором 17 (5) мая 1871 г., начались переговоры, ограничившиеся первоначально обсуждением вопроса о назначении епископов на вакантные кафедры. Они развивались успешно. К тому же, и папа, и Антонелли явно проявили желания расширить предмет переговоров.

В донесение от 5 февраля (24 января) 1872 г. Капнист смог подвести итог переговоров и поставил логически возникавший вопрос — следовало ли положить конец переговорам или продолжить их по другим вопросам. В случае второго решения предметом переговоров, полагал он, могли бы стать два вопроса: один из них будет поднят Курией — устройство Санкт-Петербургской Духовной коллегии, второй уже был указан Сиверсом — вопрос о введении русского языка в дополнительном богослужении в западных областях Империи.

Со своей стороны, он рассчитывал добиться поддержки Св. Престола в решении последнего вопроса, на что Александр II заметил: «это было бы, конечно, очень желательно». Он выразил также согласие с одним из практических средств, предложенных Капнистом, для достижения этого — восстановить в его епархии епископа Боровского, высланного из-за позиции по данному вопросу.

Капнист просил прислать переводы на русский язык молитвенников и духовно-учебных католических книг и статистические данные относительно латинских епархий в западных областях Империи с указанием национальностей, из которых оно состоит, и, особенно, количества поляков. Переводы книг он намерен был конфиденциально передать Св. Престолу, дабы дать ему воз-

возможность удостовериться в том, что в них не содержится ничего противного догматам этой Церкви, а статистические данные он рассчитывал использовать в поддержку своих аргументов в ходе переговоров.

В целом предложение Капниста начать переговоры с Курией по этим двум вопросам не вызвало возражения императора. «Я ничего не имею против, но нужно будет их согласовать с министром внутренних дел», — заметил он по этому поводу⁹.

В С.-Петербурге с удовлетворением встретили результат, достигнутый на переговорах о заполнении вакантных епископских кафедр, и были готовы пойти на сближение с Ватиканом, особенно после того, как в беседах с Капнистом папа обнаружил большую, чем обычно, стоворчивость по некоторым вопросам, в частности, по поводу введения русского языка в дополнительное богослужение в западных областях Империи. К тому же сложилось впечатление, что безграничное доверие папы к его польскому окружению несколько уменьшилось, поскольку в его аллокуциях «отсутствовали обычные намеки на Польшу и, на так называемые преследования со стороны императорского правительства, предметом которых была католическая Церковь». Впрочем, больших иллюзий на Неве не питали, понимая, что Св. Престол «в его нынешней ситуации, конечно был очень заинтересован не увеличивать число своих противников», чтобы придавать преувеличенное значение этим добрым симптомам. Их принимали к сведению, но оставляли за собой право сверить их «с фактами и ответить на них в соответствии с тем, что нам намечают доброжелательные намерения Вашего Величества императора в отношении Ваших римско-католических подданных», — говорилось в отчете Министерства иностранных дел за 1871 год¹⁰.

В порядке подготовки к продолжению переговоров у Горчакова 9 июня (28 мая) 1872 г. состоялось заседание специального Совещания по делам римско-католической Церкви в Империи. После положительного решения вопроса о необходимости продолжения переговоров на рассмотрение был вынесен вопрос — следует ли добиваться при содействии папы введения русского языка в римско-католическое дополнительное богослужение и в таком случае передать римскому Двору для просмотра переведенные на русский язык католические книги?

По мнению П.А. Валуева, министра государственных имуществ, после всего, сделанного правительством по этому вопросу, было бы непоследовательно не продолжать идти по намеченному пути, тем более, что речь шла «о замещении польского языка языком русским, что придавало всему вопросу оттенок политический, а не религиозный. Этой цели достигнуть необходимо и правительство должно непременно ее преследовать». Он предложил сообщить римскому Двору русские переводы богословских книг, чтобы дать возможность удостовериться в их полном сходстве с подлинниками.

Шувалов, признавшись в том, что уже два года внимательно следил за развитием этого вопроса, подчеркнул, что новая мера означала отмену повеления императора Николая Павловича. Он одобрял ее «особенно потому что прежде вопрос вероисповедания как бы подчинялся началу народностей, причем происходило смешение начала религиозного с политическим, а ныне это смешение устраняется». Одновременно он привлек внимание собравшихся к тому, что ход реализации указа на практике оказался чреват опасными последствиями по причине обнаруженного местными губернаторами и их агентами излишнего рвения, а также из-за общей подачи голосов в приходах, к коей прибегло Министерство внутренних дел. Чрезвычайное усердие полиции повлекло беспорядки, драки, разногласия. Там, где русский язык уже был введен в дополнительное богослужение, возникла оппозиция, требовавшая восстановления

польского языка. Признавая, что все это было «крайне опасно и достойно сожаления», что «подобных проявлений необходимо избегать», он считал «уместным сделать некоторые уступки и оказать внимание папе, так как обнаруживается крайняя (подчеркнуто в тексте — *О.С.*) необходимость получить его согласие и содействие в этом деле». В отношении перевода книг Шувалов заметил, что он был «весьма неверен и ошибочен, и что в нем встречаются значительные пропуски», и предложил поручить Капнисту начать переговоры по этому вопросу и уполномочить его обнаружить, с российской стороны, «совершенную готовность и желание действовать дружно и в согласии с папою в этом вопросе».

Заключивший дискуссию Горчаков должен был признаться, что до обсуждения он придерживался иного мнения, чем после сказанного Шуваловым. Особо министр отметил изменение своего отношения к предложению Капниста прислать к нему русские переводы богословских книг, которое он не поддерживал, «чтобы не переставать внушать папе, что наше правительство само ведет это дело, и считал неудобным входить во все подробности вопроса, чтобы не вызывать даже косвенного контроля римского Двора над нашими внутренними делами. Ныне, — сказал он, — я вполне присоединяюсь к мнению графа Шувалова»¹¹.

В депеше от 15 (3) июня, уполномочивавшей Капниста на продолжение переговоров по введению русского языка в дополнительное богослужение в католических церквях Западного края, эта мера называлась разумной сама по себе, потому что подобное употребление языка страны принято в большинстве других государств. Она ни в чем не затрагивала догматы и не могла, следовательно, вызвать обоснованную, с религиозной точки зрения, оппозицию. Если она встретила сопротивление, то, главным образом, со стороны политических направлений, которые старались идентифицировать католицизм и полонизм. А это служило еще одной причиной, чтобы императорское правительство твердо и решительно следовало по пути, на который вступило, чтобы «бороться с этими тенденциями столь вредными интересам католической Церкви, как интересам государства». Чтобы убедить Св. Престол в отсутствии иной цели и устранить, с его стороны, всякую религиозную щепетильность, Капнисту пересылался комплект переводов на русский язык трудов, предназначенных для дополнительного богослужения, чтобы он мог убедиться в точности перевода.

Капнист должен был разъяснить Св. Престолу сам характер меры, которая была искажена в его глазах. «Мы хотим, чтобы можно было бы быть в России добрым католиком, оставаясь верным подданным императора, и чтобы можно было исполнять все свои религиозные обязанности, не становясь чуждыми своей стране. Мы полагаем, — говорилось в депеше, — что это не только возможно, но что католическая Церковь от этого выиграла бы в хорошем самочувствии и в благополучии. Зависит от Св. Престола нам в этом помочь, устраняя политические примеси, которые ее компрометируют. Для этого мы у него не просим даже его помощи, а просто — употребить свое моральное влияние, отменив интердикт, на который опирается противодействие некоторых прелатов на местах»¹².

Следует заметить, что, как показало ближайшее будущее, Горчаков глубоко ошибся в своем предположении об отсутствии сопротивления со стороны римского Двора, сделанном им при обсуждении этого дела. Начатые в июле переговоры закончились провалом через 14 месяцев.

В соответствии с полученными указаниями Капнист передал Антонелли памятную записку от 14 (2) июля 1872 года. Начинаясь она с пояснения цели указа 1848 г., заключающейся в том, чтобы воспрепятствовать католической пропаганде в России.

Появление указа 1869 г. в ней мотивировалось тем, что, хотя принятая Николаем I мера и по прошествии более двух десятилетий все еще вполне соответствовала спровоцировавшим ее причинам, тем не менее, с точки зрения российского правительства, она оказалась чревата результатами, вовсе не отвечавшими его намерениям. К тому же, она повлекла неожиданные практические последствия, весьма ощутимые для католиков Империи. «Католическая религия стремилась стать — даже в областях, где значительное большинство населения составляли русские, — монополией польского национализма и полонизм ею воспользовался, чтобы сделать из католической религии политический инструмент для полонизации населения. Побуждаемое духовенством (значительная часть которого была польской или стала таковой по причине упоминавшейся монополии) это население было обязано усваивать польский язык для участия в торжественном богослужении его исповедания», — говорилось в ней.

Успех, которого удалось достичь полонизаторской пропаганде в западных областях Империи, проявился во время восстания 1863 г. в Царстве Польском. Чтобы остановить дальнейшее проникновение польского элемента в эти области России, правительство было вынуждено принять действенные меры в гражданской сфере. Решив твердо следовать по политическому пути, правительство, в то же самое время, стремилось сделать все, от него зависящее, чтобы принятые им меры против полонизации вовсе не задевали католическую религию, и религиозные интересы католических подданных не страдали.

Из разъяснений Капнистом причин и содержания указа 1869 г. следовало, что, стремясь покончить с монополией польского языка в этих областях, следуя принципу полного отделения католицизма от полонизма, религиозного вопроса от политического, правительство и отменило указ 1848 года.

При этом оно рассчитывало с помощью этой меры дать законное удовлетворение интересов католического населения русских областей, разрешив употреблять их язык для исправления их исповедания и признав за русским языком права, равные с другими современными языками, признанными католическими установлениями, сохраняя при этом использование латинского языка для литургии.

Реализация этого плана на практике, отмечалось в записке, как и предвидели, натолкнулась на серьезные трудности. Прессой и пользовавшейся влиянием по всей Европе польской эмиграцией он был представлен актом, направленным на притеснение католической религии. Утверждалось, что его скрытой целью была религиозная пропаганда, что перевод церковных книг с польского языка на русский был сделан так, чтобы исказить католическую догму, что русский язык будет употребляться в литургии вместо латыни. Говорилось также, что эта мера будет распространена на Царство Польское, что хотят запретить полякам употреблять родной язык для совершения богослужения, что эта мера насильственно применялась в местностях, где население не знает русского языка.

Под влиянием воззваний, тайно направленных польской эмиграцией духовенству, в западных областях Империи сложилась ситуация, когда благонамеренная и наиболее преданная Св. Престолу часть духовенства заняла пассивную позицию. Ссылаясь единственно на то, что использование русского языка еще не разрешено папой, она не исполняла указ, но одновременно заявляла о готовности это сделать по получении на то его позволения. Другая часть духовенства, «дорожащая полонизмом больше, чем религией», была решительно против, будучи раздосадована тем, что допущение такой терпимости к русскому языку лишало ее предлога заниматься политикой под прикрытием религии.

В записке специально подчеркивалось, что речь шла о применении этой меры только в западных областях Империи, но, никоим образом, вопрос о ней

не стоял в Царстве Польском, где это, очевидно, было бы невозможно. Хотя значительную часть католического духовенства в западных областях составляли поляки, некоторая часть его была из местных уроженцев, и большинство знало русский язык достаточно, чтобы быть в состоянии справиться с постепенным введением этого языка в обучение и в католическое богослужение. Опровергалось утверждение и о незнании русского языка проживавшими там поляками. Поскольку большинство католиков составляли не поляки, последние оказались рассеяны среди местного населения и, неизбежно, находились в постоянном контакте с преобладающим русским населением, так что русский язык был для них разговорным и, за небольшим исключением, почти все они его понимали.

Говоря о границах введения русского языка в католическое исповедание, в записке опровергалось утверждение польской стороны, что введение русского языка должно внести изменения в требник, обучение и литургию католицизма. Особо было отмечено, что только католики, русские по национальности, сочувственно встретили эту меру.

В заключение подчеркивалось, что, допуская употребление русского языка в католическом исповедании в западных областях России, императорское правительство имеет в виду единственно отделить религиозный вопрос от политического. Применяться эта мера должна таким образом, чтобы не только ни в чем не наносить вреда подлинным интересам католицизма в России, но еще обернуться в его пользу.

Для большей убедительности Капнист так рисовал альтернативу, перед которой стоял Св. Престол: «Ибо, действительно, католицизм, выиграл ли бы он, став солидарным в западных областях Империи с польским элементом, который там имеется в незначительном меньшинстве и которому предстоит там совсем исчезнуть? Или же католическая Церковь извлекла бы выгоду от отделения своих интересов от интересов полонизма в западных областях, ограничившись единственно тем, чтобы позаботиться, чтобы меры, которые вводили бы русский язык в вероисповедание, не наносили никакого ущерба чистоте религии?»

Со своей стороны, Капнист предупреждал Св. Престол: «Не следовало терять из виду пагубные последствия, которые могли бы вытекать в этой конъюнктуре из предвзятого недоверия к императорскому правительству под влиянием польской партии. Мог бы быть потерян случай отделить раз и навсегда судьбы католицизма в западных областях от судеб полонизма, с которым императорское правительство не сумеет там договориться.

Вопрос допущения русского языка в католическом исповедании, казалось бы, таким образом, должен представлять общий интерес для Святого Престола и императорского правительства. Вследствие этого совпадения интересов, были бы вправе ожидать от Святого Престола беспристрастной позиции и оказания оздоровительного влияния на католическое духовенство в западных областях.

Для этого у него даже не просили бы активной помощи или решительного вмешательства. Речь шла бы только о том, чтобы он прибег к своему воздействию заявлениями, которые прекратили бы интердикт, на который единственно ссылается самая благонамеренная часть католического духовенства в западных областях.

Заявляя, что русский язык может быть употребляем в католическом исповедании в той же самой мере, как другие современные языки, что каноны Церкви этому не противятся и что, со своей стороны, он не видит возражений его употреблению в религиозном культе в западных областях Империи, Святой Престол способствовал бы справедливому разрешению вопроса, представляющего общий интерес для Церкви и Государства.

Его голос направил бы духовенство на прямую дорогу, предлагая поддержку благонамеренной части этого духовенства и лишая ту его часть, которая преследует единственно политическую цель, всякого предлога, чтобы продолжить свои происки под прикрытием религии»¹³.

Ответная памятная записка Св. Престола фактически прикрывала категорический отказ. В ней содержалось предложение рассмотреть вопрос об отмене всякого контроля над его сношениями с католиками в России, а одновременно было дано почувствовать, что его «скрытое влияние будет продолжать благоприятствовать оппозиции, встреченной императорским правительством на пути разделения католицизма и полонизма». По поводу последней части этого вывода, к которому пришел Капнист (донесение от 18 (6) сентября 1873 г.), Александр II против подчеркнутых им же слов заметил: «В этом он (Св. Престол. — О. С.), по крайней мере, искренен»¹⁴.

В ходе заключительной беседы по вопросу введения русского языка в дополнительное богослужение (донесение от 19 (7) сентября 1873 г.) кардинал Антонелли сделал ряд весьма примечательных замечаний. На заявление Капниста о том, что, отказавшись поддержать российское правительство, Св. Престол вынуждает его искать иные пути, чем договоренность с ним, кардинал ответил: «Я не сомневаюсь... чтобы императорскому правительству не удалось заставить применять русский язык. У него для этого есть власть и средства, но Святой Престол не окажет ему своей поддержки. Вы видите, что происходит в польских провинциях Пруссии. Это ни первый и ни последний раз Церковь подвергается насилию. Но она его не боится».

В ответ Капнист сказал: «Итак, борьба — это то, чего хочет Святой Престол. Очевидно, что примирение невозможно раз уж одна из заинтересованных сторон его отвергает в принципе, но она принимает на себя также ответственность за последствия»¹⁵.

При встрече на следующий день кардинал обратил внимание своего собеседника на то, что в своей памятной записке Св. Престол «не ссылается, в принципе, на запрет употребления русского языка в дополнительном богослужении. Такой запрет не существует». На выраженное Капнистом недоумение в связи с тем, что с глазу на глаз кардинал ему заявляет об отсутствии запрета, а Св. Престол отказывается высказаться по этому поводу, кардинал дал такое разъяснение: «Если я сказал, что запрет не существует, это значит, что нет формального акта, запрещающего употребление русского языка. Но любые изменения в отправлении культа, даже в отношении дополнений, места и времени, рассматриваются Святым Престолом в качестве чисто духовных вопросов, относящихся исключительно к его компетенции. Итак, Святой Престол до настоящего времени не дал своего согласия на замену наречия, которое хотят ввести в упомянутых областях, а то, что не разрешено — запрещено». Из всего произошедшего Капнист сделал вывод, что рассчитывать на Св. Престол в решении этого вопроса не приходилось, по крайней мере, при нынешнем папе¹⁶.

Понятно поэтому, что, когда весной 1875 г. Сиверс запросил его по поводу уместности возобновить переговоры, Капнист ответил отрицательно, считая «не только бесполезным, но даже вредным и недостойным поднимать повторно этот вопрос перед Святым Престолом». С ним был согласен Александр II, сделавший против этих слов на депеше помету: «Я это тоже нахожу».

(Продолжение следует)

Примечания

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект 04-01-00040-а).

1. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. Департамент духовных дел иностранных исповеданий, оп. 11, д. 23, л. 30.
2. Там же, д. 44, л. 50; д. 71, л. 72.
3. Там же, д. 44, л. 53—54.
4. Там же, л. 61—66; Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ), ф. Российское посольство в Риме, оп. 525, д. 825, л. 139—143; д. 1134, л. 130—134.
5. До разрыва отношений между Св. Престолом и Россией в 1866 г. он был секретарем миссии, а теперь находился в Риме в качестве частного лица для исполнения только текущих дел и хранителя архива миссии при Св. Престоле. Его официальное положение определялось инструкциями правительства, но только перед ним. Перед Св. Престолом они не давали ему никаких дипломатических полномочий.
6. АВПРИ, ф. Канцелярия. 1870, оп. 470, д. 127, л. 85—99.
7. Там же, л. 130—137, 166—167.
8. АВПРИ, ф. Канцелярия. 1872, оп. 470, д. 108, л. 173—175.
9. Там же, д. 23, л. 132—139.
10. Там же, ф. Отчеты МИД. 1871, оп. 475, л. 184—187.
11. Там же, ф. Канцелярия. 1872, оп. 470, д. 23, л. 207—213.
12. Там же, л. 230—233.
13. Там же, д. 110, л. 4—20.
14. Там же, ф. Канцелярия. 1872, оп. 470, д. 110, л. 71.
15. Там же, л. 99—105.
16. Там же, л. 110.

Историография детского крестового похода (XX — начало XXI в.)

О.В. Лукаш, В.Л. Портных

Крестовые походы — особое явление в истории западноевропейского средневековья, изучение которого остается актуальным по сей день. Кроме серии масштабных военных походов рыцарей под лозунгом освобождения Иерусалима от неверных, начавшейся с выступления 1096 г., название «крестовый поход» получил ряд массовых народных движений, на которые оказали воздействие идеология и практика крестоносных экспедиций. Одно из таких движений, датированное 1212 г., и стало известным как крестовый поход детей.

Как и обо всех «народных» крестовых походах, не получивших одобрения папы, о детском походе не написано ни одной «парадной» хроники, прославляющей саму экспедицию или ее лидеров. Все известные историкам сведения содержатся в нескольких десятках хроник разного времени, где событиям 1212 г. посвящен один абзац. В результате мы располагаем небольшим набором фактов и большим простором для интерпретаций: почему случился этот неслышанный ни до, ни после, поход детей? Почему это произошло именно тогда? Почему именно в такой форме? Событие это было уникальным, неповторимым, и от этого тем более интересным для изучения.

В связи с тем, что информация о детском крестовом походе на русском языке имеется только в монографии М.А. Заборова «Крестоносцы на Востоке»¹ и некоторых научно-популярных работах, представляется целесообразным подготовить для отечественного читателя небольшой историографический обзор работ зарубежных историков, опубликованных в XX — начале XXI века. В данном исследовании рассматриваются основные вопросы, которые ставятся в этих работах, и ответы, которые на них даются.

Уже в XIX в. наряду с соответствующими главами общих работ по истории крестовых походов², а также другими научными³ и любительскими трудами⁴, появились две научные статьи, специально рассматривающие этот поход⁵. Общей чертой этих статей была их ориентация, в первую очередь, на реконструкцию, а не на интерпретацию событий. Такой подход был во многом обусловлен позитивистским представлением о задачах историка: нужно было четко представлять себе событийную канву и писать историю так, «как это было на самом деле». На этих принципах основана и первая статья двадцатого столетия, написанная Д. Манро⁶. Однако далее, параллельно с появлением новых изысканий в части реконструкции событий, начиная со

Лукаш Ольга Викторовна — лаборант-исследователь; *Портных Валентин Леонидович* — кандидат исторических наук, зав. сектором Лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского государственного университета.

статьи П. Альфандери ⁷, акцент сместился в сторону выявления истоков и сущности детского крестового похода. Именно это стало главной задачей исследований, и именно этим сюжетам будет посвящен наш обзор.

Обращаясь к сюжету детского крестового похода, историки по-разному определяли мотивы и причины, побудившие детей отправиться в путь. Не слишком большое число источников (всего порядка 60 хроник ⁸) и ограниченность информации в них (в ряде случаев это две строчки) сильно сужали круг возможностей для фактологического исследования, но одновременно давали широкий простор для интерпретаций.

Раньше всего была отмечена роль психологического аспекта в походе 1212 года. Уже Манро обратил внимание на ценность детского похода в плане изучения мировоззрения людей, живших в начале XIII века. Подводя итоги статьи и говоря о характеристике похода в целом, историк заключил: «В то время как это крестовое движение сравнительно малозначимо, оно представляет огромный интерес благодаря тому свету, который оно проливает на психологическую установку (*the mental attitude*) современников» ⁹. Впрочем, автор не развил свою мысль, а этот тезис затем повторил Дж. Хансбери, который определил детский поход как «проявление психологической реакции на современные события» (*a manifestation of a psychological reaction to contemporary events*) ¹⁰. Н. Закур, в свою очередь, сравнил поход 1212 г. с другими случаями «массового психоза» (*the kind of mass psychosis*), имевшими место в том же году и ранее ¹¹.

Однако важно подчеркнуть, что это была реакция на вызовы реальности. В их числе историками был назван, в первую очередь, захват святой земли неверными (в 1187 г. Иерусалим был завоеван сарацинами, и в 1212 г. оставался в их руках), а также усилия духовных и светских властей по ее возвращению в христианское владение. Впервые об этом факторе упомянул Альфандери ¹². Однако крестовый поход в Палестину практически не пропагандировался в годы, непосредственно предшествовавшие детскому крестовому походу, и память о потерянной святыне была скорее фоном, чем непосредственным толчком к выступлению.

Еще в XIX в. Р. Рехрихт назвал стимулом детского похода во Франции проповеди против катаров ¹³, Г. де Яннсенс связал детский поход с религиозными процессиями, проводившимися в 1212 г. по инициативе папы Иннокентия III с целью обретения победы над арабами в Испании ¹⁴. Подобные процессии могли спровоцировать движение масс, ставшее известным как детский крестовый поход. В дальнейшем в пользу подобных предположений высказывались Дж. Микколи ¹⁵, Н. Закур ¹⁶ и П. Рэдтс ¹⁷. Тезис о пропаганде против арабов и еретиков был также поддержан У. Геблером ¹⁸, Ф. Кардини и Д. дель Неро ¹⁹.

Диксону удалось подкрепить конкретными фактами постулат о связи между детским походом и проповедями крестоносных экспедиций. В частности, он выделяет упоминание в одной из хроник XIV в. некоего пастуха из Шартра (это описание имеет сходство с лидером французского движения — пастухом Этьеном из деревни Клоие близ Шартра), который принял участие в процессии в поддержку похода в Испанию и был окружен почетом, поскольку с ним случилось чудо ²⁰. В этом источнике приведен фрагмент, взятый из хроники Гийома из Андреси, сообщающий о паломничестве детей. Несмотря на то, что хроника является очень поздним источником, Диксон оспаривает мнение Рэдтса о ненадежности сведений хроники и считает ее очень важной для прояснения обстоятельств начала похода. Кроме того, им были найдены свидетельства о проповедях альбигойского похода непосредственно перед детским походом в Ильде-Франсе и в долине Рейна (регионах формирования детского крестового похода), а также немало сведений об участниках этой экспедиции из обозначенных областей ²¹. В отношении испанской кампании выяснилось, что в январе 1212 г. был отправлен призыв к участию в походе, в том числе, и архиепископу Санса, в подчинении у которого был епископ Шартра. В рейнском районе этот поход проповедовался примерно в тот же период, однако войска не предоставили ни Ильде-Франс, ни долина Рейна ²².

Иная точка зрения на истоки детского похода была высказана Альфандери. Он предложил рассматривать это явление как изначально просто религиозную процессию без политической направленности, которая трансформировалась в массовый поход. По мнению ученого, поход

1212 г. имел много общего с покаянными процессиями, зафиксированными в середине XII в. во Франции, участники которых строили соборы²³. Гипотеза Альфандери была опровергнута Г. Диксоном: никто из современников не говорит об исключительно детских процессиях или лидирующей роли детей²⁴.

В то же время, отталкиваясь от мысли Альфандери о значении для похода 1212 г. процессий, не имевших политической цели, Диксон предположил, что определенное влияние могли оказать другие процессии, а именно те, которые совершались в период кризиса с целью обретения божественной милости²⁵. Во время таких процессий звучали обращенные к Богу возгласы, напоминающие приводимых в Монтемерской хронике, и наряду со взрослыми в них участвовали дети.

Однако Альфандери предложил еще одно объяснение детскому энтузиазму: культ невинных детей, убитых царем Иродом, память о которых отмечалась процессиями 28 декабря. Косвенным указанием на связь детского похода с этим культом является упоминание в хронике Альберика из Труа-Фонтен часовни, которую папа Григорий IX построил в память о детях, разбившихся о скалу во время бури, разыгравшейся на их пути в Иерусалим, и посвятил ее «новым Невинным»²⁶. Несмотря на то, что данный источник — единственный, который сообщает о существовании этой церкви, ее историю долгое время продолжали пересказывать, не подвергая сомнению, либо не предлагая никаких версий, объясняющих ее происхождение²⁷. В то же время известно, что на острове Святого Петра, расположенного рядом с Сардинией, и в наши дни существует некая церковь Новых Невинных (*Chiesa dei Novelli Innocenti*).

Лишь в работах XXI в. было убедительно доказано, что сведения хроники не выдерживают критики. Диксон указал на отсутствие папских документов о церкви²⁸. К. Грассо привлек дополнительные источники и выяснил, что в средние века остров был в целом заброшен, и хотя при его заселении в Новое время были найдены руины какой-то церкви, последняя скорее могла иметь связь с культом Святого апостола Петра²⁹. О церкви, посвященной Невинно убиенным младенцам, никаких других исторических данных нет.

Важной предпосылкой похода ряд авторов считает ожидания конца света, которые занимали значительное место в мироощущении средневекового человека и усиливались в определенные года. Альфандери первым предположил, что эсхатологические настроения могли спровоцировать поход в Иерусалим³⁰. Стоит отметить, что Иерусалим традиционно фигурировал как арена событий в преддверии конца света³¹, а паломничество в Иерусалим являлось актом покаяния и считалось главным религиозным поступком в жизни — в частности, достойным делом для завершения жизненного пути³². Кроме того, как отметил Альфандери, дети случайно решили выступить именно в период Пасхи: согласно Библии, в это время ветхозаветные евреи, перед тем как начать свой исход из Египта, отметили двери своих домов специальными знаками, дабы их не коснулись кары небесные (Исх. 12: 22—23). В средние века этот знак традиционно отождествлялся со знаком «тау», упомянутым в книге Иезекииль (Иезекииль 9:4—6)³³, и именно этот знак, как утверждают «Деяния тридцетв», носил с собой мальчик Николаус. Дж. Микколи очень подробно прокомментировал эпизод с «тау»³⁴: будучи связанным с историей Исхода, этот символ обозначал избранность, освобождение, а вместе с тем являлся еще и знаком защиты. Г. Диксон добавил также, что «тау» могли ассоциировать с крестом, который был обязательным атрибутом крестоносцев: в одном из писем за 1202 г. папа Иннокентий III назвал крест именно так³⁵. Наличие такого знака позволяет предположить, что участники похода осознавали себя избранными людьми, а немецкие дети даже верили, что перед ними расступится море: этот мотив также отсылает к истории Исхода. Кроме того, дети, подобно ветхозаветным евреям, утверждали, что поход был предписан им свыше³⁶.

В связи с возможным обращением участников детского крестового похода к ветхозаветным образам важным фактом является их лояльность к евреям. Лишь относительно недавно было отмечено, что в отличие от других «народных» крестовых походов — 1096, 1251 и, добавим от себя, 1320 гг. — нет сведений о каких-либо столкновениях и насилии по отношению к еврейскому населению средневековых городов, лежавших на пути крестоносцев³⁷. Диксон предложил интерпретацию этого явления, опираясь на данные о массовом паломничестве евреев из

Англии и Франции в Иерусалим с целью поселиться там, которое случилось в 1211—1212 гг. одновременно с детским крестовым походом³⁸. По его мнению, это событие могло оказать влияние на детский поход³⁹. Правда, так и остается не совсем понятным, могла ли быть связана с этим влиянием исключительная толерантность участников детского похода к евреям. В то же время стоит учитывать, что экспедиция была безоружной, а это соотносится с идеей мессианства и верой в обретение желаемого без насилия, лишь с помощью Божьей.

Еще один аспект, который мог повлиять на организацию похода, был выявлен Дж. Микколи и П. Рэдтсом. По мнению Микколи, дети, как крестоносцы во времена первого крестового похода, могли надеяться на лучшую жизнь, идя в Иерусалим (в пользу этого историк трактует фразу из Эберсмиунстерской хроники, где Николас говорит про предоставление достаточных средств тем, кто пойдет за ним)⁴⁰. Рэдтс акцентировал внимание на словах хронистов о бедности участников детского похода и связал его с популярными в то время идеями апостольской бедности и нестяжательства⁴¹. М. Менцель развил эту тему⁴², заметив, что, с одной стороны, имеется указание на бедность участников, а с другой — недоброжелательное отношение к клиру, зафиксированное в Марбахских анналах. Рассматривая сообщения хроник в таком контексте, ученый обнаружил еще одну любопытную деталь: лишь те хронисты, которые состояли в орденах, где распространилась идея апостольской бедности, написали о детском походе положительно⁴³.

Устоявшееся словосочетание «детский крестовый поход» восходит к обозначению его участников словом *crucesignati*, появившемуся незадолго до событий 1212 г. и обозначавшему крестоносцев⁴⁴. Однако правомерность такого определения для экспедиции детей 1212 г. была подвергнута сомнению рядом историков.

С одной стороны, дело в определении крестового похода как такового. Как правило, к крестовым походам относят экспедиции, которым свойственно наличие трех важных составляющих: 1) официальная санкция папства, которая среди прочего могла выражаться и в присутствии в войске высокопоставленных духовных лиц; 2) традиция «принятия креста» — изображение крестов на одежде участников похода; 3) дарование полной индульгенции, то есть полного отпущения всех грехов, совершенных к моменту начала похода, при условии раскаяния в них, а также других привилегий за участие⁴⁵.

В детском походе недостает двух элементов из трех: папе не принадлежит ни инициатива, ни одобрение похода *post factum*, и, как следствие, он не предоставлял никому из участников ни индульгенций, ни других привилегий. На это обратил внимание Н. Закур: детский крестовый поход «никогда, несмотря на убежденность тех, кто принял в нем участие, не был крестовым походом в юридическом смысле слова (*a crusade in any legal sense*), благословленным церковью и поощряемым индульгенциями»⁴⁶. Кроме того, детский поход не был — в отличие от всех прочих — вооруженным. Уже Альфандери заключил, что ни один источник не говорит о детском крестовом походе как вооруженном, и этот вывод абсолютно верен⁴⁷. Геблер рассматривал проблему строго в соответствии с наиболее общепринятыми определениями⁴⁸: поскольку детский крестовый поход не предполагал вооруженного захвата святой земли, не было призыва папы и нет сведений о принятии обетов, к нему не может быть применен термин «крестовый поход».

Тем не менее, нельзя не учитывать тот факт, что часть современных событиям источников называет участников стандартным латинским термином *crucesignat*. Такая однозначная ассоциация детского похода с «классическим» крестовым походом не позволяет просто вычеркнуть первый из списка крестоносных мероприятий. В результате историки обычно сходятся на «среднем пути»: он всегда условно называется «крестовым», но при этом не является кандидатом на вхождение в «большую восьмерку» походов (согласно академической традиции, крестовых походов было восемь).

Говоря о специфике детского похода и сравнивая его с другими народными движениями, на которые оказали влияние идеология и практика экспедиций крестоносцев, Ф. Кардини предложил определять поход 1212 г. как «народный крестовый поход» (*crociata popolare*)⁴⁹, характеристиками которого являются массовость, незнатное происхождение и тяжелые условия жизни

участников, наличие знаков свыше и харизматических лидеров, эсхатологические настроения, осознание себя как «народа Бога», которому дарована сила благодаря его бедности и невинности. Диксон также отнес детский поход к «народным крестовым походам» (*popular crusades*)⁵⁰, назвав его «канонически нелегитимным» (*canonically illegitimate*)⁵¹, поскольку он не представлял собой реакцию на папский призыв и не имел одобрения со стороны церкви.

Еще один вариант решения продемонстрировал в своей статье П. Рэдтс, который попросту ввел свое определение крестового похода: для него это все вооруженные или невооруженные экспедиции, участники которых приносили обеты и намеревались освободить Иерусалим и другие святые для христианства места от мусульман или защитить эти святыни⁵². При такой трактовке детский поход может быть включен в категорию «крестовые походы».

С другой стороны, важной частью проблемы определения детского похода является его «двусоставность», поскольку под этим общим названием понимаются два похода: французский и немецкий, которые довольно существенно отличаются друг от друга.

Говоря о французском движении, Манро отметил, что ни один из основных современных событиям источников не сообщает каких-либо деталей, присущих крестовому походу или паломничеству⁵³. Более того, из современных хроник лишь Аноним из Лана говорит об организованном характере французского движения и упоминает мальчика Этьена. Вслед за американским ученым на этот момент указал Рэдтс: ни один из современных событиям источников не сообщает о том, что французские дети направлялись в Иерусалим⁵⁴. Такое же мнение высказали Ф. Кардини и Д. дель Неро⁵⁵. Это не совсем верно: если взять другие современные событиям хроники, например, продолжения Кельнской королевской хроники, то мы увидим, что в них говорится об Иерусалиме как о цели и немецкого, и французского движений, что уже немаловажно, причем в одном из них — именно о «помощи Святой Земле». При этом сам Рэдтс включил продолжения Кельнских хроник в число источников, созданных до 1220 года. Единственное, что в таком случае оправдывает выводы Рэдтса и других ученых, — это то, что в названных хрониках говорится о походе в целом и не сообщается о целях французского движения в отдельности.

Если источники сообщают *de facto* о двух движениях — французском и немецком — возникает вопрос: была ли у двух движений какая-либо взаимосвязь? Прямых доказательств этому нет, однако во всех исторических работах немецкий и французский походы рассматриваются вместе, как единая экспедиция. Говоря об этом, Г. де Янссенс выдвинул предположение, что немецкое движение стало продолжением (*prolongement, conséquence*) французского, однако вывел просто хронологическую последовательность⁵⁶. Манро писал, что подобная связь не может быть доказана при помощи имеющихся в нашем распоряжении источников (*such connection cannot be proved from the extant sources*)⁵⁷. Отсутствие каких-либо данных на этот счет констатировали Альфандери и Геблер⁵⁸.

В то же время большая часть историков все же исходит из представления о некоей общности двух движений, поскольку в сообщениях некоторых источников упоминаются одновременно и первое, и второе, и поскольку между ними много общего в описании, хотя по-разному представляется их последовательность.

В научных работах конца XIX — первой половины XX в. рассматривалось сначала французское движение, а затем немецкое⁵⁹, и эта тенденция сохранялась вплоть до работы Н. Закура (1962). Он предложил считать первым движение, сформировавшееся в Кельне и его окрестностях⁶⁰, исходя из дат, которые зафиксированы в продолжении IIa Кельнской королевской хроники, а именно период между Пасхой (25 марта) и Пятидесятницей (13 мая) (в то время как французское движение начинается в июне). Несмотря на то, что в источнике говорится о детях «со всей Германии и Франции», эта точка зрения была принята Рэдтсом⁶¹, а также Кардини и дель Неро⁶². При этом немецкое движение предстает «настоящим» крестовым походом, а французское — его ответвлением или отголоском.

Другая версия получила выражение в статье Дж. Микколи: детский поход берет начало в июне 1212 г. во Франции, причем немецкое движение является эхом французского⁶³ и начина-

ется в июле ⁶⁴. Тезис о первичности французского движения проводит Диксон, доказывая, что местом возникновения детского похода был Шартр ⁶⁵, а приблизительным временем его проведения — период с 20 мая (на основе сообщения Альберика из Труа-Фонтен о процессиях по Франции в поддержку крестового похода в Испанию ⁶⁶) по 24 июня (окончание ярмарки Ланди ⁶⁷ близ Сен-Дени, где собрались дети, и которая обеспечивала большое скопление народа и благодатную почву для агитации). Кроме того, историк справедливо утверждает, что ни в одном французском источнике не сообщается о немецком движении, происхождение которого совершенно непонятно, если не считать французский его первой стадией (как упоминалось выше, в округе Шартра проводились процессии, из которых мог возникнуть детский поход, а конкретных указаний на таковые в регионе Кельна не найдено) ⁶⁸.

По мере изучения детского крестового похода предметом исследования стал не только характер движения, но и его состав. Только ли дети участвовали в походе, и дети ли это были?

Манро и Альфандери отметили, что хроники, описывающие поход немецких детей, упоминают мужчин и женщин, а не только самих детей ⁶⁹. Однако и в Мортемерской хронике, описывающей события, происходившие во Франции, помимо детей также говорится о стариках в составе процессии. Рэдтс добавил, что в пользу разновозрастного состава участников говорит упоминание в Марбахских анналах того факта, что папа освободил от обета креста лишь несовершеннолетних (то есть мальчиков возрастом до 14 лет и девочек до 12). Это означает, что прочие участники похода были старше ⁷⁰.

Однако были ли те, кого хроники чаще всего называют *pueri*, на самом деле детьми? Впервые посмотреть на проблему с такой точки зрения предложил Микколи, обративший внимание на значение слова *pueri* в средневековой латыни: иногда оно могло относиться к людям в возрасте вплоть до 28 лет ⁷¹. Его тезис был поддержан Рэдтсом, который считал, ссылаясь на Ж. Дюби, что термин *pueri* применялся также в отношении бедного «сельского пролетариата» и сыновей, лишенных родительского наследства ⁷². Вывод Рэдтса заключался в том, что под термином *pueri* нужно понимать скорее социальную, чем возрастную категорию ⁷³. С этим спорит Диксон, верно отмечая, что многие хронисты специально отделяют *pueri* от участников других возрастов ⁷⁴. При этом во всех работах по истории детского похода *pueri*, вне зависимости от возрастного определения, характеризуются незнатным происхождением.

М. Менцель в своей статье предложил еще одно примечательное наблюдение о возрастном составе участников похода: большая часть хроник, написанных до второй половины XIII в. и осуждающе отзывающихся о детском походе, склонны преуменьшать роль в нем собственно детей ⁷⁵. Единственное явное исключение из этого правила среди источников, созданных до 1250 г., которое было нами найдено, это хроника Матфея Парижского, которая негативно характеризует поход, говоря о дьявольском обмане как о его первопричине, и при этом сообщает лишь об участии детей (*pueri*).

В дальнейшем к образу детей добавились новые легендарные подробности, собранные Диксоном в его книге «Детский крестовый поход: средневековая история, современная мифистория» (2008), в которой прослеживается мифологизация детского похода, начиная от хроник и заканчивая популярными произведениями XX—XXI веков. Необычность детского похода и скудость данных о нем породили различные домыслы: например, Иаков Ворагинский (между 1295 и 1297) предположил, что многие участники похода были знатного происхождения — информация, которая никак не проверяется по хроникам ⁷⁶; Винсент из Бовэ (ок. 1254) представил поход как результат козней «Старца Горы» (предводителя радикальной мусульманской секты ассасинов), что, вероятно, было связано со средневековыми представлениями о нем (подготовка ассасинов начиналась с детства, поэтому ему могли понадобиться дети для обучения). Позднее Бернар Ги (1331) привел фантастическое число участников детского похода — 90 тыс. чел.; Иоганн Базилиус Герольд, создавший в 1549 г. историю крестовых походов от 1096 г. до войн против турок, сообщил, что многие девочки, которые участвовали в походе, шли в мужских одеждах, и все дети были знатного происхождения (вероятно, следуя Иакову Ворагинскому — как и итальянский историк Пьетро Биццари (1579), написавший, что знатных было «большинство» ⁷⁷).

Исходя из тезиса об участии в походе именно детей, Уильям Ф. Маклехоуз проанализировал психологические аспекты в описании похода 1212 г. в книге «Нежный возраст»: тревога о детях в культуре XII—XIII вв.» (2008) ⁷⁸, последний раздел которой посвящен детскому крестовому походу как своеобразной инициации. Историк обратил внимание на описание несколькими источниками изменений, происходивших с участниками похода в пути, что может быть представлено в виде схемы: вера в цель — утрата иллюзий — обретение взрослого самосознания и взгляда на мир. Этот процесс связан, в том числе, с лишением статуса чистых в физическом и моральном плане существ, который отличал детей от взрослых. В конечном счете, детский поход в работе У. Маклехоуза предстает как история драматического перехода от детства к зрелости, резкого исчезновения различия между детьми и взрослыми ⁷⁹.

Детский крестовый поход 1212 г. стал одним из самых необычных в числе крестовых походов. Свидетельства об этом событии привлекли исследователей, и на сегодняшний день о детском походе создана довольно обширная историография, в которой предлагается политическая, мировоззренческая, социальная, мифисторическая, психологическая интерпретация похода детей. Наряду с общим описанием и анализом истории похода 1212 г. появился ряд статей, подробно изучающих детали детского похода, такие как его маршрут, значение политики папы Иннокентия III для организации похода, отношение участников похода к евреям, легендарная часовня в память о детях на острове Святого Петра и другие.

В целом же, ход исследований в XX — начале XXI в. можно определить как постепенную «демифологизацию» детского крестового похода. Рассматривая его происхождение, ученые предложили несколько версий: отклик на официальную пропаганду крестовых походов против арабов и катаров, «разросшаяся» детская религиозная процессия, воплощение эсхатологических настроений и мистических идей эпохи, движение молодых бедняков, имеющее социальные корни. Разные взгляды на истоки похода 1212 г. ставят под вопрос и его определение как крестового похода: ряд авторов считает, что это было специфическое массовое движение, которое нельзя считать крестоносным в силу отсутствия необходимых признаков; другие историки относят детский поход к категории так называемых «народных крестовых походов»; третьи исследователи полагают, что черты крестового похода в походе 1212 г. имеются, а значит, его можно включить в число крестовых походов, особенно, если расширительно толковать этот термин. Наконец, были высказаны сомнения относительно возраста участников детского похода: часть историков придерживается мнения, что под детьми следует понимать не возрастную, а социальную группу, однако большинство все же признает, что детский поход хотя бы на некоторую долю соответствует своему традиционному названию.

Выявление характеристик детского похода и отделение в его истории относительно точных данных от позднейших маловероятных или явно придуманных позволяет более точно определить его место в ряду крестовых походов и массовых народных движений средневековья и выводит на более широкую дискуссию о понятии «крестовый поход». Изучение детского крестового похода затрагивает целый комплекс других вопросов, связанных с изучением истории и культуры средних веков: мировоззрение средневекового человека, роль пропаганды и инициативы «снизу», изображение реальности в хрониках. Кроме того, история детского похода привлекает внимание исследователя к проблемам, касающимся социальной и гендерной истории, в рамках которой, как правило, рассматриваются и социально-возрастные категории, в том числе детство. Начиная со второй половины XX в., в работах по детскому крестовому походу применяются знания, полученные в результате исследований по истории детства и детей в эпоху средневековья. Но идет и обратный процесс: наработки ученых в области изучения детского крестового похода используются специалистами, занимающимися проблемами детства и возраста в средневековом обществе.

Детский крестовый поход 1212 г., несомненно, представляет собой уникальное явление, к которому еще не раз будут обращаться историки, — хотя бы потому, что образ невинных детей, отправившихся в трудный и далекий путь, чтобы освободить Иерусалим, до сих пор не утратил своей силы над нашим историческим воображением.

Примечания

- Работа выполнена в рамках государственного задания в сфере научной деятельности (№ 33.702.2014).
1. ЗАБОРОВ М.А. Крестоносцы на Востоке. М. 1980, с. 257—263.
 2. MICHAUD J-F. Histoire des croisades. 4-ème éd. T. 3. P. 1826, p. 380—383; WILKEN F. Geschichte der Kreuzzüge nach morgenländische und abendlandischen Berichten. Leipzig. 1830, Vol. 6, S. 71—83.
 3. Lettre à M. Michaud sur la croisade d'Enfants de 1212 par Am. Jourdain. In: MICHAUD J-F. Op. cit., t. 3, p. 605—613; HECKER J.F.C. Child-pilgrimages. In: EJUSD. The epidemics of the Middle Ages. L. 1859, p. 346—360.
 4. GRAY G. Zabriskie. The Children's Crusade: An Episode of the Thirteenth Century. New York. 1870.
 5. JANSSENS G. de. Etienne de Cloyes et les croisades des enfants au XIIIe siècle. In: Bulletin de la Société dunoise : archéologie, histoire, sciences et arts. Chateaudun. 1891. VII, p. 109—135; RÖHRICHT R. Der Kinderkreuzzug 1212. — Historische Zeitschrift 36 (1876), S. 1—8.
 6. MUNRO D.C. The Children's Crusade. — American Historical Review, vol. 19, 3 (1914), p. 516—524.
 7. ALPHANDÉRY P. Les croisades des enfants. — Revue de l'histoire des religions. LXXIII (1916), p. 259—282.
 8. Наиболее полный список см.: RAEDTS P. The Children's Crusade of 1212. — Journal of Medieval History. 3 (1977), p. 282—289.
 9. MUNRO D.C. Op. cit., p. 523.
 10. HANSBERY J.E. The children's crusade. — Catholic historical review. 24 (1938—1939), p. 31.
 11. ZACOUR N.P. The Children's Crusade. In: A History of the Crusades. Madison-Milwaukee-L. 1969—1989, vol. 2, p. 328—330.
 12. ALPHANDÉRY P. Op. cit., p. 260.
 13. RÖHRICHT R. Beiträge zur Geschichte der Kreuzzüge. T. 2. Berlin. 1878, p. 230.
 14. JANSSENS G. de. Op. cit., p. 112—113.
 15. MICCOLI G. La Crociata dei Fanciulli del 1212. — Studi Medievali, Ser. 3, 2 (1961), p. 441—442.
 16. ZACOUR N.P. Op. cit., p. 327.
 17. RAEDTS P. Op. cit., p. 305.
 18. GÄBLER U. Der Kinderkreuzzug vom Jahre 1212. — Schweizerische Zeitschrift für Geschichte. 28 (1978), S. 12—13.
 19. CARDINI F., DEL NERO D. La crociata dei fanciulli. Firenze. 1999, p.78—79.
 20. DICKSON G. Stephen of Cloyes, Philip Augustus, and the Children's Crusade of 1212. In: Journeys toward God. Pilgrimage and Crusade. Kalamazoo-Michigan. 1992, p. 83—105; EJUSD. The Children's Crusade: Medieval History. Modern Mythistory. Basingstoke-New York. 2008, p. 53—54, 63—64.
 21. DICKSON G. La Genèse de la Croisade des Enfants (1212). — Bibliothèque de l'École des Chartes. Revue d'Érudition, t. 153, 1(1995), p. 73—75; EJUSD. The Children's Crusade, p. 46—49.
 22. EJUSD. La Genèse, p. 79—81; EJUSD. The Children's Crusade, p. 49—53.
 23. ALPHANDÉRY P. Op. cit., p. 272—274; ALPHANDÉRY P., DUPRONT A. La Chrétienté et l'idée de Croisade. P. 1995, p. 361—362.
 24. DICKSON G. The Children's Crusade, p. 40—41.
 25. EJUSD. La Genèse, p. 88—92.
 26. ALPHANDÉRY P. Op. cit., p. 275; ALPHANDÉRY P., DUPRONT A. Op. cit., p. 363.
 27. ALPHANDÉRY P. Op. cit., p. 275; ALPHANDÉRY P., DUPRONT A. Op. cit., p. 346, 363; HANSBERY J.E. Op. cit., p. 37; ZACOUR N.P. Op. cit., p. 338; RAEDTS P. Op. cit., p. 293; MENZEL M. Die Kinderkreuzzüge in geistes- und sozialgeschichtlicher Sicht. — Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters. 55 (1999), S. 134; CARDINI F., DEL NERO D. Op. cit., p. 18.
 28. DICKSON G. The Children's Crusade, p. 145.
 29. GRASSO C. La memoria contesa dei Novelli Innocenti. In: Un maestro insolito. Scritti per Franco Cardini. Firenze. 2010, p. 83—100.
 30. ALPHANDÉRY P. Op. cit., p. 278.
 31. FLORI J. L'Islam et la fin des Temps. L'interprétation prophétique des invasions musulmans dans la chrétienté médiévale. P. 2007.
 32. ALPHANDÉRY P., DUPRONT A. Op. cit., p. 14.
 33. MICCOLI G. Op. cit., p. 422.
 34. Ibid., p. 421—432.
 35. DICKSON G. The Children's Crusade, p. 105.
 36. Ibid., p. 92.

37. RAEDTS P. Op. cit., p. 305; PASSERAT G. La croisade des Pastoureaux. Sur la route du Mont-Saint-Michel à Narbonne, la tragédie sanglante des Juifs, au début du XIVe siècle (1320). Cahors. 2006; DICKSON G. Stephen of Cloyes, p. 83.
38. DICKSON G. Prophecy and Revivalism: Joachim of Fiore, Jewish messianism and the Children's Crusade of 1212. — V Congresso Internazionale di Studi Gioachimiti: Comunicazioni. Florenzia. 13–14, 1999–2000, p. 99–102.
39. Ibid., p. 103–104.
40. MICCOLI G. Op. cit., p. 434.
41. RAEDTS P. Op. cit., p. 298, 310.
42. MENZEL M. Op. cit., S. 138–148.
43. Ibid., S. 140–141.
44. MARKOWSKY M. Crucesignatus: its origins and early usage. — Journal of Medieval History, vol. 10, 3 (1984), p. 157–165.
45. RILEY-SMITH J. What were the crusades? L. 1977, p. 12–13.
46. ZACOUR N.P. Op. cit., p. 330.
47. ALPHANDÉRY P., DUPRONT A. Op. cit., p. 352.
48. GÄBLER U. Op. cit., S. 10.
49. CARDINI F. Per una ricerca sulle crociate popolari. — Quaderni medievali, 30 (1990), p. 156–164; CARDINI F., DEL NERO D. Op. cit., p. 120.
50. DICKSON G. Innocent III and the Children's Crusade. In: Innocenzo III. Urbs et orbis. Roma. 2003, vol. 1, p. 587.
51. EJUSD. The Children's Crusade, p. 17.
52. RAEDTS P. Op. cit., p. 301.
53. MUNRO D.C. Op. cit., p. 519.
54. RAEDTS P. Op. cit., p. 293.
55. CARDINI F., DEL NERO D. Op. cit., p. 46.
56. JANSSENS G. de. Op. cit., p. 129–130.
57. MUNRO D.C. Op. cit., p. 518.
58. ALPHANDÉRY P. Op. cit., p. 264; GÄBLER U. Op. cit., S. 4.
59. К этому периоду относится и ошибочная гипотеза Дж. Хансбери о французском Сансе как одном из мест, где начинался детский поход. См: HANSBERY J.E. Op. cit., p. 32–34. Критику Г. Диксона см: DICKSON G. The Children's Crusade, p. 220.
60. ZACOUR N.P. Op. cit., p. 332.
61. RAEDTS P. Op. cit., p. 294.
62. CARDINI F., DEL NERO D. Op. cit., p. 39–40.
63. MICCOLI G. Op. cit., p. 415, 442.
64. На основе сообщения в Шпайерских анналах. См: Annales Spirenses. Monumenta Germaniae Historica Scriptores, t. 17 (1861), p. 84.
65. DICKSON G. La Genèse, p. 94; EJUSD. The Children Crusade, p. 37–46.
66. ALBRICI MONACHI TRIUM-FONTIUM CHRONICON. In: Monumenta Germaniae Historica Scriptores, t. 23 (1874), p. 894.
67. DICKSON G. Stephen of Cloyes, p. 92, 94; EJUSD. The Children Crusade, p. 76, 84.
68. EJUSD. The Children Crusade, p. 83–84.
69. MUNRO D.C. Op. cit., p. 521; ALPHANDÉRY P. Op. cit., p. 264; ALPHANDÉRY P., DUPRONT A. Op. cit., p. 350.
70. RAEDTS P. Op. cit., p. 296–297.
71. MICCOLI G. Op. cit., p. 430.
72. RAEDTS P. Op. cit., p. 296, 298; об этом также говорят Г. Диксон (DICKSON G. Stephen of Cloyes, p. 95–97) и Ф. Кардини (CARDINI F., DEL NERO D. Op. cit., p. 95–96).
73. RAEDTS P. Op. cit., p. 297.
74. DICKSON G. The Children Crusade, p. 35.
75. MENZEL M. Op. cit., S. 127.
76. DICKSON G. The Children Crusade, p. 137.
77. Ibid, p. 153–154, 161, 165–166.
78. MACLEHOSE W.F. «A tender age»: cultural anxieties over the child in the twelfth and thirteenth centuries. Electronic book. New York. 2008, cap. 4. URL: <http://www.gutenberg-e.org/maclehose>.
79. Ibid, p. 23, 28, 31.

От царства к империи. Россия в системах международных отношений. Вторая половина XVI — начало XX века.

М.-СПб. Институт Российской истории РАН.

Центр гуманитарных инициатив. 2015. 440 с.

Рецензируемая коллективная монография, подготовленная научными сотрудниками ИРИ РАН, открывает новое серийное издание «Historia Russica», призванное познакомить современного отечественного и зарубежного читателя с новейшими исследованиями в области изучения российской истории.

Одной из характерных черт книги является хронологически широкое и комплексное исследование крупной научной проблемы. Представляется весьма удачным избранный авторским коллективом теоретико-методологический подход ее к разработке — выделение и группировка материала вокруг системообразующих исследовательских «узлов» (Вестфальская, Утрехтско-Ништадтская, Венская, Крымская, Берлинская системы). Такой подход дал возможность авторам задействовать огромные пласты историографических отечественных и зарубежных наработок. Одновременно в книге привлечены новые массивы архивных источников, позволившие значительно расширить информационное поле, а, следовательно, создать условия для приращения нового знания.

Сознательно отказавшись в предисловии к монографии от подробной характеристики отечественной и зарубежной историографии (данная тема нуждается в дополнительном и самостоятельном монографическом исследовании) ответственный редактор книги И.С. Рыбачёнок предложила, на мой взгляд, более рациональный подход к освещению уже сложившихся историографических направлений и выделению наиболее дискуссионных вопросов. Эти проблемы оказались органически «вплетенными» непосредственно в тексты глав, предоставив тем самым возможность авторам по-своему интерпретировать как состояние историографической разработки проблемы в рамках рассматриваемых ими периодов, так и соответственно реагировать на дискуссионные вопросы. При таком подходе даже неискушенный в теме читатель получил возможность лучше понять историографическое состояние того или иного сюжета, а также усвоить, с чем авторы монографии согласны со своими пред-

шественниками, а в чем они расходятся. Следует также отметить, что авторы специально выделяют ряд дискуссионных проблем, которые нуждаются в дополнительном осмыслении и разработке.

В хронологических рамках каждого периода выделяется круг проблем стратегического и тактического характера, которые в тот или иной исторический момент находились в эпицентре внимания различных стран и требовали адекватного разрешения. В результате такого подхода авторам удалось воссоздать исторически емкое полотно, позволяющее понять, как общие закономерности, так и особенности формирования и эволюции всего комплекса систем международных отношений.

Позитивным моментом монографии является многомерный авторский анализ сложного и диалектически противоречивого процесса формирования и эволюции собственно внешнеполитического курса России. При этом авторы выделяют объективные факторы географического, экономического, политического, социального, культурного и мировоззренческого характера, которые оказывали влияние на процесс выработки и принятия внешнеполитических решений. Одновременно в книге большое внимание уделено раскрытию роли субъективного фактора (позиция царей, императоров, министров иностранных дел, представителей дипломатического корпуса разных рангов, а также крупных чиновников других ведомств, так или иначе причастных к решению международных проблем).

В монографии фактически пошагово анализируются процессы формирования разнородных систем международных отношений, выявляются наиболее существенные черты каждой из них, раскрываются причины ситуационных внешнеполитических трансформаций, а также совокупность факторов, обуславливающих крушение старых и формирование новых международных комбинаций.

Важно также подчеркнуть, что в рецензируемой книге поэтапно и достаточно обстоятельно показывается, как осуществлялся про-

цесс формирования конкретных международных систем. Важную роль при этом играл далеко не простой переход от династических мировоззренческих представлений и вырабатываемых на этой основе внешнеполитических курсов с характерными для них традиционными связями к постепенной рационализации этого процесса и осознанию общегосударственных и общенациональных интересов. Именно в этом и состояло основное направление развития международных отношений, которое было органически связано с общемировым развитием. Следуя ведущим общемировым тенденциям, авторы книги «увязывают» состояние международных отношений с различными уровнями экономического и социального развития соответствующих регионов и отдельных стран, с расширением факторов влияния на развитие проблем международных отношений. В этом ключе выполнено большинство глав книги.

Для конкретизации вышеназванных общих наблюдений стоит более подробно остановиться на оценке конкретных глав монографии. Так, в первой из них — «Русское государство в системе межгосударственных договоров в 70-х — начале 80-х гг. XVI в.» (автор А.В. Виноградов) — обстоятельно раскрыт процесс заключения межгосударственных договоров России с сопредельными странами, который с полным основанием следует рассматривать в качестве одного из важных этапов перехода к формированию систем международных отношений. В этой связи представляется продуктивной мыслью автора о «наличии системы межгосударственных договоров Московской Руси» (с. 14). Определяющим фактором, оказывающим влияние на решение двух главных международных проблем данного периода («Балтийской» и «Крымской»), было перманентно нарастающее противостояние между Россией и ее геополитическими противниками — Польско-Литовским государством, Швецией и Крымским ханством. Анализ подготовки и содержания межгосударственных договоров, как итогов острых вооруженных конфликтов, предпринятый автором, убедительно показывает, как непросто складывались эти отношения, какие разнообразные меры пришлось применять русским дипломатам, чтобы не только предотвратить вооруженные конфлик-

ты, но и согласовать условия перемирий и мирных договоров. Автором подробно описаны различные сценарии подготовки краткосрочных и долгосрочных договоров. При этом убедительно показана не только роль Ивана IV как крупного государственного деятеля и дипломата, но и вклад в формирование договорных отношений целой плеяды посольских представителей: И.М. Висковатого, братьев А.Я. и В.Я. Щелкановых, А.Ф. Нагого, Н.Р. Захарьина-Юрьева, П.И. Головина, О.М. Пушкина, Ф.А. Писемского, Р.В. Алфёрова-Нащокина, Б.Я. Бельского и многих других. Исследовательского внимания заслужил также церимониал заключения договоров.

Можно согласиться с итоговым выводом Виноградова о том, что «система межгосударственных договоров, сложившаяся в 1582—1583 гг., продемонстрировала удивительную жизнестойкость и просуществовала в неизменном виде вплоть до конца 90-х гг.» (с. 67). Она «препятствовала созданию против Русского государства коалиции с участием Речи Посполитой и Швеции» (с. 68).

К сожалению, в монографии нет главы (или раздела), посвященной периоду Смутного времени, приведшего к краху ранее созданной договорной системы межгосударственных отношений Московского государства. Небольшие экскурсы в этот период, имевшие место в тексте книги, не могут восполнить этого важного хронологического пробела.

Информационно насыщенной является вторая глава монографии (автор Е.И. Кобзарева), в которой обстоятельно показан процесс постепенного «вживания» России в Вестфальскую систему международных отношений, повышения ее международного статуса. В 1648—1686 гг. значительно расширился круг геополитических проблем, с которыми пришлось столкнуться российской дипломатии, произошли сдвиги как в самой организации дипломатического корпуса, так и в методах принятия внешнеполитических решений и расширении ареала дипломатических связей с европейскими странами. При этом автор обратила внимание на такой новый информационный фактор, как появление западноевропейской печати, которая внимательно изучалась и принималась во внимание представителями русского дипломатического корпуса.

В главе рассмотрены основные направления внешнеполитического курса России (балтийское, азовское, причерноморское), трудный выбор союзников для разрешения традиционных и вновь возникших международных проблем, место и роль страны в международных коалициях (например, Священной лиге). Представляется обоснованным итоговый вывод автора о том, что к концу 80-х гг. XVII в. Россия стала не просто одним из «участников общеевропейской коалиции», но ведущим восточноевропейским государством (с. 111—112).

В третьей (автор Г.А. Санин) и четвертой (автор М.Ю. Анисимов) главах книги показан соответственно процесс формирования и кризис Утрехтско-Ништадтской системы и место в ней России. Обращая внимание на многофакторный характер кризиса Вестфальской системы, Санин обстоятельно показал формирование предпосылок и условий складывания новой системы международных отношений, что было обусловлено появлением новых геополитических факторов, иным соотношением сил на международной арене, более глубоко осознающих общегосударственные и общенациональные интересы, чем это имело место в предшествующие исторические периоды. В начале XVIII в. значительно расширились возможности (экономические, военнотехнические, коммуникационные) европейских государств, неизмеримо возрос сам уровень международных связей, произошло дальнейшее совершенствование деятельности дипломатических представительств. Используя появившиеся военно-технические и финансовые возможности, европейские государства стремились расширить свои территориальные приобретения (до так называемых «естественных границ»), закрепить собственное монопольное положение при решении всего комплекса международных проблем. В этом направлении действовала и Россия, расширяя свои территории на западном и южном направлениях, «пробиваясь», в буквальном смысле слова, к берегам Балтийского и Черного морей.

В книге показан не только триумф внешнеполитического курса Петра I, но и те невыездные трудности, которые пришлось преодолевать ему и еще в большей степени его приемникам при решении внешнеполитических задач. Русская дипломатия стала постепенно

«очищаться» от налетов мифотворчества и становиться более рациональной, учитывавшей объективные факторы (состояние сухопутных и морских сил, использование новых вооружений, подготовку офицерского корпуса, финансовое обеспечение военных операций и т.д.) Рационализация внешнеполитического курса российской империи преследовала цель более внимательного отношения к выбору союзников и определению своих потенциальных противников. Петровская рационализация и умение учитывать не только внутривнутриполитические, но и международные усилия, непреклонная воля к достижению поставленных целей дали свои весомые результаты в решении многовекового балтийского вопроса. Петровские победы, как подчеркивает Санин, привели к созданию новой системы международных отношений, в которой Россия заняла одно из центральных мест (с. 164).

Представляется продуктивной мыслью М.Ю. Анисимова о том, что в петровскую эпоху был создан определенный «запас прочности» молодой империи, который на протяжении целого ряда лет позволял России продолжать проводить активную политику на европейском континенте. Этому, в частности, способствовал высокий уровень русского дипломатического корпуса (А.П. Бестужев-Рюмин, М.И. Воронцов), которому удавалось поддерживать статус империи, искать и в ряде случаев находить неординарные решения, позволявшие России избегать открытых вооруженных конфликтов. Прослеживая углубление кризиса Утрехтско-Ништадтской системы, Анисимов, вместе с тем, показал комплекс причин (в том числе и субъективного характера), которые не позволили закрепиться новой «Аугсбургской системе», так и не ставшей «логическим завершением длительной общеевропейской войны и всех усилий русской дипломатии 40—50-х гг. XVIII в.» (с. 202).

Значительный исследовательский интерес представляет глава пятая монографии (автор Г.А. Гребенщикова), в которой обстоятельно показаны место и роль России в системе международных отношений во второй половине XVIII века. При этом автор большое внимание (и это справедливо) уделила роли Екатерины II и новой генерации русской дипломатов (Н.И. Панин, А.А. Безбородко, Д.М. Голицын, С.Р. Воронцов, А.С. Стахийев, А.М. Обресков, Н.В.

Репнин, И.М. Симолин, М.М. Философов, Я.И. Булгаков). По сути, в данный исторический период Россия прочно вошла в концерт европейских держав, которые, как подчеркивает автор, «признали ее полноправным членом сообщества» (с. 256). Можно согласиться с выводом автора о том, что России в этот период удалось достичь качественного перелома в решении ряда направлений внешней политики (черноморское, крымское), создав тем самым предпосылки не только для провозглашения, но и для практической реализации нового курса внешней политики. В свете этих общих наблюдений и выводов вполне резонно утверждение Гребенщиковой о том, что новую систему международных отношений вполне можно назвать Петербургской (с. 256).

В книгу целесообразно было бы включить специальную главу о состоянии международных отношений накануне и в период Отечественной войне 1812 г., заграничных походов и формирования Венской системы. Это позволило бы «перекинуть мостик» к двум последующим главам, авторами которых являются Е.П. Кудрявцева и В.М. Хевролина. Кудрявцева аргументировано обосновала реальные рамки существования Венской системы (до начала Крымской войны) и показала, что после заключения Парижского мирного договора началось «возведение новой Крымской системы» (с. 261). Большое место в главе уделено анализу качественных изменений, которые произошли в Европе после Французской революции и наполеоновских войн, создания Венской системы, начала национально-освободительных движений и цикла европейских революций. Подобного рода глобальные подвиги не могли не отразиться на всей системе международных отношений и привести к очередной перегруппировке сил бывших союзников по антинаполеоновской коалиции. Новый комплекс геополитических проблем потребовал пересмотра прежних международных договоров. По сути, автор совершенно права в том, что после 1815 г. стала формироваться новая европейская модель взаимоотношений между государствами. Изменившаяся международная реальность потребовала и новых методов ее осмысления, выбора иных технологических приемов разрешения международных конфликтов, новой методологии сохранения мира.

Автор раскрывает причины кризиса легитимно-консервативного порядка (Священный союз), который до определенного момента успешно выполнял стабилизирующую роль и обеспечивал относительно мирное существование европейского общества. Одновременно в недрах Венской системы постепенно складывались предпосылки и условия перехода к новой модели «национально-политического европейского пространства» (с. 292—293).

В новой конфигурации, сложившейся в результате геополитического поражения России в Крымской войне, русским дипломатам, как показала Е. М. Хевролина, приходилось изыскивать самые разнообразные варианты выхода из международной изоляции. С одной стороны, они должны были учитывать внутреннее состояние страны, где в 60 — начале 70-х гг. происходила глобальная перестройка основных сфер жизни (Великие реформы), а с другой — перегруппировку сил внутри западноевропейского ареала (в частности, возникновение новых государств — Италии и Германии).

Учитывая противоречия между крупными европейскими странами, начавшими исподволь готовиться к новому переделу сфер влияния, русская дипломатия вынуждена была на европейском континенте придерживаться «оборонительной тактики» (с. 330). В интересах сохранения статуса великой державы Россия осуществляла политику балансирования, предпочитая не вступать в длительные коалиции, заключать временные союзы, стремясь добиться пересмотра условий Парижского договора в свою пользу (в частности, отмены нейтрализации Черноморских проливов). Вместе с тем, Россия в этот период активизировала свои действия на Балканах, в Средней Азии и на Дальнем Востоке, достигнув в этих регионах вполне определенных результатов.

В VIII главе монографии (автор Рыбачёнок) проведен анализ места и роли России в условиях Берлинской системы. В период перед первой мировой войной не только на европейском континенте, но и во все мире произошли качественные подвиги во всех сферах, включая и международную, потребовавшие создания новой конфигурации международных отношений, блоковых систем (прежде всего, Тройственного союза и Антанты), вступивших друг с другом в ожесточенное вооруженное

противостояние во имя передела политической карты мира. Принципиально в иных условиях империалистической эпохи внешняя политика России подверглась коренной перестройке, что нашло отражение в уровне выработки и принятии оперативных международных решений, выдвигании инновационных международных инициатив на конференциях в Гааге, в учете (в той или иной степени) общественного мнения, в рационализации выбора союзников и заключении соглашений.

Учитывая, что период 1878—1914 гг. предельно насыщен международными событиями, Рычачёнок сконцентрировала внимание читателя на раскрытии наиболее узловых проблем (балканская, ближневосточная, восточная), которые продолжали оставаться в эпицентре международной политики. Кризисы постепенно «подтачивали» основу Берлинской системы, что привело к исчерпанию ее трансформационных возможностей и, в конечном счете, к мировому вооруженному конфликту.

На мой взгляд, было бы целесообразно периоду первой мировой войны посвятить специальную главу. Это позволило бы более «плавно» завершить анализ состояния международных отношений в имперский период и перейти к рассмотрению внешнеполитической ситуации 1917 года.

Дело в том, что, как убедительно показано в завершающей главе А.В. Игнатъева «Россия в системе союзнических отношений в 1917 г.», внутривнутриполитическая ситуация в России после Февральской революции коренным образом изменилась, что оказало определяющее влияние на выработку и принятие внешнеполитических решений. По сути, имперский период внешней политики России завершился после свержения авторитарного режима.

Краткий анализ содержания рецензируемой монографии показывает, что авторскому коллективу удалось создать инновационное крупномасштабное исследование, в котором поставлен и основательно решен целый комплекс проблем, связанных с определением места и роли России в системах междуна-

родных отношений во второй половине XVI — начале XX века. Несмотря на все трудности и «зигзаги» в области выстраивания международных отношений, Россия заняла важное место в мировом геополитическом пространстве, стала одной из ведущих мировых держав.

Хочется особо подчеркнуть, что данная коллективная монография является крупной вехой в отечественной и зарубежной историографии, не только подводящей итоги изучения темы, но и открывающей перспективы ее дальнейшей разработки. В связи с этим, на мой взгляд, во-первых, следовало бы особое внимание обратить на понятийный аппарат (генезис понятия, его структуру, эволюцию) на что, кстати, справедливо указано в предисловии к книге. Учитывая дискуссионный характер вопроса, на нем следовало бы остановиться более подробно, как в плане общей постановки, так и в зависимости от того или иного исторического периода. Во-вторых, логику формирования и эволюции систем международных отношений имело бы смысл последовательно синхронизировать с уровнями внутреннего развития государств, учитывая при этом вовлечение в процесс не только новых авторов, но и общественных институтов и структур, а также общественного мнения. Такой комплексный подход (в ряде глав монографии он прослеживается) облегчил бы осмысление переходных периодов, а также места и роли общества в определении внешнеполитического курса страны. В-третьих, представляется актуальным раскрыть процесс выработки и принятия решений по проблемам внешней политики как в плане усвоения зарубежного, так и накопления собственного национального опыта. В-четвертых, исследования на международную тематику важно сопровождать картами, которые давали бы возможность читателю четче представить себе приращение геополитического пространства в тот или иной исторический период.

В.В. ШЕЛОХАЕВ

«Влесова книга», «Джафар тарихы» («Булгарские летописи»), «татищевские известия» — произведения, достоверность которых вызывает сомнения у многих современных отечественных и зарубежных историков. О «Влесовой книге» написано много и содержательно, но, как мне кажется, рецензируемая книга предстает как уникальное явление. В отличие от преобладающего большинства работ на данную тему это действительно беспристрастный анализ документа, обычно априори признаваемого в науке подделкой.

Автор книги — кандидат исторических наук Д.С. Логинов — живет в Рязани, является доцентом кафедры философии и истории Рязанского государственного университета им. академика И.П. Павлова, занимается проблемой подлинности «Влесовой книги» давно и профессионально. Не следует путать автора книги с Д.В. Логиновым, пишущим в жанре «folk history», в том числе и на тему «Влесовой книги». Исследование автора рецензируемой монографии отличают фундаментальное знание предмета исследования, междисциплинарный историко-филологический методологический подход, философская объективность.

Д.С. Логинов признает, что сама постановка проблемы может показаться, мягко говоря, спорной, ввиду практически единодушного заведомо негативного отношения специалистов к «Влесовой книге» (с. 3). Однако в ходе подробного историографического анализа изучения документа (с. 4—19) он убедительно показывает изначальную заданность позиций как противников, так и сторонников версии о подлинности «Книги», отрицательно сказывавшуюся на объективности их выводов. Научное изучение документа, по мнению автора, продолжает оставаться актуальной проблемой. Хочется, вместе с тем, отметить подчеркнутую корректность автора при оценке работ его предшественников.

В своей достаточно объемной монографии исследователь рассматривает изучаемый документ всесторонне: с историографической, источниковедческой, филологической, исторической и научно-религиоведческой точек зрения. Автор демонстрирует доскональное

знакомство с материалом, беспрецедентное погружение в тему. Следует признать, что работа проделана огромная, и в этом отношении монография не имеет аналогов в историографии научного изучения «Влесовой книги».

В главе I повествуется об истории обнаружения документа и его первых публикациях, а также анализируются различные версии его происхождения и бытования. В последние годы появилась возможность ознакомиться с большим количеством новых документов, связанных с появлением «Влесовой книги», в частности, с перепиской Ю.П. Миролюбова и А.А. Куренкова при подготовке первой публикации текстов «дощечек» в белоэмигрантском журнале «Жар Птица». Логинов не обходит молчанием странности и нестыковки в истории с появлением документа, но отмечает, вместе с тем, и тот факт, что однозначных оснований для признания его фальсификатом они не дают. В то же время некоторые из высказываний Миролюбова вызывают сомнения в том, что тот действительно понимал содержание текстов «Книги», что, в свою очередь, подрывает версию о нем, как об авторе подделки.

В главе II рассматривается современное состояние источников (основных списков «Книги»), анализируются достоинства и недостатки различных их публикаций. Автор разбирает основные особенности языка письменного памятника, доводы «за» и «против» их древнего происхождения, возможные истоки их появления в документе. Логинов признает, что не специализируется в области исторической филологии, однако очевидно, что он хорошо разбирается в проблематике, в отличие от подавляющего большинства защитников подлинности «Книги» (да и многих противников). Он не отрицает наличия огромного количества расхождений в тексте документа с современными представлениями об истории развития языка у восточных славян. Вместе с тем, многие из этих расхождений, по мнению автора, не стыкуются и с предположением о фальсификации и требуют в дальнейшем более вниматель-

ного рассмотрения специалистами. Особое место во второй главе посвящено обоснованию сложного происхождения источника, нахождения в его составе различных слоев. Эти слои (а всего их автор насчитывает до 16) выявляются посредством сопоставления смысловых единиц текстов разных дощечек, а также имеющихся данных об их физических характеристиках (в частности, количестве и длине строк), некоторых особенностей языка и палеографии. Логинов приходит к заключению, что выявляемые слои не согласуются ни с нумерацией текстов Миролюбовым и Куренковым, ни с порядком публикаций в «Жар Птице», что косвенно свидетельствует в пользу того, что Миролюбов действительно мог иметь дело с неким источником (а точнее с механически объединенными вместе разными по времени написания, авторству и тенденциозности источниками), который далеко не полностью понимал. Логинов отмечает, что проблема «слоев» «Влесовой книги» в его монографии только намечена и требует в дальнейшем более подробного рассмотрения исследователями.

Глава III является самой большой по объему. В ней автор подробно анализирует соотношение данных «Влесовой книги» с современными представлениями исторической науки. Рассматривается возможная вторичность источника по отношению к произведениям Миролюбова, как наиболее вероятного создателя фальсификата. Логинов признает очевидность взаимосвязи текста «Книги» и исторических изысканий Миролюбова, а также «Сказов», якобы записанных последним в юности на Украине и юге России. Вместе с тем сам факт наличия взаимосвязи еще не показывает ее «направление»: теоретически, Миролюбов мог как создать подделку, выразив в ней собственные представления о прошлом, так и, напротив, формировать эти представления на основе письменного документа, в подлинность которого искренне верил (но текст понимал не до конца).

Далее рассматриваются возможные источники «Влесовой книги». При этом автор отнюдь не заостряет внимание на доводах в пользу документа. Так, вызывают интерес его наблюдения о некоторых чертах сходства истории обнаружения и содержания книги с дру-

гим апокрифическим (и уже явно поддельным) источником — так называемой «Хроникой Ура Линда». Однако имеют место и моменты соответствия содержания некоторых текстов «Книги» другим письменным памятникам, возможность знакомства с которыми Миролюбова представляется весьма проблематичной (например, так называемая «Хроникой Тарона»).

Кроме того, в третьей главе затрагивается широкий спектр проблем, связанных с древнейшей историей славянства, происхождением Руси и начальным периодом существования государства. Автор демонстрирует несомненную эрудицию. Его сопоставления содержания текста с современными научными представлениями неизменно остроумны, хотя в некоторых случаях и могут показаться небесспорными. Впрочем, последнее откровенно признает и сам исследователь. Он отмечает в своей книге, что многие вопросы древней истории славян и Руси вызывают дискуссии сами по себе, безотносительно проблемы происхождения «Влесовой книги». В целом же, при ближайшем рассмотрении содержание документа может быть объяснено, исходя из взглядов исторической науки (не во всем совпадающих с представлениями Миролюбова). Отдельное место в главе (как и в монографии в целом) отведено рассмотрению и критике работ представителей так называемой «folk history». Постоянно проходит мысль об опасности распространения их профанских взглядов (источником вдохновения которых, к сожалению, часто служит и исследуемый документ) в обществе.

В главе IV сведения «Влесовой книги» о славянском языке сопоставляются с достижениями науки в данной области. Показано, что многие из данных документа, обычно трактуемых в качестве признаков фальсификата (наличие в тексте имен некоторых ведийских богов: Индры, Сурьи, Ямы и др., несомненные аллюзии к христианским текстам), могут быть объяснены и с других позиций.

В своих окончательных выводах Логинов достаточно осторожен и в полном смысле слова корректен, что еще раз подтверждает его строго научный подход к исследованию. В Заключении он пишет: «...наиболее непро-

творческой оказывается, на наш взгляд, версия о написании ВК примерно в конце VIII — середине IX в. н.э., причем в разных местах и разными авторами» (с. 357). И далее: «Наш труд не ставил перед собой задачи исчерпывающе ответить на все вопросы, так или иначе связанные с “Книгой”. В самом его названии отражено желание подытожить то, что было сделано нашими предшественниками, и подготовить почву для будущего, действительно полномасштабного, идущего “по всем фронтам” исследования источника. Мы ставили перед собой цель показать, что проблема ВК действительно существует» (с. 358).

Со своей задачей автор, несомненно, справился.

К сожалению, интерес читающей части общества к «Влесовой книге», да и вообще к древней истории славянства и Руси в настоящее время удовлетворяется преимущественно за счет псевдонаучных писаний представителей «folk history». В связи с этим можно лишь посетовать на то, что рецензируемая книга вышла мизерным тиражом в 200 экземпляров (и до сих пор не переиздавалась), тем более что, несмотря на несомненную научность и сложность многих рассматриваемых сюжетов написана она хорошим языком и будет интересна не только профессиональным историкам и филологам, но и широкому кругу любителей истории.

И.А. ГАГИН

Учредитель: ООО «Редакция журнала «Вопросы истории»

**Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 11 сентября 1996 г.
Регистрационный № 894**

Главный редактор А.А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

Б.Д. Гальперина, П.А. Искендеров, В.Г. Кикнадзе, М.А. Лагода, Р.Г. Ланда,
Е.П. Лебедева, Е.А. Мельникова, З.И. Перегудова, В.В. Поликарпов,
О.А. Ржешевский, А.Н. Цамутали, В.В. Шелохаев, В.Л. Янин

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать в переписку

«Вопросы истории» № 10, 2015

Адрес: Редакция журнала «Вопросы истории».

Малый Путинковский пер., дом 1/2, Москва, К-6, ГСП-4, 127994.

Телефон: (495) 650-96-21. E-mail: 095history@mail.ru

Оригинал-макет номера подготовлен в редакции

Подписано в печать 25. 09. 2015. Формат 70x108¹/₁₆. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. л. 18,00. Тираж 1600. Заказ 2678-2015. Индекс 70145.

ООО «Редакция журнала «Вопросы истории»

Дорогие читатели!

**Подписку на журнал «Вопросы истории»
можно оформить
в любом почтовом отделении
Российской Федерации:**

**по Объединенному каталогу «Пресса России»
на первое полугодие 2016 г., т. 1.
Подписка проводится
Агентством «АРЗИ»**

**Подписной индекс для подписчиков
70145**

**Жители Москвы и Московской области
могут оформить подписку на журнал
непосредственно в редакции по адресу:**

*Москва, Пушкинская пл., Малый Путинковский пер., дом 1/2,
3-й этаж, тел. (495) 650-96-21*

ВИ
**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**